

*Жене моей Людмиле
посвящается*

Александр Лысенко

**Я ХОЧУ ВАМ
РАССКАЗАТЬ...**

—
(Рассказы и очерки)

Орёл – 2026

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 88

Издание осуществлено при поддержке
Орловской региональной общественной организации
«СОЮЗ ВОЕННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ»

Лысенко А. И.

Л 88 Я хочу вам рассказать... Рассказы и очерки / Редактор А. И. Кондратенко, доктор филологических наук. — Орёл: Издательство «Картуш», 2026. — 244 с.

ISBN 978-5-9708-1318-8

«Я хочу вам рассказать...» — сборник рассказов и очерков за полувековой период жизни автора. Именно, с 60-х годов двадцатого века по настоящее время разные эпизоды, ситуации, встречи запомнились и легли в основу повествования. Автор как бы делится с читателем своими впечатлениями, украсившими или огорчившими весь прожитый отрезок времени. Безусловно, всё вошедшее в книгу, лишь малая часть насыщенной жизни писателя. Представленный материал показывает, что автор касается только тех тем, которые знает и в которых сам играл значительную роль. Лучшим описанием сюжетов рассказов и очерков, будет их прочтение. До встречи на страницах книги!

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

В книге использованы:
на обложке — коллаж В.Г. Дедюхина;
разделы «Рассказы» и «Очерки» — картины художника Николая Силаева;
раздел «За кулисами» — фото орловского драмтеатра (автор А. И. Лысенко)
раздел «Однажды в школе» — фото 11 класса 19-й школы города Орла.

ISBN 978-5-9708-1318-8

© А. И. Лысенко, 2026
© Союз военных литераторов, 2026
© ООО ПФ «Картуш», 2026

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

«Хочу вам рассказать» — удивительные слова, которые вызывают интерес, доверие, встречное желание поделиться увиденным и пережитым. Если вдуматься, часто ли мы произносим эту фразу? Часто ли говорим и пишем об увиденном? Живём ведь обыденной земной жизнью, в беспрестанных заботах. Присмотримся внимательнее: а кто-то рядом с нами нередко делает житейские открытия, видит необычное в окружающем мире и, самое главное, умеет и любит рассказывать об этом.

Кто-то возразит, что это Божий дар, который далеко не всем даётся. Возможно, так и есть. Во всяком случае, дар увлечённого рассказчика у автора книги, которую вы, уважаемые читатели, держите в руках, конечно же, есть. Вспоминаю, как несколько лет назад, на презентации книги Александра Ивановича Лысенко о его студенческих годах и ведущий встречи, и другие участники высказали пожелание автору продолжить работу над автобиографической прозой — рассказать читателям о том времени, когда он трудился директором театра, поделиться воспоминания о соратниках по литературному и издательскому цеху.

Как видим, писатель откликнулся на это пожелание заинтересованных читателей и коллег. И представил на наш суд разные истории — о театре, о писателях, о школе, о Дальнем Востоке, о путешествиях, встречах и событиях. Маршал, руководитель города, художник, профессор, директор музея — кого только нет среди героев очерков! Кому-то из читателей инте-

ресно будет заглянуть за кулисы и приобщиться к секретам современной театральной жизни. Кто-то улыбнётся, узнавая знакомые черты в служителях искусства и литературы. Читатели же, близкие к сфере образования и воспитания, найдут немало страниц о том, как начинающий педагог применяет живые методы обучения, стремится сделать из своих учеников не просто послушных подчинённых, а союзников, соратников, самостоятельно мыслящих и действующих людей. Разве неинтересно современному читателю заглянуть в эту историю повседневности, представить себя на месте вчерашнего школяра или госслужащего, столкнуться с неизвестными ныне вопросами и проблемами, пройти по давним улицам родного города?

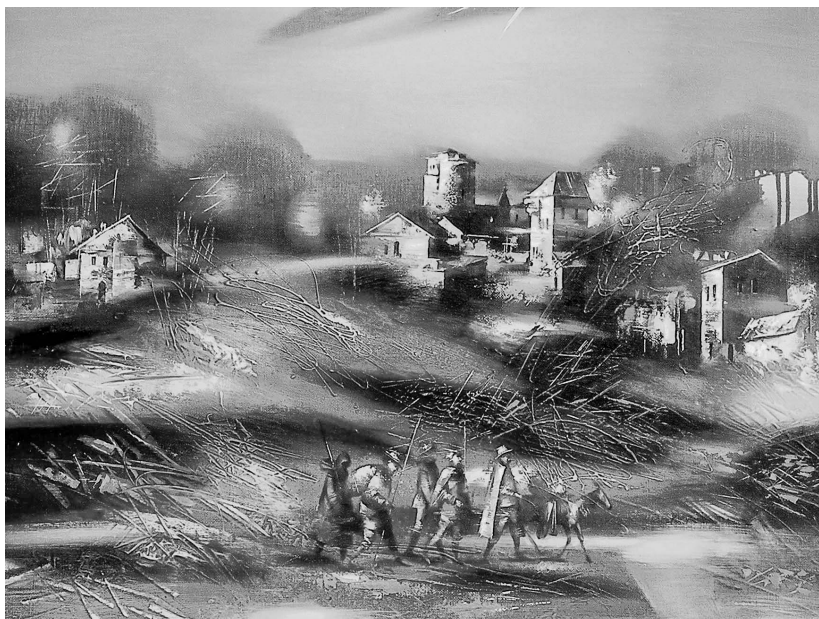
И за всем этим встаёт та большая и сложная жизнь, которая носит название Наше Время с такими неповторимыми радостями, казусами и надеждами. А потому книга может быть интересна и аудитории солидного возраста, и совсем не старым книголюбам, которые откроют для себя мир далёких уже советских десятилетий.

Читая книгу, вновь и вновь задумываешься о том, что литература — это тайна чувств, восприятия жизни, тайна автора и одновременно тайна читателя, вдумчивого и неравнодушного. Именно такого читателя и хочется пожелать этой живой и многоцветной книге.

*Алексей Кондратенко,
член Союза писателей России*

РАССКАЗЫ

КУРЬЁЗЫ СТИХИИ

«Ну, что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...»

Стихи Михаила Танича

Что значит, когда талантливый человек побывал в любом, казалось бы, обыкновенном месте? Это место вдруг засияет всеми цветами радуги, и человек через музыку и чудесные слова принимает на душу этот край, который становится для него родным и близким, благодаря воображению. У всех на слуху Нарьян-Мар, Вологда, Конаково, Комарово и так далее. И откуда бы знала об этих местах вся страна, если бы их не посетили талантливые поэты, писатели, композиторы, певцы и художники?

Сахалин мне нравится, и все шесть лет, после того, как сюда приехал, я не устаю им восхищаться. Если смотреть по карте, остров очень похож на рыбу, так вот, где хвост, в самой середине, и стоит небольшой городок, в котором я проживаю.

К началу августа погода установилась хорошая, юг Сахалина в эти дни напоминает курорты Кавказа — буйное разнотравье, тёплое море, скалистые горы. Особенно Анивский залив. Правда длится эта благодатная пора весьма короткое время, две–три недели.

По поверьям, купальный сезон заканчивается второго августа после Ильина дня, и мы всей семьёй провели воскре-

сенье на песчаном берегу между поселками Рыбацкое и Песчанское. А вечером заморосил дождь, и весь понедельник анивцы ходили под зонтами. Обычное дело для Сахалина.

В ночь на вторник в два часа зазвонил телефон. Я спросонку ответил, что внимательно слушаю. Звонила сотрудница жены и жаловалась, что их заливает вода. Пообещав разобраться, я перезвонил дежурному в райисполком. Тот сообщил тревожную весть: от обильных дождей вода в реке поднимается, и надо всем быть начеку, особенно тем, кто живёт близко к воде.

Что мне быть начеку? Мы живём на четвёртом этаже, подвалов и сараев нет, а вот знакомая жены... Я тут же набрал её номер: «Вода поднимается, на всякий случай вещи ставьте повыше, сами готовьте резиновые сапоги и место, где можно пересидеть».

— Ой, вода уже заливает комнату! Как нам... — Связь оборвалась. Телефон замолчал совсем.

Вскоре погас свет. Я пошёл на кухню, зажег свечку и хотел помыть руки — воды в кране не было. Шепнув жене, чтоб не будила детей, что бегу в райком — собирают по дождевой погоде, я быстро оделся и спустился к выходу. Вот где пригодились рыбацкие сапоги, скрывавшие все ноги полностью. Не зря, оказалось, тещь подарил в один из праздников!

Распахнув двери в подъезде, я на минуту замер: весь двор был залит водой. Она уже подходила к последней ступеньке крыльца. Везде, насколько хватало луча фонарика, плескалась вода. Сапоги погрузились почти доверху, но двигаться было можно.

Работа рядом, в двухстах метрах, но пару раз пришлось черпануть сапогами воды. В райкоме собрались уже почти все сотрудники, кроме тех, кто жил подальше. Первый секретарь

был необычно возбуждён и направил всех в райисполком, где будет работать штаб по борьбе со стихией.

В утренних сумерках появились силуэты домов, и фонарик был уже не нужен. Райисполком был недалеко, перед ним находилась ровная возвышенность размером с баскетбольную площадку, покрытая травой, на которой что-то шевелилось. Приглядевшись, мы ахнули: вся площадка была плотно заселена домашней живностью. Куры, овцы, собаки, кошки, гуси, коровы — кого только не было на этой площадке. Кто-то включил фонарик, и сразу вспыхнули сотни звёздочек светящихся глаз. На мгновение, фонарь высветил морды животных, поразившие нас ласково-виноватым выражением: «Мол, извините, вынуждены сюда забраться, нам некуда деться». В обычной жизни я и представить себе не мог, чтобы на столь крохотном пятачке бок о бок мирно сосуществовали все эти твари. Вокруг коровы лежали собаки, кошки вперемежку с курами, утками, гусями. Пара куриц сидела на боку у лежащего поросёнка.

Более странной картины я не видел никогда: «Что же будет, если вода ещё поднимется? Как же опасность и общая беда сплачивают такую разношерстную компанию».

Вскоре заработал штаб, и каждому было выдано задание. Кто полетел на вертолёте спасать людей, кто на плавающих военных амфибиях развозил хлеб в недоступные посёлки, кто на лодках выискивал спрятавшихся на чердаках и крышах сараев испуганных жителей.

Что ещё удивило — никакой паники не было. Все действовали дружно, сообща. Связь была только по рации, но со всем островом, областным штабом, военными частями.

Когда заходили в штаб за очередным заданием, узнавали подробности. Рассказывали, как милиционер нырнул

за ребёнком, выскользнувшим из рук матери в бушующий поток, и спас малыша. Горько было слышать, как вода уносила дома, гаражи, магазинные склады, разрушала дороги, мосты, смывала картофельные поля с созревающим урожаем. Целые свинокомплексы разрушила стихия, и бедные животные погибали сотнями.

Главное, не было сведений о человеческих жертвах. Сказалась крепкая дисциплина, взаимовыручка и желание спасти всё, что можно. Повезло ещё со временем наводнения. Летняя вода, тёплый дождь не стали причиной ещё больших бед.

В один из моментов меня с группой военных направили спасать студенческий отряд в один из дальних уголков района на берег моря. Вертолёт преодолел расстояние быстро, и мы увидели палаточный городок, целых и невредимых студентов, горящий костёр и с облегчением приземлились. Дождь уже перестал. Мы с удивлением обнаружили, что на фоне многочисленных бедствий здесь царит праздник. На костре жарится поросёнок, неподалёку бочка пива, а студенты, усевшись вокруг костра, поют песни под гитару.

Когда разыскали командира отряда и стали упрекать за несоответствующую обстановку, тот бодро отчитался:

— Лагерь оказался на незатопляемом месте у моря, утром под проливным дождём по реке поплыли доски, мебель, деревья, потом магазинная продукция: коробки с макаронами, конфетами, два бочонка пива. Как тут не выловить? Позднее поплыли свиньи, другие домашние животные. Удалось спасти несколько собак, кошек... А за шашлык уж простите. Не мародёрство — нужда. Связи нет, столовую на краю посёлка смыло, не помирять же с голоду студентам!

Мы невольно рассмеялись.

— Молодцы, ребята! Вот вам рация, хлеб. Будьте на связи, всё для жизни у вас есть. Мы летим дальше, — произнёс командир группы.

Вода выше уровня первого дня больше не поднялась. На третий день дождь прекратился, вода стала спадать, и операция теперь была уже не спасательной, а восстановительной. Но вернёмся к нашему Ноеву Ковчегу, как мы все назвали островок с животными у райисполкома. Почувствовав, что можно спрыгивать на мокрую землю, вся живность пришла в движение, загавкала, зашипела и разлетелась, разбежалась по своим углам. Вот так, миновала опасность, и снова все по своим интересам, забыв о минутах единения, близости и кратковременной дружбы. Правда, эти дни вряд ли впишутся в строчки песни композитора Яна Френкеля «На острове нормальная погода...».

Тайфун Филлис бушевал на юге острова Сахалина с 4 по 7 августа 1981 года. Дождь местами непрерывно шёл около 63 часов, выпавшие осадки составили полуторатрёхмесячные нормы для августа. Максимальные уровни повышения воды в реках южного побережья Сахалина, наблюдавшиеся тогда, превысили максимальные уровни за весь период наблюдений на величину от 40 см до 4–6 м.

МАРШАЛ И ТРОМБОНИСТ

Маршалу СССР, герою Советского Союза, Почётному гражданину города Орла и Орловской области Виктору Георгиевичу Куликову посвящается

Дождь моросил вторую неделю. Свинцовое небо, казалось, никогда не было голубым и высоким, а солнце оставило этот чешский городок навсегда. Как на старинных фотографиях, все цвета находились в диапазоне двух красок — чёрной и белой. Даже яркие пятна одежды блекли от влаги и превращались в серые. Одни августовские цветы стойко защищали свою палитру красок, хотя туман и морось старались укутать и их.

Два флага — СССР и Чехословацкой Советской Социалистической Республики ниспадали по огромным флагштокам на плацу военного городка, где остановился Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора (подписанного Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией 14 мая 1955 г.). Маршал прилетел в ясную погоду и вторую неделю не улетал по причине ее нелётности. Конечно же, маршала могли отправить чрезвычайными мерами в любую минуту, но такой необходимости не было, все дела Главнокомандующий решал спокойно в уютной резиденции, одной из многих, разбросанных по всему миру, а в свободную

минуту прогуливался в спортивном костюме один по близлежащим местам, отдыхал от постоянного сопровождения охраны и прочей военной челяди.

В одну из таких минут маршал забрёл в дальний уголок яблоневого сада, за которым бодро играл оркестр. Когда он подошёл к ограде, уже стояла тишина, музыканты разбрелись, и только тромбонист по-прежнему что-то наигрывал.

Главнокомандующий с удовольствием стал наблюдать за тромбонистом, который, не видя свидетеля, так резво работал выдвижной кулисой, что все три с лишним октавы звуков, казалось, были охвачены разнообразными мелодиями. Звучали отрывки из довольно трудных маршей С. А. Чернецкого «Парад», «Вступление Красной Армии в Будапешт», «Салют, Москва»...

Только один раз была чуть сфальшивлена ля-бемоль первой октавы первой позиции. «Губами надо подтягивать, губами!» — не удержавшись, проговорил вслух маршал.

Тромбонист с удивлением посмотрел на немолодого мужчину в спортивном костюме.

— Ты кто? — спросил он на чешском, подойдя к забору.

— Сотрудник из резиденции Главнокомандующего, — ответил маршал.

— А играть умеешь? — спросил тромбонист.

— Не пробовал, может, и умею, — как-то неловко сострил маршал.

— На, попробуй! — протянул тромбон чех. Главнокомандующий не оробел, взял инструмент, повертел в руках. Это был прекрасный французский «Сельмер» с баховским мундштуком. Сразу вспомнились годы молодости, когда учился играть на тромбоне у императорского тромбониста и о таких инструментах, как сейчас, можно было только мечтать...

Музыкант ждал, когда русский заиграет, а маршал брал в руки инструмент очень редко, лишь в минуты воспоминаний, прекрасно понимая, что его «мастерство» даже не подлежит критике. Смело поднеся к губам тромбон, Главнокомандующий сыграл маленький отрывок из марша «Парад», потом ещё отрывок, где сложные «верхи», и закончил губной трелью — всё, что помнил от своего учителя-виртуоза.

— Неплохо! — заключил тромбонист. — А где ты сейчас играешь?

— Да практически нигде. А скажи, какой инструмент сейчас лучший в мире?

Несмотря на разницу языков, они неплохо понимали друг друга.

— Есть неплохие «Вельткланг», американские «Сельмер», японские «Ямахи...» — начал перечислять чех. — Вот с мундштуками проблема, я свой выменял на серебряный портсигар, доставшийся от деда. Все, что в магазине, — ерунда: то полнота чашки маленькая, то дырка маленькая.

Так они разговорились о жизни, что маршал чуть не опоздал на ужин, и могло быть «ЧП» в резиденции Главнокомандующего.

В первую очередь, поговорили о марках тромбонов, о мундштуках, о репертуаре. Тромбонист пожаловался, что не может найти новый квартвинтель и что тот дорого стоит, а заполнять звук от ми-бекар большой октавы до си-бекар контроктавы больше нечем. Далее перешли на бытовые темы. Очень понравились чеху, когда маршал спросил про жену, назвав её по-чешски — манжелкой. Расставались они уже друзьями, и маршал обещал завтра в это же время навестить тромбониста. Музыканты были в режиме повышенной готовности, оркестр всегда сопровождал отъезд Главнокомандую-

щего, а тут из-за плохой погоды вылет самолёта постоянно откладывали.

— Когда улетит этот маршал? — посетовал музыкант новому другу. — А то мы торчим здесь, как на учениях, даже домой не отпускают...

Маршал улыбнулся, сочувственно покачал головой и под большим чёрным зонтом, который спас его с тромбонистом от дождя, отправился в резиденцию.

Настроение Главнокомандующего поднялось, перед глазами вставали картины далёкой юности...

Вот старинная русская деревня Верхняя Любовша на Орловщине, золотистые вечера, склонившиеся ивы у реки в лучах малинового заката, запах спелой пшеницы и жёлтые звезды подсолнухов.

Вот поверженный Рейхстаг, на стенах которого он, подполковник, ставит свою подпись солдата-победителя...

Вот он — Главнокомандующий Группой советских войск в Германии, начальник Генерального штаба Вооружённых Сил, первый заместитель Министра обороны СССР, теперь Главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств — участников Варшавского Договора, Маршал Советского Союза...

Везде, где ни приходилось служить, маршал старался не уронить достоинство советского солдата. По всему миру авторитет советского воина был так высок, что иного достойного и уважаемого противника солдату Запада не было ни в литературе, ни в кино, ни в драматургии того времени.

А в жизни было ещё нагляднее. Мало кто осмеливался перечить советским военачальникам или даже солдату в мелких бытовых ситуациях. И мир на планете стал реа-

лен, исчезли большие войны, а мелкие быстро «тушились», не успев разгореться.

Правда, всё это давалось нелегко и не так просто, но в целом, казалось, жизнь, уже достаточно большая, была прожита не зря... Вот и тромбонист напомнил о далёкой молодости кстати...

На следующий день маршал, как и обещал, пришел к заветному забору один, с зонтиком и почти в таком же спортивном костюме. Тромбонист не заставил себя ждать и вскоре оказался рядом, обогнув где-то забор. Они пожали друг другу руки и опять углубились в дебри музыки и жизненных вопросов. В конце встречи маршал вдруг сказал: «А что до советского Главнокомандующего — не волнуйся, завтра он улетает, ваша жизнь будет снова спокойной!» «Не может быть! — воскликнул тромбонист. — Смотри, какие тучи!» «Улетит, улетит!» — махнул маршал на прощание рукой.

Не прошло и суток, как тучи над городком стали рассеиваться, дождь прекратился, на аэродром привезли оркестр и солдат почётного караула. Начался процесс торжественных проводов Главнокомандующего. Вдруг во время пути по ярко-красному настилу маршал стремительно свернул к оркестру, только что сделавшему паузу по протоколу. Никто не мог сообразить, в чём дело, а Главнокомандующий напрямиком направился к тромбонисту, замершему от удивления. Теперь он, конечно же, узнал своего русского друга, только тот был не в спортивном костюме, а в великолепном парадном мундире Маршала СССР со всеми регалиями и наградами. Маршал дружески пожал ему руку: «Привет! Я же сказал тебе вчера, что Главнокомандующий улетит. Вот видишь!»

Над аэродромом повисла мёртвая тишина. Глаза тромбониста, кажется, издавали лёгкий хрустящий звон...

— Та, та, та... — только и мог произнести музыкант.

— Ну, пока! — рассмеялся маршал и пошёл восстанавливать протокол отбытия Главногокомандующего.

После последних аккордов, прозвучавших вслед исчезающему самолету, весь оркестр бросился к тромбонисту:

— Ты что? Знаком с самим Главногокомандующим?! Откуда? Почему скрывал всё это время? Мы тут две недели репетировали, как заведённые!

А музыкант, уже оправившись от такой встречи, произнёс густым басом:

— Это старый друг мой, репетировали вместе, он тоже тромбонист. Вот и общались эти дни, не до вас, братцы, было!

На следующее утро тромбониста вызвали в штаб, где вручили ему ключи от новой квартиры и погоны следующего воинского звания, — так, на всякий случай, а то вдруг Главногокомандующий спросит: «А как там мой друг-тромбонист?»

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

В разгар дефицита всё и вся в начале 90-х годов XX века к Михал Михалычу обратилась Галина Ивановна: «Миша вырчай! Мама померла, а на поминки дали всего четыре бутылки водки и то по справке о смерти. А родни и сослуживцев видимо-невидимо, все любили Лизавету, как её с любовью величали». Михаил был известной творческой личностью, имел друзей и знакомых практически во всех сферах жизни города. Водку «давали» только по талонам по две бутылки в месяц на одного совершеннолетнего, прописанного по месту проживания именно в данном городе. Больше ни в магазинах, ни в ресторанах, ни на базах водки было не достать. Были случаи, когда продавцы и завмаги могли рискнуть и отоварить какого-то важного клиента, но контролирующие органы старательно пресекали эти случаи. Правда, были ещё таксисты, банщики, официанты, швейцары и просто друзья и родственники торгашей, хотя количеством бутылок они владели очень небольшим. Все боялись, ибо в разгаре была государственная кампания трезвости. Даже в лучших ресторанах для четвёрки гостей могли выставить на стол лишь две бутылки пива, не больше. Тем не менее, русский человек всегда изобретал свой подход к обстоятельствам, и на свадьбах, юбилеях наряду с трёхлитровыми банками соков и гирляндами бутылок боржоми, эссенуков, всегда присутствовали чашки с водкой вместо чая и чашечки с коньяком вместо кофе, а уж фужеры с шампанским вместо лимонада были обычным делом. Однако вот это «вместо» надо было ещё достать, и это было по плечу не каждому.

Михаилу это было по плечу. Он узнал, в какой магазин завезли заветный товар, и подъехал на такси к служебному входу. Договориться, расплатиться и получить ящик водки в крепкой сумке составило несколько минут, и надо было лишь выбраться из толпы жаждущих мужиков, имеющих возможность купить две бутылки без талонов. Да, в свободную торговлю вино и водку выбрасывали, дабы сбросить пар от дефицита спиртного. И вот, когда бурлящая толпа была позади, и Михаил представил, как будет рада Галина Ивановна, перед ним возник мужчина в жёлтой телогрейке: «Продай бутылочку!» Михаил автоматически парировал: «Не могу, возьми в очереди, очень спешу!» и сел в такси.

Галина Ивановна с благодарностью приняла дефицит, и Михаил Михайлович возвратился в свой кабинет. Образ мужика в телогрейке не давал ему покоя. Что-то знакомое обозначилось в нём. Ба! Да, ведь это сосед по дому из шестого подъезда Василий Петрович, отец Толика, одноклассника дочери. «Даа, дела, брат», — подумал Михаил. «Как же я не узнал соседа в этой суете? Да и в жёлтой телогрейке я не увидел изящного преподавателя института культуры. Это ж как ему было обидно получить от меня отлуп из-за какой-то бутылки. Я же видел, как у него душа горела приобрести заветный напиток у соседа, тем более, что я ухватил целую сумку продукта. Откуда ему знать, что я себе ни одной бутылочки не взял». Разыскав быстро номер Василия Петровича, Михаил Михайлович приготовился извиниться и исправить недоразумение, однако в трубку услышал злобную тираду с нецензурным словом и положил трубку. Больше они друг с другом никогда не здоровались, хотя дети продолжали дружить и с женой Михаила Михайловича Василий Петрович всегда здоровался первым.

НЕ ЗНАЯ СУТИ

Орловский машиностроительный завод имени Медведева, один из старейших в стране, однажды представил новинку — машину по выделке щетины из свиной кожи. Не зря же и название комплекса предприятий было «Кожобувьмаш». В советское время его филиалы были даже в Киеве. Директор был один из асов современного машиностроения.

И вот, на одном из областных совещаний секретарь обкома партии хвалит завод и поздравляет с новой продукцией, машиной по выделки свиной щетины. Затем, подумав, добавляет с трибуны: «Почему бы вам не объединиться с областным управлением бытового обслуживания, где имеется цех по пошиву полушубков из овчины и тогда выпуск дефицитной продукции резко возрастет?» Все сразу представили красивые овчинные дублёнки бежевого цвета в свободной продаже в магазинах страны.

Директор завода промолчал. Уже сидя в президиуме, секретарь снова обратился к руководителю предприятия: «Что-то не захватила Вас идея объединиться с бытовиками, чтобы использовать новую машину...»

Директор взял услужливо поднесенный микрофон и спокойно произнёс: «Я бы взял, товарищ секретарь, Ваше предложение на вооружение, только никак не придумаю, как из овчины выдернуть свиную щетину!»

Зал взорвался гомерическим хохотом.

СКАРЛЕТТ И РУССКИЙ ПРОФЕССОР

Посвящается Владимиру
Михайловичу Мунипову

Самолёт покинул Шереметьево и постепенно набрал высоту. Стюардессы стали развозить напитки. Профессор решил, что небольшая порция красного вина поспособствует аппетиту после прохождения паспортного контроля, таможни и ожидания вылета. Захотелось «остановиться, оглянуться», как писал один из современников.

Время выдалось беспокойное, Москва приходила в себя после августовских бурь и потрясений. СССР оказался в опасной сейсмической зоне, новости из прибалтийских республик, Украины и Белоруссии настораживали. Августовские события 1991 года взбудоражили весь мир. Но что-то новое проступало сквозь обычное.

Впервые не было проблем с выездом за рубеж. Не требовали характеристик, не утверждали на комиссиях райкома кандидатуру отъезжающего. Быстро рассмотрели приглашение от «Общества человеческих факторов» в Атланту и выдали визу. И это в Соединённые штаты Америки! Куда мороки было больше, чем в любую другую страну.

Стюардесса протянула прозрачный стаканчик с вином, на минутку пригнувшись и невольно приоткрыв весьма привлекательный вырез в белоснежной кофточке. Взгляд

оценил фигуру в целом и, точно факс, мозг выдал резюме — «хороша!»

«Чтобы понять, что женщина понравилась, нужно всего ноль целых шесть десятых секунды», — с улыбкой вспомнил Профессор одну из лекций известного психолога. Однако сразу перед глазами возникла жена, приехавшая провожать его в аэропорт после лекции в МГУ. С какой любовью он рассматривал её лицо, излучающее какой-то внутренний свет и радость от малейших его успехов. А сейчас впервые так легко прошло оформление в Атланту, где муж должен выступить с основательным докладом. «Надо привезти ей оригинальный подарок», — решил Профессор.

Вино оказалось обыкновенным «Каберне», но приятно прохладным. Когда случались командировки в южные республики в филиалы НИИ, где он служил заместителем директора по науке, местные ученые наперебой угощали самыми изысканными винами, нисколько не уступающими любым зарубежным образцам. Правда, в магазинах их нельзя было найти.

Конференция в Атланте обещала быть интересной. С возрастанием роли компьютеризации в жизни человека возможности эргономистов проводить научные исследования сильно расширились. Многие рабочие процессы, требующие длительных экспериментов, теперь можно смоделировать на компьютере, и результаты немедленно пойдут на улучшение условий труда на конкретном рабочем месте.

Да... Тридцать лет прошли даром. Времена травли, непризнания, издевательских ярлыков о лженауке остались в прошлом. Наконец-то, стали понимать, что новая техника ещё не всё, а важнейшим пунктом является то, как при работе с ней чувствует себя человек.

Над океаном пару раз самолёт попадал в зону турбулентности, и пришлось успокаивать соседку средних лет, летящую первый раз в жизни на самолёте. Когда объявили о посадке в аэропорту Кеннеди, Профессор успел пролистать путеводитель по штату Джорджия.

День выдался богатый на прилёты, очередь в паспортный контроль была внушительной. Рядом с контролёром в сопровождении сотрудника аэропорта появился знакомый американский профессор.

— Привет, мой московский друг! Идём с нами! — громким голосом произнёс он и заключил в объятия своего давнего соратника по науке.

Без труда учёные прошли все кордоны аэропорта и вскоре оказались в самолёте, следующем в Атланту. От экскурсии по Нью-Йорку Профессор отказался, так как времени было в обрез.

В Атланте их встречали известные учёные из Швеции и Японии. Профессору стало как-то даже неловко от такого дружеского внимания. Ему подумалось, что это, может, из-за напряжённой обстановки в СССР и их сочувствия и понимания.

В лимузине по дороге в гостиницу разговорились. Вдруг американский коллега обратился к Профессору:

— Разреши задать тебе бестактный и нескромный вопрос: какая у тебя зарплата?

— Пятьсот семнадцать рублей в месяц — ответил Профессор.

— Стой! Стой! — хором воскликнули шоферу учёные, знающие, как взлетел курс доллара в СССР. Выбежали из машины и удивлённо затарахтели:

— Ты, известный в мире учёный, получаешь семнадцать долларов в месяц?! Это что? На чашку кофе?

Профессор пожал плечами: «Нет, не на чашку кофе, просто это была совсем недавно неплохая советская зарплата, министр столько получал, а сейчас инфляция, доллар подскочил до 30 рублей, и всё пошло-поехало». «Пошло-поехало» на английский не переводилось, но друзья закивали головами сочувственно.

— Надеюсь, что скоро всё образуется! — бодрым голосом заключил Профессор, ещё не зная, в какую пропасть начала падать могучая советская наука.

Атланта находилась в своём лучшем виде. Осенние краски природы в лучах уже нежаркого солнца навевали спокойствие и умиротворение.

День выступлений и докладов прошел успешно. Профессор с блеском прочитал доклад по вопросам инженерной психологии и дизайну в самолётостроении. Правда в конце выступления посыпались вопросы не по теме доклада, а о том, что происходит в СССР и какова перспектива советской науки. Русский учёный постарался избежать отрицательных оценок происходящего и свёл всё к тому, что страна выходит из августовского кризиса и все надеются на лучшее.

Ему, учившемуся в МГУ в одно время с президентом страны и его супругой, до недавнего времени казалось, что наступили новые времена для науки и творчества, впервые началось формирование гражданского общества.

На следующий день группа учёных-эргономистов отправилась на автомобильный завод Форда. Профессор с любопытством наблюдал цикл производственных операций по сборке автомобилей. Вдруг его внимание привлекла неудобная поза рабочего, проверяющего сварной шов крыла колеса и кузова. Он машинально воскликнул:

— Зачем он так делает? Это можно делать гораздо проще! Рабочему надо просто принять другую позу и повернуться под небольшим углом к кузову автомобиля!

Ведущий экскурсию менеджер подошёл к Профессору, переспросил, попросил показать, записал его мысль и повёл группу дальше. В конце экскурсии попросил Профессора зайти к нему в кабинет. Довольный, что они могут обойтись без переводчика, ибо учёный неплохо владел английским, менеджер предложил ему контракт на один год работы на этом заводе.

— У вас будет хорошая квартира, годовая зарплата двести тысяч долларов.

— А что я буду делать? — спросил Профессор.

— Наблюдать за производством и задавать вопросы, подобные тому, какой вы задали сегодня в цехе. Завтра буду ждать от вас ответа.

Профессор знал, что ответ будет отрицательным, но всё же оставил его до завтра. Маститые коллеги из других стран удивлялись, что этот русский учёный твёрдо стоит на своей позиции: работать только в родной стране. И даже сейчас, когда науку заштормило политическими вихрями, он с головой уходил в новые научные разработки, писал ценные статьи, подготовил со своим аспирантом первую в мире научно-популярную книгу «Популярная эргономика». Да, зарплату ему предложили в тысячу раз большую, чем он получает, но как не вспомнить высказывания академика Н. Я. Марра: «Как! Чтобы учёный спрашивал, сколько он будет получать жалованья? Какой же он тогда учёный?»

Третий день конференции предоставили участникам для отдыха. Профессору предложили посетить лучшие магазины и развлечения.

«Я бы хотел посетить музей Скарлетт», — получили ответ слегка удивлённые иностранные коллеги. Из них никто не побывал в этом музее, обычно находя «более серьёзные цели». Тем не менее, всё было организовано.

И вот на Персиковой улице показалось бело-бордовое трёхэтажное здание музея Маргарет Митчелл. Несколько американских учёных сопровождали Профессора на экскурсии сначала из уважения к нему, затем постепенно проникались интересной беседой экскурсовода и меткими вопросами русского коллеги, показавшего недюжинные знания американской литературы и, в частности, романа «Унесённые ветром». А когда перебрались в музей одноимённого фильма, расположенный неподалёку, увидели экспонаты со съёмок, кадры из фильма, платья Вивьен Ли, романтическую атмосферу обстановки, да ещё совершили поездку в филиал музея «Дорога в Тару» с посещением особняка плантации Тара, бульвара Тары, перекрёстка Ретта Батлера и Скарлетт, то уже вся компания была поклонниками знаменитого литературного шедевра.

— Ну, Профессор, удивили же вы нас! Давно так не отдыхали! — в один голос заявили экскурсанты. Кстати, в группе оказался и менеджер от завода Форда, который, несмотря на отказ Профессора, решил пообщаться с эргономистами и взял на себя организационные расходы.

Дорога домой выпала на воскресенье. Профессор окинул взглядом красивый вид осенней Атланты с гостиничной площади и сел в лимузин рядом с сопровождающим американцем. Каково же было его удивление, когда в аэропорту его ждала вся группа, ездившая с ним по музеям Скарлетт. В день воскресного пикника редко кто расстаётся с семьёй или близкими, а тут все пришли попрощаться с русским Профессором.

— Мы решили тебя проводить и подарить на память статуэтку Скарлетт! — от имени всех проговорил американский коллега.

— Спасибо, друзья! — ответил растроганный Профессор. — Надеюсь, что когда-нибудь мы соберёмся у нас в Москве! — сказал он напоследок.

«А для жены теперь есть отличный подарок», — уже про себя подумал он с улыбкой.

ОНА НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ...

Валерий Иванович чувствовал себя выжатым лимоном. Собрание затянулось, и писатели расходились, как будто разгружали вагоны с углём. Несколько часов спорили, избрать или не избрать Генриэтту Артамоновну членом Союза писателей, да так и не избрали. И всё поэт Дьяконов. Мол, уважает её докторскую степень, профессорский авторитет в научном мире, множество научных книг, статей в известных журналах, но! Где художественные произведения — стихи, рассказы, повести, романы? Пушкин не был ни доктором наук, ни профессором, а все гонялись за его книгами. А тут ещё подогрела многих весть, что помощники учёной принесли несколько сумок разной снеди, чтобы отметить вступление, кто-то даже видел зарубежные этикетки изысканных напитков, бутылки которых приветливо выглядывали из объёмных сумок. И вот всё это исчезло после объявления отрицательного результата. Правда и честность на этот раз победили. Хотя всё относительно в этом мире...

Далёкие 50-е. Литературный институт. Общежитие, их третий курс готовился к летней сессии, а тут весна, цветущая Москва, от красоты девушек голову сносит у мужчин всех возрастов. Будущие писатели далеко не в последних рядах дыхателей. По ночам только и слышались звуки открываемых и закрываемых окон, нередко звон разбитых стёкол, не говоря уже о звенящих гитарах, любимых песнях и громогласной декламации стихов. Однако один третьекурсник Дима Швец

не замечен был ни разу, что встречается с девушками. Косая сажень в плечах, лицом похож на одного из популярных артистов, высок, строен. Девушки как стая синичек увивались за ним, но всё тщетно, ни одной он не уделил внимания. И вдруг Дима объявляет, что у него сегодня вечером свидание. Ребята обрадовались, стали наперебой предлагать кто новый костюм, кто новую рубашку, галстук, туфли. Годы ещё сказывались послевоенные, одежда хорошая была редкостью. В общем, одели красавца, отправили и разошлись по своим делам, надеясь утром услышать ожидаемую победную историю.

Не тут-то было! Спустя пару часов Дима приплёлся в общежитие совсем не в радужном настроении. «Что случилось?! Давай рассказывай!» — накинулись на него студенты. «Что рассказывать?» — промямлил наш герой. «Ну, встретились...» «А дальше!?» — нетерпеливо теребили его товарищи. «Ну, пригласила меня Света к себе домой». «Давай дальше!» — настаивали ребята. «Ну, посидели, выпили, всё было вкусно...». «Не тяни!» — потребовали слушатели. «Ну, пригласила меня Света посидеть на диване...».

«Что тебя, заело?» — зашипели вокруг. «Ну, стал я её обнимать, раздевать, а она спросила: Ты меня любишь?». «И что?» — почти закричали окружающие. «Ну, я честно ответил: Нет!». «Тогда пошёл вон отсюда!» — закричала Света, и я пошёл...»

«Тоже правда, но победа где?» — стук в дверь прервал размышления Валерия, ответственного секретаря областной писательской организации. На пороге его кабинета стояла Надя... Он бы узнал её из тысячи женщин, хотя прошло уже лет двадцать пять, как она уехала с Никитой на Север по месту службы мужа. Все трое были из одной деревни Алексеевки, а Надя была первой любовью Валерия. Из-за какой-то мелочи

они поссорились, а друг Никита, возьми, да предложил Надежде выйти замуж и увёз её на Север. «Сколько лет, сколько зим...» — начал было писательский руководитель, поднимаясь из-за старинного, массивного стола. «Какие зимы?» — засмеялась Надежда, «Как же я скучала без тебя! Без твоих песен, без твоих шуток, наконец, без твоих стихов!» — прошептала она и кинулась на шею Валерия. «Мы вернулись в наш город, Никита отслужил, квартиру нам дали прямо напротив нашего института, на двоих целых три комнаты, теперь собирайся, и я веду тебя к нам на ужин» — одним махом протараторила неожиданная гостя. «Странно, как она узнала, где я работаю, нашла меня прямо в кабинете и ведёт себя так, словно мы вчера расстались?» — пронеслось в голове у Валерия Ивановича. «Значит, она все годы была в курсе всей моей жизни и не разлюбила меня?» — озадаченно размышлял шагавший как автомат, поэт.

«Меньше всего я рассчитывал, что ты останешься в нашем городе, тебе надо было жить в Москве, либо в Переделкино, где живут все киты русской литературы, чего ты тут забыл? Или дожидался когда твоя Надька приедет?» — с какой-то нерадостной улыбкой, здороваясь, произнёс Никита. «Ушёл поезд Никита, внуки уже женихаются» — парировал Валерий. «До сих пор ревнует! Знает кошка, чьё сало съела!» — почему-то радостно подумалось ему.

За столом все оттаяли, вспомнили свою Алексеевку, красивые рассветы, лунные ночи, песни, танцы у костра, учёбу в институте, старинный город, ставший родным. Прощались далеко за полночь, с пожеланиями следующую встречу провести у Валерия.

Дома Валерий Иванович рассказал о встрече с земляками и только произнёс имя Надежды, как жена встрепенулась:

«Уж, не та ли Надя, именем которой ты называл меня во сне в первый год нашей жизни? А, если та, то я не собираюсь с ними встречаться! Хватит мне твоих молодых, талантливых писательниц!». «Ну, не собираешься, так и не встретимся», — буркнул в ответ Валерий и пошёл спать. Ночью ему снилась речка в родной Алексеевке, где он сидит в любимой лодке класса «Фофан», а весел нет, хотя лодка плывёт довольно быстро. Пришлось грести руками, но так неудобно, лодку заносит то вправо, то влево, так как грести можно лишь с одного борта.

По дороге в Союз писателей ответственного секретаря В. И. Сорокина охватило чувство, как будто у него появилось что-то новое, дорогое и очень ценное. Бросилось в глаза, что снег уже почти сошёл, почки на деревьях чуть увеличились. Захотелось подойти к люку возле соседнего дома, где по рассказам детей они всегда весной любовались подснежниками. И точно! В двух проталинках, на тоненьких стебельках висели ещё не распустившиеся белые фонарики. Подснежники чуть дрожали в утренней дрёме в тени огромного здания, зная, что к вечеру солнце придёт на их сторону, и тогда лепестки цветов распустятся во всей красе. Поэт радостно ощутил, как всю уставшую от повседневных забот, писательских склок и домашних неурядиц, душу заполняет весеннее солнце и свежесть просыпающихся деревьев.

День задался очень насыщенным. Пришли двое писателей с рукописями в распечатанном и электронном вариантах, как и требовал Валерий Иванович, чтобы было меньше проблем с типографией, да ещё с радостной вестью, что нашли спонсоров для оплаты, нужны только письма-просьбы от писательской организации. Из областной администрации позвонили, что Почётные грамоты для юбиляров готовы, нужно только

согласовать время и место вручения. Далее звонки, посетители, поход в поликлинику ... И всё это время в голове Валерия крутились песни юности: «Голубые города», «Гармошка», «Ничего не вижу» и т. д. Напевая: «...И сердце у девушки бьётся как птица под звуки гармошки...», он попрощался с бухгалтером Ниной Никитичной, у которой была всего одна запись в трудовой книжке «Принята на должность бухгалтера в областную писательскую организацию», когда он был ещё студентом. В организации он остался один. Однако на пороге кабинета возникла опять Надя! Вихрем бросилась к удивлённому ответственному секретарю и замерла в страстном поцелуе. Валерий успел вырваться из её объятий и сообщить, что летит пулей в ближайший магазин. Шампанское, соки, только появившаяся свежая клубника, всякие нарезки из мяса, рыбы, в довершение ананас и огромное манго мгновенно было доставлено в заботливо убранный Надеждой рабочий кабинет. Поцелуям и ласкам не было конца. И не было дела до всех явств, которые чуть не остались нетронутыми, если бы хозяин кабинета не настоял всё попробовать.

Валерий не узнавал сам себя. Он вдруг почувствовал себя всемогущим, молодым и бесконечно счастливым. Никаких страхов, никаких сомнений, никаких угрызений совести. Рядом с ним находилась та, которая всегда была в голове самой главной и желанной. Все другие женские образы, включая, к сожалению, и Зину жену, отошли куда-то далеко-далеко. Исчезли двадцать пять лет разлуки, казалось, жизнь только начинается... Вспомнили школьные тропинки, на которых Валерка Сорокин поджидал после уроков Надьку Нашиванову, чтобы нести как награду её портфель и болтать ни о чём, наслаждаясь её красивой спортивной фигуркой, её бездонными синими глазами. Впрочем, насчёт фигур у девчонок,

он в те годы мало чего соображал, просто нравилось у неё каждый жест, каждое движение. Частенько за ними пытался увязаться Никита — из параллельного класса, но парочке удавалось ускользнуть.

Вскоре Надежда засобиралась домой и, поцеловав друга юности, упорхнула. Валерий Иванович довольно долго приходил в себя в вечернем полумраке кабинета.

Все казалось каким-то фантастическим сном. Мысленно он поставил плотину вопросам: «Что делать дальше? Как вести себя в семье? Как Надя объяснит мужу своё поведение и задержку на работе, которая находилась в соседнем здании? Как себе признаться, что его сейчас интересует только любовь к ней? Сейчас я буду только вспоминать сегодняшний вечер, смаковать наши прекрасные минуты общения. Домой сегодня не пойду, мне там сказать нечего, а утром подумаю на свежую голову». С этими мыслями Валерий сладко уснул на диване в кабинете.

В семь часов его разбудил звонок жены: «Опять перепил? Кто обещал прийти пораньше и починить смеситель в ванной? Сегодня, надеюсь, не задержишься?» Валерий вдруг почувствовал серость и мелочность своей семейной жизни, в последние годы, натянутые отношения с Зиной, и выпалил: «Я сейчас занят, потом перезвоню!» — и положил трубку. Тонкий аромат вчерашней встречи ему показался осязаемым, в голову лезли строки:

Как лавина встреча захлестнула,
Мысли, чувства, всё перевернула.
Сам того ещё не понимая,
Всё сильнее, сильнее любил тебя я.
Каждый взгляд твой я ловил так жадно,
Словно жажда мучила нещадно.

Как прекрасны те мгновенья были,
Что красивые глаза твои дарили...

«Ладно, потом досочиняю» — решил Валерий Иванович, но как профессиональный поэт, быстренько записал эти строки в свою записную книжицу. Наскоро убрав следы вчерашнего ужина, он поспешил в ближайшее кафе позавтракать. На улице всё изменилось: дома, казалось, распахнули широко свои глаза-окна и улыбались подъездами и козырьками над входными лестницами, проходящие автомобили, троллейбусы и трамваи везли в ладошках-салонах красивых и, конечно, влюблённых пассажиров, а лёгкий морозец ласково щекотал распрямившуюся грудь писателя.

Возвратившись, Сорокин столкнулся с Водяшкиным, который преследовал его уже третий год с целью вступить в Союз писателей России. Так и есть, убедился поэт, принёс очередную новую книгу, формата А-4, да ещё в цвете. «Привет, талантнице! Срочно вызывают в администрацию! Оставляй книгу, встретимся через недельку, — проговорил Валерий Иванович, зная, что руководитель секции поэзии Юрий Ковырьков, опять напишет разгромную рецензию на книгу заядлого графомана. Что делать, если теперь позволено печатать всё, что угодно, кроме порнографии, призывов к разжиганию межнациональной вражды и свержению существующего строя.

Вот и мучаются библиотекари от наплыва такой дармовой литературы, не зная, как отбиться от армии псевдописателей, которым некуда деть тиражи своих никому не нужных книг. Внешне книги таких авторов выглядят неплохо — цветная обложка, твёрдый переплёт, а внутри произвольный, не редактированный, часто безграмотный текст. После нескольких таких книг читатель начнёт думать, что современная литература деградирует. А настоящий талант не может издать

книгу потому, что денег не нашёл. И он, как ответственный секретарь, вынужден не один год помогать писателям, искать деньги, выпускать их новые книги, даже пытаться продать через почти исчезнувшие книжные магазины, проводить презентации среди читателей.

В голове пронеслась мысль о Наде: как она там, удачно ли объяснила, что поздно пришла, но теперь было уже, как говорится, поздновато. Тут раздался звонок, и как раз это оказалась Надя. Она сказала, что её как новую работницу посылают в командировку в Москву на целый месяц и уезжает она через два дня. «А что», — подумал Валерий: — это неплохо, теперь есть причина ему также поехать в Москву, где, действительно, им будет свободнее, чем в своём городе. Стоп! Есть отличный повод. Молодой писатель Семёнов должен ехать в Москву на приёмную комиссию для вступления в члены Союза писателей. Вот, как раз я с ним и поеду, хороший предлог!».

Будет лучше, если он уедет сегодня же, найдёт удобную гостиницу, подготовит культурную программу для бывшей северянки и, раз судьба им хочет подарить медовый месяц, то надо его использовать на полную катушку. Подвернётся ли ещё такой случай! Дело было за малым, чтобы красивые формы любимой женщины не пострадали, их надо питать, как говаривал герой из какого-то фильма. И питать надо телесно и духовно, а на это, как ни банально, нужны деньги. Времена, когда член Союза писателей стабильно издавался и получал гонорар, сопоставимый с годовой и более приличной зарплатой, канули в лету. Совсем недавно маститый классик предложил Валерию Ивановичу выпить по рюмке коньяка в буфете Центрального Дома литераторов (ЦДЛ), ибо это был весь гонорар за последнюю книгу, а в прежние времена можно

было купить автомобиль «Волга», правда, и тираж был бы не тысяча экземпляров, а не менее трёхсот тысяч. «Придётся взять всё, что принёс Матвей Варнавский на издание своего двухтомника к шестидесятилетнему юбилею, по приезду приложу все силы, чтобы найти спонсоров, выиграть грант областной администрации, но книги издам» — решил Сорокин.

В Союзе писателей обратили внимание, как посвежел и как-бы помолодел Валерий. Витю Семёнова приняли в члены единогласно, канцелярия забронировала двухместный номер в гостинице «Юность», которую так любил ответственный секретарь за удобное расположение рядом со станцией метро «Спортивная». Толстый сборник его стихов с автографом и огромная шоколадка, растопили сердце строгой, с виду, администраторши, и она предложила вместо двухместного номера полулюкс по почти той же цене. Раздевшись в номере, Валерий осмотрел все уголки двух комнат, ванной и остался доволен, скромненько, но для двоих неплохо и не так дорого. Он раскрыл журнал «Досуг», купленный в киоске у входа в метро и стал изучать репертуар московских мероприятий. Набросав список понравившихся пунктов в блокнот, Сорокин спустился в ресторан поужинать. Палтус горячего копчения с печёными овощами и бокал чешского пива вполне удовлетворили его аппетит. Вспомнились года молодости, когда эта гостиница принадлежала комсомолу и попасть в неё «с улицы» было практически невозможно, но всегда здесь был полный порядок, отличное питание и интересные мероприятия.

Надя вышла из вагона поезда с улыбкой и яркой сумкой, обрадовалась красивым розам, преподнесённых Валерием. «Мой что-то стал подозревать. Ему не понравилось, что я так обрадовалась, что еду на курсы, даже пообещал приехать, навестить». «Я тебе забронировал одноместный номер,

оформляйся, а будешь жить у меня»: — ответил Сорокин. И началось! Завтраки вдвоём, что может быть прекраснее, когда после ночных объятий, любоваться любимой женщиной в белом халате с распущенными волосами, с аппетитом уплетающую вкусную снедь, с улыбкой посматривающей на то, как ты любишься ею. «Да, Надюшка сохранилась на славу, хоть нам уже далеко за сорок, то ли север помог законсервироваться, то ли конституция такая, то ли Никита заботился как об украденной невесте. Особенно красиво выглядела шея, в такие годы выдававшая возраст у большинства женщин. Ну, и, конечно незабываемая синева её глаз» — То и дело проносилось в голове у Валерия.

Знакомая гид провела обзорную экскурсию по Москве с выходом на смотровой площадке Ленинских, тьфу, Воробьёвых гор, на Красной площади и внутри Кремля. Послушали «Иоланту» в Большом, сходили на вечер юмора с участием Георгия Вицина и Евгения Моргунова. Побывали на концерте любимых певцов 50–60-х годов «Звёзды не гаснут», заглянули в «Табакерку» на спектакль «Затоваренная бочка тары». Надежда всячески старалась посещать хоть часть занятий на курсах, просила девушек отмечать её присутствие. Вдруг сотрудница из её организации позвонила, что Никита брал адрес гостиницы и собрался приехать на выходные. «А мы махнём на выходные в свой город, и ты обвинишь мужа, что хотела повидать его сюрпризом, а он не дождался», — предложил Валерий Иванович. Надя предупредила администратора «Юности», что уедет в родной город, но номер остаётся за ней. «Какую только фантазию не придумаешь, чтобы не расставаться с любимой!» — подумал Сорокин.

Рассчитали правильно, Надежда оставила записку на супружеской кровати, которую они с Валерой не тронули и вер-

нулись в гостиницу, надеясь, что Никита уже на пути к дому. «Странно, — не переставал удивляться Валерий Иванович, — как мы могли расстаться в юности, когда так искренне любили друг друга. А я — круглый дурак, самовлюблённый эгоист, упустивший своё счастье, позволил Надежде выйти замуж за Никиту назло мне. Как дальше нам жить, если я уже точно не вернусь к Зине, а что будут делать Надя с Никитой? Моя любовь не взрыв шампанского, а самый изысканный коньяк двадцатипятилетней выдержки, и я мечтаю смаковать его весь предстоящий остаток жизни. Поймут ли дочь с сыном, хотя я всё сделал, чтобы они жили самостоятельно и независимо от родителей». Такие же мысли одолевали и Надежду, только ей было сложнее разорвать отношения с мужем, который относился к ней с неизменной любовью. Последняя неделя прошла неплохо, но тревожные нотки переживаний за будущее то и дело давали о себе знать.

Зина сильно не удивилась, когда муж заявил, что уходит из дома. Деловито помогла ему собрать чемодан и даже не задавала лишних вопросов, так как догадывалась о причине ухода. Сорокин временно поселился в своём кабинете, о чём знали только Варвара-уборщица и Надежда. Как выкраивали они время для встреч, сами удивлялись. Всё было бы терпимо, но сердобольная Надя взялась постирать рубашки и майки к себе домой, не стирать же Валере одежду под холодным краном. Постирала со своими вещами, да и развесила на лоджии. И надо же беде случиться, Никита утром выходит на лоджию и вдруг видит на верёвке чужие мужские рубашки! Он тут же возвращается в свою комнату, хватает охотничью двустволку, походит мимо ошалевшей супруги на лоджию и в упор расстреливает рубашки Валерия! «Будешь бегать к нему, пожалеете!» — бросил он и выскочил из квартиры.

Надежда ещё долго не могла прийти в себя, всё могла предположить, но чтобы вот так пальнуть по рубашам из ружья... «Надо что-то делать! Надо что-то делать!» — машинально шептала она, собирая побывавшие в «неравном бою» рубашки любимого.

Сорокин писал очередную бумагу в администрацию, ожидая прихода Нади или звонка. Вдруг внизу кто-то громко хлопнул дверью. Валерий Иванович выглянул из лестничного пролёта с третьего этажа и увидел быстро поднимающегося Никиту, причём, как ему показалось, в руке у того что-то блеснуло. «Всё узнал и пришёл меня зарезать!» — пронеслось в мозгу у Сорокина. Ноги сами его понесли в кабинет, на балкон и спустили с пожарной лестницы. Он остановился возле Главпочтамта. Сердце бешено колотилось, дыхание непривычно сбивчиво пыталось восстановиться... «Даа, уже не двадцать лет, здоровье не для ковбойских подвигов, надо как-нибудь объясниться с Никитой без ножей, от Нади я не отступлюсь!»

На следующий день Валерий никого не принимал, лежал в кабинете на диване и чувствовал себя совершенно разбитым. Когда пришла Надежда и рассказала историю про рубашки, Валерий спросил: «Надь, вот постарею, разболеюсь, что ты будешь со мной делать?». «Не волнуйся дорогой, я из-под тебя горшки выносить буду! Но ни за что тебя не брошу!». Этой фразой про «горшки» она окончательно поразила Валерия Ивановича. И он понял, что бы ни было, он пройдет через все преграды, и они с Надеждой будут вместе всю оставшуюся жизнь.

ПОЭТУ РАЗРЕШАЕТСЯ...

Виолетта Романовна давно уже слыла одной из лучших поэтесс России. Однако судьба провинциального таланта, как всегда, далеко уводила её от толпы поклонников и журналистов, осаждавших так часто столичные знаменитости, на голову, а то и на все десять ниже по таланту, таких как она.

Ей ничего не оставалось, как прозябать в нищете, писать чудесные стихи и иногда отвести свободолюбивую душу в дружеской вечеринке или на творческой встрече. Вполне естественно, что в своём «отечестве» её знали в лицо только люди, искренне любящие высокохудожественное поэтическое слово.

В эти годы на страну обрушилась борьба с алкоголизмом. Большие начальники поголовно возглавляли общества трезвости и вынуждены были заливать эту гадкую необходимость стаканчиком крепкого напитка в диком уединении, боясь свирепой расправы общественных организаций. А простой народ покорно выстроился в длиннющие очереди у винных магазинов.

Однажды из такой очереди вынырнул затоваренный Валера Задорнов — журналист и прозаик, вернувшийся из командировки по Дальнему Востоку. И оказался прямо перед возвращавшейся домой Виолеттой. После радостной встречи и дружеских объятий, они решили резко нарушить насаждаемый трезвый порядок простым распитием бутылочки водки на берегу реки, неподалёку от знаменитого памятника одному

из великих писателей. На широкой чугунной лавке рядом с бронзовым монументом их и застал свисток милиционера. Валера галантно помог Виолетте спуститься, и та на вопросы стража порядка громко и отчётливо твердила, шаря в своей сумке: «Минуточку! Минуточку!». Наконец, извлекла красную корочку, которая оказалась половинкой удостоверения и вовсе не удовлетворила постового.

«А я говорю, ещё минуточку», — нахмутив брови, произнесла поэтесса и извлекла вторую половинку удостоверения, где было написано чёрным по белому, что Виолетта Романовна является действительным членом Союза писателей СССР.

А дальше последовал её грозный вопрос: «Скажите, пожалуйста, уважаемый товарищ милиционер, я, как писатель, не могу покойно выпить со своим коллегой?» — и она указала рукой на бронзовый памятник.

Такой постановки вопроса молодой милиционер не ожидал. Решительный вид поэтессы, уникальная постановка вопроса и солидность двух половинок предъявленного документа почему-то охладили его пыл составлять протокол и везти нарушителей в участок. Да и лицо Виолетты ему стало казаться знакомым и известным.

«Вот что, гражданочка, — заявил он, — я обязан Вас арестовать за нарушение общественного порядка и распитие спиртных напитков, с чем борется сегодня партия и государство, но учитывая ваше обаяние и моё хорошее настроение, попрошу вас и вашего спутника резко изменить место дислокации и обойтись без бронзовых собутыльников. Другого доброго милиционера вы можете не встретить больше никогда».

Участковый козырнул и вернул Виолетте две половинки удостоверения. На что та сделала книксен и, взяв Валерия под

руку, царственной походкой стала удаляться от улыбающегося стража порядка.

«Ну и Орёл! Ну и рассадник писателей-пьяниц!» — воскликнул развеселившийся милиционер и весело направился к подъехавшему уазу.

НУ И РУССКИЕ!

В Барселону мы приехали слишком рано и, чтобы скоротать время до того, как начнут работать фонтаны, решили посидеть в уютном летнем ресторанчике неподалёку от площади, где возвышалась статуя Колумба.

Мы с женой Леной всячески останавливали пыл наших московских друзей Гены и Татьяны, заказавших кучу испанских блюд, убеждая их в том, что это невозможно съесть за два часа, тем более, что они захватили ещё баночку красной икры.

Так оно и оказалось. Отлично пошло красное испанское вино и бутерброды с красной икрой на свежее испечённом вкусно пахнущем хлебе. А вот груды овощей и огромные куски жареной баранины, величиной с небольшую тарелку, так и оставались нетронутыми, что очень озадачило нашего официанта.

Мы весело болтали о вчерашнем путешествии в аквапарк, смакуя десятки смешных подробностей, снимая наш ужин на видеокамеру и делая фотоснимки, наслаждаясь дружеской беседой, попивая коллекционное вино.

И тут подошёл официант с подносом, на котором стояло несколько бутылок спиртных напитков от сухого вина до крепкого шотландского виски и четыре круглых кусочка льда. Он вежливо раскланялся и объяснил, что это презент от их ресторана нашему столу и ещё раз выразительно обвёл глазами нетронутые кушанья, дав нам понять, что ему непонятно, отчего мы не едим деликатесные яства.

А у нас действительно пропал аппетит из-за жары, да ещё наелись вкусных бутербродов с икрой. Но не обижать же гостеприимных хозяев, и я бросил один из кусочков льда из красиво оформленного подноса в фужер, залив его апельсиновым соком и стал дегустировать с друзьями заморские напитки, оживлённо продолжая вести смешные разговоры.

Тут мы увидели, что к нашему официанту, стоящему неподалёку с полотенцем на руке, подошли его коллеги и что-то стали возбуждённо обсуждать, кивая головами в нашу сторону. Мы продолжали предаваться весёлым воспоминаниям, я попивал сок, пока не показалась стеклянная рюмочка на дне стакана, которую с удивлением вытащил двумя пальцами.

Тут до нас дошла причина их повышенного интереса к нашему столу. Зал утонул в нашем гомерическом хохоте. Мало того, что странные русские ничего не стали есть из заказанных блюд, а только пили вино, так ещё один из них схватил заиндевелую рюмку, похожую на кусок льда и, вместо того, чтобы налить в неё один из предложенных напитков, бросил её в фужер, залил апельсиновым соком и чуть не съел вместе с фужером, как в ковбойских фильмах.

Всё это мы прочитали на изумлённых лицах официантов, продолжая хохотать и запечатлеть на видеокамеру и фотоаппарат.

Щедро расплатившись, выходили из ресторана мы чуть ли не под аплодисменты, так и оставив свой столик в изобилии нетронутых испанских блюд. Весело помахав рукой всей изумленной обслуге и посетителям, мы направились к знаменитым Барселонским фонтанам.

«САИК»

Студенты — народ безалаберный. А нас забросили на сельхозработы в самый дальний угол области в село с подобающим названием «Медвежье».

Колхоз, «взявший нас», был далеко не миллионером, поэтому условия у нас были тоже далеко не царские.

Шестеро ребят ночевали у старушки на соломе прямо на полу, а два десятка девушек в какой-то избушке с разбитыми стёклами. Руководство института где-то просчиталось, и мы были предоставлены сами себе без какой-либо опеки преподавателей.

Утром мы горошком рассыпались на току под зорким оком одноглазого инвалида-заведующего, и до обеда составлялись, кто изошрённое отлынет от работы, да насмешит окружающих. Нас особо никто не подгонял. Так и стояли мы с деревянными лопатами, подбрасывая на них спелые зёрна пшеницы, пока не махнут красным флагом на крыше домика наши девушки, что пришла пора кушать.

Единственно, что нас возмутило, это то, что в разгар щедрой осени колхоз нам не выписал ни овощей, ни фруктов, оставалось только промышлять, ибо весь запас денег был снесён нами в малюсенький магазинчик для закупки дюжины бутылок дешёвого вина, которого едва хватило на два вечера.

А рядом с домиком наших девушек был единственный дом с большим садом, на краю которого стояла огромная яблоня, так густо усыпанная яблоками, что, казалось, це-

лая машина красивых с розовым бочком яблоч крепко нанизана на всех без исключения маленьких и больших ветках. Но за мощный ствол дерева была привязана собака, которая рычала и кидалась, как только в обозримом её пространстве появлялась фигура человека.

Три дня я подходил с разных сторон к противному псу и что только ему не кидал, всё безрезультатно, спасала меня только крепкая цепь. На четвёртый день я увидел маленького мальчика, который гладил собаку.

«Мальчик, привет, пойдй сюда!» — обрадовано я позвал мальчишку. Тот не замедлил подбежать ко мне. Быстро познакомившись, я нацепил значок на его грудь, дал посмотреть раскладной ножик и поинтересовался, как зовут собачку.

«Саик» — бросил увлечённый ножиком мальчик. Собака в это время не издала ни звука. Обняв мальчика за плечи, я пошёл к собаке, нежно приговаривая: «Саик! Саик!»

Собака вильнула хвостом и съела кусок мякиша, брошенного ей с метрового расстояния. Я осмелел и стал срывать яблоки прямо в майку. Набив полную майку и все карманы, я отошёл с мальчиком к нашему домику, дал ему в подарок маленькое зеркальце, которое всегда носил с расчёской, попросил обратно ножичек и поспешил к заканчивающим обед ребятам.

Все изрядно удивились, увидев гору яблок и жадно набросились, даже не помыв красивые плоды.

На вопрос, где я взял это богатство, я гордо ответил, что у собаки Баскервилей и показал в сторону этого пса. «А как зовут собаку?» — спросили девушки. «Саик» — ответил я.

«Как, как?» — с хохотом переспросили они. И тут до меня дошло. Ведь мальчик маленький, он же картавит. Какой Саик, ведь это же Шарик!

Вот как я боялся собаки, что даже не обратил внимание на странность имени пса. Тут мне стало так смешно, что я долго не мог отсмеяться до слёз в глазах.

«Это надо, же, Саик!»— только и мог выговорить я, смеясь.

С тех пор мы стали с Саиком закадычными друзьями, и хозяева собаки долго не догадывались о нашей дружбе, пока случайно кто-то из них, не зашёл с другой стороны яблони, на которой давно не было ни одного яблока, хотя собака преданно лаяла целыми днями.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Ярким солнечным днём в конце лета состоялся большой праздник мировой словесности под названием «Последняя книга» в Орле на огромном стадионе, заложенном когда-то Егором Строевым. Пори скоплению народа в центре стадиона высился большой постамент, где в стеклянном обрамлении стояла книга, на которой книгопечатание заканчивалось.

Герой и автор данной книги Егор Дорофеев, убелённый сединами красивый высокий мужчина, стоя в ожидании торжественной церемонии, спокойно размышлял, как удивительно пронеслось время, как он пришёл к этому необыкновенно яркому дню.

Ещё в годы своей молодости, он вспомнил, было нелегко работать, писать, говорить на русском языке, который практически исчезал во многих концах большой необъятной страны, когда-то называемой Советским Союзом. Если бы не случайный стихийный переворот, если бы не открытие американских учёных, установивших при очередном витке компьютеризации, что только русский язык и его возможности наиболее полно дают раскрыться натуре человека (благодаря русскому языку человеческое воображение максимально достигает каких-то тонкостей психологических и способно красочно описать окружающий мир), то сегодняшнего дня не было бы никогда. И, очевидно, такой праздник проходил бы в совершенно другой стране и на другом языке.

И эта удивительная победа языка, признанная учёными, компьютеру не соврёшь, действительно окрылила в тот мо-

мент всю страну, совершила необыкновенный перелом в психологии, в упаднических настроениях, тогда существовавших в стране, и сделала огромный скачок во всём продвижении человечества в дальнейшем совершенствовании цивилизации.

Егор вспомнил, когда он был ещё совсем юношей, все учебные заведения ведущих университетов мира стали лихорадочно осваивать русский язык. Как пронеслось это веяние по всему миру и как резко стал востребован специалист русского языка, и какой вес внезапно приобрели учителя русского языка и литературы школ России. Как удивительно падали оплоты ненависти ко всему русскому, ко всему русскоязычному во всех цивилизованных странах, а особенно в пытавшихся открититься от всего русского (Украина, Казахстан, Прибалтика).

С каким удивительным юмором Егор вспоминал эти болезнейшие переходы к овладению русским языком в школах этих стран.

И всё почему? Началось всё вроде невинно, после того, как новые совершенные компьютеры дали анализ ведения разведки в Пентагоне, и вдруг обнаружилось, что на русском языке на 40% больше возможности передачи информации, зашифровки кодов; явилось признание и на литературном кинотеатроведческом шоу, которое также признало большие возможности русского языка.

Короче говоря, факты — упрямая вещь, и до недавнего времени этого года русский язык стал осваивать весь цивилизованный мир.

Нахлынувшие воспоминания Егора прервали красивая музыка, раздавшаяся над стадионом и удивительные разноцветные фейерверки. Праздник начался. Приятно было видеть, как на чистейшем русском языке выступают представители всех стран мира: говорят американцы, говорят

англичане, говорят чопорные французы, которые сдались одними из последних. Но в этой борьбе оставили большую привилегию — навсегда заложили как обязательное изучение для философов, историков и литераторов французского, немецкого, английского, испанского, китайского и японского языков, но это уже давно в прошлом.

Праздник продолжался. После политических деятелей выступили литераторы, и наконец-то, предоставили слово Егору, который прочитал собравшимся свои последние стихи, потряс книжкой над головой...

И с этого времени книги перестали издаваться во всём мире, уступив место совершенному оборудованию в виде симпатичного то ли журнала, то ли тетрадки, который мог воспроизвести текст любой книги, рисунка, любого журнала, где человек мог сидя, лёжа, стоя читать любую книгу, связываясь по радио с книжным библиоцентром, причём не только читать, но и устав читать, одним нажатием кнопки мог слушать текст в исполнении любого из двенадцати голосов, начиная с детского и кончая старческим любого пола и возраста озвучивания книги, смотреть любую иллюстрацию.

Возможности неограниченные абсолютно, хотя нет, не американцы первые, а японцы совершили удивительное открытие. И эти чопорные японцы, свято чтящие язык и культуру, первые в мире категорически предложили изучение и освоение русского языка, и совершение всех операций на русском языке. Каково же было удивление американцев и европейцев: вечные, казалось бы, враги своих северных соседей вдруг повернулись лицом к языку, культуре этого огромного народа и страны!

1989 год

ЗА КУЛИСАМИ

Орловский Государственный Академический театр
имени И.С. Тургенева

ЭТО НЕ КАБАЧОК «ТРИНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»!

1981-й год, сентябрь стоял отменный. Листья деревьев, казалось, ещё не думали об осени. Зелёные, сочные, чистые после недели августовских дождей; не верилось, что скоро пожелтеют и полетят с паутинками прославлять любимое бабье лето. Гладиолусы мужественно расцвели последнюю грядку нежных цветков, а настурция и календула так торопились отдать нектар осенним пчёлам.

Николай Иванович Копаев шёл по родному городу и наслаждался его красотой. Несколько лет жизни на Дальнем Востоке только оттенили любовь к городу детства и юности, придав аромат разнообразия познания красот Великой России. Дом Советов, где располагались обком партии, облисполком и обком комсомола, приветствовал издали солнечной стороной сквозь галерею любимой улицы, поднимавшейся на сотни метров от самого моста. Вспомнилось, как красиво сновали туда-сюда старые трамвайчики по наклонной до самого обкома, куда Копаева пригласил Александр Юрьевич Забелин, знакомый ещё по институту, выросший за эти годы в большого руководителя социальной сферы областного масштаба.

«Привет, сахалинец!» — пожал руку Николаю Александр и добавил: «Покидал камешки с крутого бережка? Не буду долго расспрашивать, сразу приступим к делу! Есть предложение назначить тебя директором областного драматического театра имени Ивана Сергеевича Тургенева, как ты на это смотришь? У тебя для этого всё есть — и опыт работы с людьми,

и знание сферы культуры. У нас не заладилось с директорами, за девять лет сменилось десять руководителей, а значение одного из старейших театров России в жизни области не тебе объяснять». Копаев понял, что все справки о нём уже навели, здесь случайностей не бывает.

Более неожиданного предложения Николай Иванович представить не мог, разве что полететь в космос в ближайшее воскресенье. Однако вариант очень интересный и заманчивый. Свой театр он любил с детства, сколько спектаклей удалось пересмотреть с родителями, одноклассниками, однокурсниками, наконец, с девушками! Сколько новогодних балов посетил в юности... И теперь он будет руководить всем этим?! Николай подошёл к окну, выходящему на площадь перед новым, величественным зданием театра, и залюбовался пейзажем. В голове мелькнула известная фраза: «Вся жизнь — игра!». «Хорошо Александр Юрьевич! Давайте попробуем!» — согласился Копаев. «Тогда пойдём, я представлю тебя руководителю области» — произнёс довольный заведующий отделом пропаганды обкома партии.

Дома жена Николая Людмила немало удивилась, но была уверена, раз муж дал согласие на такую необычную работу, значит, считает этот вариант оптимальным для всей семьи. «Тебя теперь можно звать «Пан директор?»» — только и улыбнулась она. Дети — одной пять, другому — один, восприняли новость спокойно. Театр — так театр, директор — так директор и продолжили свои игры в небольшой однокомнатной квартире отца новоиспечённого директора, приютившего семейство Николая Ивановича после переезда из дальних краёв.

Труппа театра заканчивала гастроли на Украине, и чтобы подготовить творческий коллектив к встрече с новым руководителем, для начала вызвали главного режиссёра театра

Валерия Николаевича Бахметьева, заслуженного деятеля искусств РСФСР для знакомства с новым директором. Театр на тот момент официально возглавлял опытный артист, исполняющий обязанности директора, так что принимать дела не было необходимости. Главный за несколько лет страдался от смены директоров из актёрской среды и был рад свежему молодому руководителю, направленному областной властью. Конечно, у него были сомнения, что слишком молодой тридцатилетний руководитель для одного из старейших российских театров, но, после живой интересной беседы, как-то успокоился.

Николай Иванович Копаев стал познавать непростую структуру театра. Оказывается, здесь целое производство: столярный цех, пошивочный цех, декорационный цех, буффорский цех, костюмерный цех, реквизиторский цех, монтировочный цех, транспортный цех. По штату числились технические служащие, гардеробщицы, билетёры, звукорежиссёры, осветители, режиссёры-постановщики, художники-постановщики, администраторы, рекламные художники, кассиры, уполномоченные по распространению билетов. Наконец, труппа из сорока артистов, помощники режиссёра, работники музыкальной части, заведующий литературной частью. Такие подробности зрителям в основном не известны, хотя многие театры это в программках указывают.

Рабочий день директор начинал с восьми утра с посещения цехов. Репетиции спектаклей проходили с одиннадцати до трёх часов, дневные спектакли с двенадцати, а вечерние с восемнадцати тридцати. Кроме того, существовал государственный план провести 115 спектаклей выездных, в основном на селе. Так что рабочий день иногда мог длиться с 8 до 22 часов, если, например, был премьерный день.

Нельзя не сказать, какое впечатление произвело это директорство на тех, кто знал Копаева студентом физико-математического факультета педагогического института, учителем математики, комсомольским и партийным работником. Первому Николай позвонил другу — Толику Коняеву, теперь Анатолию Владимировичу, преподавателю родного физмата, который спросил:

— Коля ты как? Удалось устроиться?

— Да, уже работаю

— А кем?

— Директором театра.

— Нет, я серьёзно спрашиваю, кем?

— Директором театра.

— Кончай разыгрывать «Пан директор»! Это не кабачок «13 стульев»! Кем?

— Толя, я, серьёзно, директор Орловского драматического театра имени Ивана Сергеевича Тургенева!

— Ну, ты даёшь! — выдохнул Толик и машинально повесил трубку.

На следующий день секретарь доложила: «Николай Иванович! Вас спрашивает Коняев». В голове пронеслось: «Надо установить дополнительно ещё один телефон, иногда целесообразно поговорить без секретаря». Раздался знакомый голос:

— Коль! Или теперь Николай Иванович?

— Да, брось, Толик, давай без формальностей!

— В деканате все удивились, а бывший куратор нашей группы Ахмет Латифович на лекции объявил теперешним студентам: «Физмат — это всё! Учитель, преподаватель, учёный, инженер, чиновник и даже директор театра. Хотите, сейчас позвоню моему ученику, и мне принесут приглашение на любой спектакль!».

Проходя возле театра, Копаев встретил любимую преподавательницу педагогики Елизавету Валерьевну Проскуруину: «Здравствуй Коля! Сто лет тебя не видела! Как возмужал! Где ты сейчас трудишься?» «Да, вот, директором этого заведения!» — и Николай показал рукой на здание театра. «Ты и студентом был шутником, а серьёзно?» Пришлось вынуть из кармана удостоверение и показать. «Как в какой-то комедии!» — подумалось бывшему студенту.

Больше всего развеселила жена и рассказала, как приходил в квартиру старший по дому. Очевидно, соседи по подъезду обратили внимание на то, что тихая квартирка, где в последнее время жил отец Николая Ивановича, превратилась в шумный центр, где резвились вовсю двое детей, и квартирное окружение, в основном из пожилых людей, забеспокоилось. Надев очки, взяв в руки домовый журнал, приготовив ручку, старший по дому поинтересовался, сколько человек тут проживает и есть ли прописка у взрослых. Потом он спросил: «А как насчёт работы? Есть какие-то намётки?» Жена ответила, что она пока устраивается, а муж работает. «Где?» — строго продолжил старший. «В областном театре» — пояснила она. «Кем же?» — с лёгкой иронией продолжил общественник. «Директором театра» — ответила супруга. «Как директором? Кем, кем?» — уже на автомате, охрипшим голосом переспросил интересующийся. «Директором!» — коротко промолвила Людмила. Надо было видеть, какая гамма эмоций пробежала по лицу старшего, который хорошо разбирался в областной иерархии. «Ой, я, кажется, засиделся у вас! Как у вас хорошо! Какие милые детки! Я, с вашего позволения, пойду!» — вдруг с восхищением воскликнул он.

А в целом, все, кто знали Копаева, отнеслись тепло и по-доброму к назначению.

Жизнь театра сложно назвать рабочими буднями. Творчество пробивается в самых обычных делах. Николай Иванович понял, что с техническими вопросами его опыт позволяет справляться, а вот с творческими надо учиться у главного режиссёра, актёров, художников. Однажды во время спектакля в кабинет Кобаева заходит артист в костюме и гриме священника и заявляет: «Товарищ директор, я постараюсь доиграть спектакль, но сразу же уеду в Ростов, у меня там родная тётя пропала. Надо отменить пьесы с моим участием». «Подожди, не горячись. Дай адрес твоей тётки и продолжай играть, а в перерыве зайди», — распорядился директор. Он быстро набрал междугородную телефонную станцию, представился, попросил соединить с районным отделом милиции в Ростове, объяснил ситуацию дежурному отделению, и через 15 минут получил ответ, что тётя находится неподалёку у знакомых. Как был удивлён такой оперативности благодарный артист, и репертуар театра не пострадал.

Конечно же, работники театра испытывали на прочность нового директора. Как-то открывается дверь кабинета, на пороге стоит Иосиф Виссарионович Сталин — загримированный артист Владимир Григорьевич Колодезный в мундире Генералиссимуса и с возмущением произносит: «Николай Иванович! Я с такой звёздочкой играть не буду!» И показывает на грудь с неказистой звездой Героя Социалистического Труда. «Проходи, садись», — спокойно ответил директор. И тут его осенило. Он набрал номер телефона Героя Соцтруда, председателя обкома профсоюзов работников машиностроения Василия Дмитриевича Токарева: «Василий Дмитриевич! Кобаев приветствует, идёт генеральная репетиция, а у Сталина нет звезды Героя, выручай!» «Иосифу Виссарионовичу? Сейчас пришлю!» — рассмеялся Токарев. Пока директор объяснял артисту,

что сейчас привезут звезду, в дверях появился Гитлер — артист Анатолий Николаевич Бумагин в полном облачении. «Товарищ директор! Что за мундир мне пошили? И это главе государства», — и он потянул себя за фалды. «Проходи!» — произнёс Копаяев, указывая на стул рядом с Колодезным. «Пригласи начальника пошивочного цеха!» — скомандовал он по внутренней связи. Посмотрев на посетителей, разговаривающих между собой, директор внутренне усмехнулся: «Где бы можно было увидеть такую сюрреалистическую картину, беседующих Гитлера и Сталина?»

С каждым днём Николай Иванович убеждался, что хороший спектакль может состояться не только при талантливой игре актёров, но и зависит от безупречной работы постановочной части. Малейшая неточность монтировщиков сцены, небрежность костюмеров, бутафоров, декораторов или реквизиторов, могут испортить всё хорошее впечатление от самой гениальной игры мастеров сцены.

Когда артисты заходят в здание театра, обычно со служебного входа, они в первую очередь смотрят на расписание, подготовленное заведующей труппой. У одних репетиция, их может быть сразу несколько, причём и дневных и вечерних. У других — дневные или вечерние спектакли, а у кого-то — выездные: в разных населённых пунктах области; ещё отдельные спектакли могут быть на гастролях в другой области и даже в Москве. При хорошей организации режиссёрской работы и планировании заведующей труппой занятым может быть весь актёрский состав, но это в идеале! А в жизни кто-то болеет, кто-то уехал, что-то не состоялось и т. д.

После нескольких недель работы Николай Иванович получил указание, что в театре состоятся областные комсомольская и партийная конференции. В эти дни не проводятся спектакли

и репетиции на главной сцене. А тут, за две недели до начала мероприятий, в театр внезапно залетают несколько десятков пионеров со знамёнами, горнами и барабанами и с резкими звуками, как в пионерском лагере, начинают маршировать по сцене и в зрительном зале. К директору театра прибежали в кабинет возмущённые режиссёры и актёры, не знающие как им работать в таких условиях. Копаев выслушал всех и аккуратно выпроводил «лихие» отряды. Вскоре его вызвали в обком. «Вы, Николай Иванович, что, против советской власти?» — спросил секретарь обкома по социальным вопросам. «Пионеров выгоняете, а они готовят приветствие лучшим коммунистам области?» — продолжал он. В глазах крупного руководителя гнездилась искринка надежды, что зря директор театра так поступать не будет, но обком комсомола пожаловался. «Что Вы, Александр Фёдорович? Сам в комсомоле работал. Просто никто с театром не согласовывал репетиции пионеров. Думали, наверное, что театр пустой до вечернего спектакля. А театр с восьми утра работает как завод, да ещё в две смены. Разве Вам бы понравилось, если в разгар рабочего дня в цеха сталепрокатного завода ворвались отряды пионеров со знамёнами, горнами и барабанами проводить репетицию?» — пояснил Николай Иванович. «Спасибо! Идите, работайте! Я поговорю с комсомольцами!» — уже миролюбивым тоном заключил секретарь обкома. «В суровые тридцатые годы так легко бы не отделался», — подумал директор театра.

Конечно, эти маленькие эпизоды были лишь лёгким штрихом на фоне каждодневных репетиций и спектаклей, работы по их обеспечению, распространению билетов, проведению гастролей, развёртыванию яркой, насыщенной рекламы и так далее. И за всем этим стояла чёткая и напряжённая работа директора театра...

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДРАМАТУРГИ

Театры бывают разные. Домашние (если большая семья, любящая искусство или несколько таких семей); театры-студии при домах культуры — районных, заводских; городские театры со своими помещениями и штатными артистами и обслуживающим персоналом; областные драматические театры на государственном обеспечении с высокопрофессиональным составом и столичные театры драмы, оперы и балета, оперетты и другие. Естественно, сюда можно добавить театры юного зрителя, кукольные театры.

Конечно, чтобы всё это работало, нужны пьесы. А пьесы должны быть с интересными и содержательными текстами, над которыми трудятся актёры, режиссёры и вся постановочная часть. Вот только интересный и содержательный текст создаёт драматург — писатель, умеющий описать сюжет так, чтобы зритель окунулся в жизнь героев пьесы так, будто это его жизнь или оказался свидетелем такого захватывающего действия, словно попал в другой мир, из которого невозможно выйти.

Владислав Леонидович Багров служил главным режиссёром Боровского областного драматического театра имени Островского, здесь были две проблемы — отсутствие новой интересной пьесы и молодой героини, от красоты которой все мужчины сделают театр вторым домом. А вторые половинки своих мужчин ни за что не отпустят одних. Таким образом, будет решена проблема заполняемости зала, и план

будет выполнен и перевыполнен. Театр возглавлял он уже четвёртый год и пришёл к выводу, что пьеса может быть очень интересной, а вот подбор актёров, талант и мастерство режиссёра могут создать шедевр или показать скучную постановку.

Тем не менее, репертуар театра постепенно вырисовывался неплохой. Появились такие спектакли как, «Стакан воды» Э. Скриба, «Школа злословия» Р. Шеридана, «Святой и грешный» М. Варфоломеева и другие. Семейная жизнь складывалась неплохо. Жена занималась наукой, даже достигла докторской степени в сорок с небольшим лет, сын осваивал пятый класс средней школы. Правда, театром супруга интересовалась мало, и сколько Владислав Леонидович не рассказывал ей, какой театр он хочет видеть в своём городе, жена оставалась равнодушной. Сын как-то больше тянулся к матери, которая посвящала его в тайны биологии и помогала ему коллекционировать бабочек и разных насекомых. Кухня была в семье не на первом плане, и Багров питался в столовых, блинных, кафешках.

Ставя в план репертуара пьесу зарубежных авторов М. Мэйо и М. Эннекена «Моя жена — лгунья», Главный предвидел ворчание членов приёмной комиссии, что советских драматургов он забывает, но что поделать, спектакль обещал быть весёлым и интересным, а это было основным для зрителя. На роль Кэтти Гаррисон было претенденток много, однако Владиславу Леонидовичу всё больше нравилась Алла Петренко, сыгравшую Марию в «Школе злословия». Эта молодая актриса покорила своей стройностью и красотой, которую не могли скрыть старинные платья с глубоким декольте и полупрозрачные пеньюары. А стройность и красота волшебным образом делают любое движение героини потрясающе привлекательным, тогда как обычной женщине

сделать красивый жест без тренировки трудновато. Алла в свои тридцать «с хвостиком» была замужем за Фёдором Петренко, актёром первой категории их театра, имела сына четырёх лет Леонида, но её обаяние в общении с коллегами, умение естественно держаться на сцене, весёлость характера невидимыми волнами накрывали зрителя. Вот и на недавних спектаклях «Стакана воды», с участием приезжей звезды советского театра Элины Быстрицкой Алла смотрелась вполне органично в роли королевы Англии. Народная артистка СССР даже подчеркнула, что в таком составе пьесу было бы не стыдно показать в Малом театре в Москве.

Итак, репетиции «Моя жена — лгунья» шли полным ходом, Кэтти Гаррисон всё больше и больше обаяла игрой своего сценического мужа, его друга и всю постановочную группу. Владислав Леонидович решил более соблазнительно показать реальную красоту актрисы. Более прозрачный пеньюар, лёгкий дымок штор и занавесок, и тут главного режиссёра осенило: «Да ведь фигура Аллы Петренко не уступает любой победительнице мировых конкурсов красоты!». И режиссёр, не задумываясь, предложил актрисе поужинать с ним в ближайший понедельник, то есть в выходной. Алла слегка удивилась, но решила, что речь пойдёт о её творческой карьере, согласилась и даже обрадовалась, что не в кабинете Главного, где рождается пища для всех сплетен и пересудов, кто бы туда не зашёл. Ещё её удивило время встречи, не вечернее, а в одиннадцать дня у Главпочтамта.

Утро выдалось солнечным. Надев своё любимое голубое платье, совершив необходимые манипуляции и преобразившись в очень симпатичную молодую женщину, Алла оставила записку мужу, актёру этого же театра: «Федя! Еда в холодильнике, приду поздно. Целую, Алла». Она знала,

что у Феди будет «День пива» с друзьями в свой законный выходной. Муж любил отоспаться в понедельник до обеда, а то и позже.

Владислав Леонидович стоял у такси, опираясь рукой на дверцу. Светлый костюм хорошо гармонировал с голубым галстуком, не ускользнула от актрисы и свежая стрижка. «Далеко мы едем?» — спросила Алла, садясь в машину. «Всего лишь в соседний Харьков!» — ответил Главный. «Там мы сможем спокойно побеседовать без посторонних глаз, не возражаете?» — добавил он. «В Харьков так в Харьков!» — скрывая удивление, произнесла актриса. Всю дорогу Багров рассказывал о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, как будто с ним вместе жил, служил и был участником всех его побед и поражений. Не раз побывав в Пятигорске, Владислав Леонидович изучил досконально все места, связанные с жизнью великого поэта. Подъезжая к Харькову, он поведал, что собирается ставить пьесу «Маскарад» и роль Нины Арбениной намечает отдать Алле Петренко. Актриса никогда так близко не беседовала с главным режиссёром, но ей понравилась его искренность и энергия рассказчика, его жестикуляция и мимика лица. Она стала ловить себя на мысли, что ей приятно общение с таким эрудированным собеседником и, надо сказать, весьма симпатичным мужчиной. При высоком росте у Главного была фигура атлета; голубые глаза и маленькая борода придавали ему облик молодого профессора.

Харьков был одним из крупных городов Советского Союза, и только латинская буква «и» в названиях улиц и вывесках магазинов говорила приехавшим, что они на Украине. Багров отпустил таксиста у автовокзала, договорившись, что тот будет ждать их с Аллой в 19 часов, а, если они не появятся до 19.30, то необходимо снова подъехать в 23.00. Петренко

прикинула в уме, что домой она попадёт за полночь, но решила не задавать вопросов и положиться на Его Величество Случай. Итак, середина майского дня, солнечно, они в центре большого города, не спеша следовали по маршруту, известному только Владиславу Леонидовичу, а вокруг буйствовала весна. Тюльпаны уже отцвели, только кое-где в тенистых местах напоминали о своём величии. Зато ирисы разноцветным ковром покрывали клумбы, обрамляемые подстриженными кустами в виде кубов, пирамид и конусов. Изумрудом отливали набравшие бархатистость газоны, лишь изредка, в уголках жёлтыми солнышками выглядывали одуванчики. Иногда встречались старушки с букетиками ландышей. Ну, куда же без цветущих каштанов, сирени, яблонь? Действительно, никуда! Их обилие просто услаждало взор. Наконец они остановились у вывески «Затишок». Неброское здание, скромный фасад. Зато, когда спустились в помещение ниже первого этажа, попали в уютный зал с огромной витриной различных напитков и парой десятков уютных столиков, за которыми сидели несколько посетителей. Другие расположились за барной стойкой вдоль всей витрины. Алла спокойно относилась к алкоголю, но здесь увидела такой выбор вин, водок и коньяков, который не встречала в своём городе.

«Я выбрал это место из-за хорошей кухни и большого выбора вин, которого нет в обычных ресторанах, в обеденное время посидеть здесь весьма неплохо, если Вы не возражаете» — предложил Главный. Алла успела проголодаться и не возражала. Ассорти из рыбы, ассорти из мясных продуктов, солянка и люля-кебаб, гора овощей и фруктов с подачей «Белого муската красного камня» и армянского коньяка «Наири» слегка смутили актрису, но такой поворот вначале деловой встречи перестроил настроение Петренко. Она почувствовала

себя молодой, привлекательной женщиной и смело ринулась в поток внезапно возникших обстоятельств. Мало-помалу, разговор пошёл о ней. Владислава Леонидовича интересовало всё, и где родилась; как ощущала себя в семье, с ровесниками; какими было детство и юность; когда обратила внимание на противоположный пол, был ли приятным первый поцелуй; что привело к актёрской профессии. Столик на двоих, беседа «глаза в глаза», приглушённый свет, негромкая музыка, аромат хорошего вина и коньяка как-то расположили обоих собеседников, теперь можно сказать, к тёплой, дружеской беседе, которую никто из них раньше не мог и представить.

Нет, в 19 часов они не пойдут на автовокзал, решил Батров. Захотелось послушать живую музыку, потанцевать с понравившейся женщиной, и они пошли в ресторан неподалёку. Заказав лёгкую закуску и бутылку шампанского, дождавшись, когда заиграет оркестр, пара первой вышла на середину зала. Руководитель оркестровой группы, увидев такую яркую пару, прекратил игру заезженной песни, и музыканты заиграли танго «Кумпарсито». Это только раззадорило нашу пару. Конечно, профессиональными танцорами они не были, но, на ресторанную сцену вышли далеко не дилетанты. И выкинуть ножку в изящном повороте, и придержать в прогибе почти до пола, и гордые повороты головы «щека к щеке» — откуда взялась эта синхронность и слаженность экспромтом, танцоры так и не поняли. Все последующие танцы не могли затмить и повторить это восхитительное чувство. Режиссёрский опыт подсказал Владиславу Леонидовичу предложить Алле сделать звонок любимой подруге Лиде, чтобы та создала алиби Аллиному мужу, если придётся вернуться домой среди ночи. Администратор, с помощью червонца (10 рублей) быстро решил этот вопрос.

На обратном пути усталость взяла своё, и наша пара уснула. Проснулась актриса от нежного поцелуя режиссёра и пулей вылетела из остановившейся у её дома машины.

Утренняя репетиция «Лгуньи» началась как обычно. Главный опять не мог отвести глаз от Кэтти, когда та порхала по спальне, готовясь к приезду Вильяма из Нью-Йорка. После репетиции Багров вернулся в свой кабинет. «Не зашла Алла. И правильно! Надо переварить обоим эту чудесную поездку», — подумал он.

Следующая поездка уже была трёхдневная. Театр повёз спектакль «Святой и грешный» в соседний Курск в составе с Фёдором Петренко, а Владислав Леонидович с Аллой махнули снова в Харьков. Экскурсии по городу, зоопарк и другие достопримечательности, конечно, были, но основное время пребывания прошло в люксе гостиницы «Харьков». На третий день они признались друг другу, что так хорошо им никогда ещё не было. Багров первый заявил, что подаст на развод и выразил надежду, что Алла согласится стать его женой. Твёрдый тон, спокойствие, какая-то светящаяся изнутри уверенность Главного убедили актрису в его искренности и решимости. А то, что он ей нравился и даже больше, читалось во всём её облике. «Я сына забираю!» — только и сказала влюблённая женщина. «Лёня Вас давно знает и уважает, любит забегать в театр за мной, ходить на детские спектакли», — добавила она. «Леонид — наш парень!» — подытожил Владислав Леонидович.

Ошеломляющая новость растекалась по всем капиллярам культурной жизни области. Не каждый день Главный режиссёр разводится. Две семьи лихорадило весьма крепко. Заявления о разводах из судов впорхнули экстренной информацией в партийные органы и управление культуры. В те времена

разводиться руководителям, да ещё коммунистам крайне не рекомендовалось, наказанием служило как минимум снятие с должности, а максимум исключением из партии и большим осложнением в дальнейшем устройстве на любую работу. И вот, среди океана сплетен и пересудов, поступил звонок из обкома партии с вызовом Главного режиссёра на заседание бюро. Владислав Леонидович в парадном костюме вошёл в зал заседаний. Странно, но ни волнений, ни угрызений совести он не ощущал. Была только мысль: «Хорошо, что хоть Аллу никто никуда не вызовет, а я уж вытерплю все вопросы и проработки, но впереди нас ждёт счастливая супружеская жизнь с любимой женщиной, без страхов, скрытностей и вранья».

Сценарий разговора Главный ясно представлял. Сначала будут его хвалить за успешную работу театра, авторитет которого заметно повысился, затем перейдут к наболевшим вопросам и проблемам, требующих внимания и помощи власти, и в итоге перейдут к его личной жизни, где нет места никаким разводам и дискредитации руководителя и коммуниста. Так всё практически и вышло. Наконец, прозвучало предложение: «Идите и подумайте, или Вы, Владислав Леонидович, вернётесь в семью, и мы забудем этот инцидент, или Вы, Владислав Леонидович, положите свой партийный билет на стол со всеми вытекающими из этого последствиями». Главный сделал три шага к выходу, вдруг развернулся со словами: «Да что тут думать?», быстро подошёл к длинному столу заседаний бюро и положил свой партийный билет перед Первым секретарём обкома партии. В зале пронёсся глубокий вздох удивления.

Жизнь завертелась в другую сторону. После решающей трёхдневной поездки, Багров сразу частную двухкомнатную квартиру, куда перебрались Алла с Лёней, и вскоре в коридоре соседи уловили вкусный запах борща, который

так любил Владислав Леонидович. Начальник управления культуры расстроилась, что теряет хорошего руководителя, ей нравилось, как работает главный режиссёр. В приказе сделала его исполняющим обязанности, пока не появится новый Главный. Даже разрешила бухгалтерии платить за его проживание в частной квартире, пока он работает в театре, как всегда платили приезжим артистам. Однако на лицах нашей пары не было ни капли грусти или уныния. Наоборот, их улыбки излучали счастье, чем восхищали или злили окружающих.

С первых дней совместной жизни Алла заметила, как её любимый вечерами что-то пишет на кухне. Увидев её интерес, Багров рассказал, что он давно пробует написать пьесу о жизни на селе, и после встречи с ней у него появилось вдохновение, и работа уже подходит к концу. Коротко посвятив будущую законную супругу (после состоявшегося развода будет обязательно свадьба) в содержание пьесы, автор увидел загоревшийся интерес в её глазах. Алла провела детство в деревне, и герои произведения — председатель совхоза, парторг, механизатор, доярки живо напомнили родную атмосферу. «А я буду играть в твоих пьесах?» — спросила она с улыбкой начинающего драматурга. «Пока я не планирую сам ставить свои пьесы, но жизнь покажет!» — серьёзно ответил Владислав Леонидович.

Вскоре пришло письмо с Урала от его друга, бывшего преподавателя театрального института Анатолия Ефремовича Бухвостова. Особенно порадовали строки о восхищении Багровым, совершившим настоящий мужской поступок и приглашение на работу режиссёром и заведующим литературной частью (завлитом) Ижевского драматического театра, где Бухвостов уже шесть лет служил Главным режиссёром. А через две недели, собирающейся к отъезду семье Багро-

ва, пришло известие, что его пьеса «На летнем пастбище» включена в очередной номер журнала «Театральная жизнь». Что ни говори, ехать с семьёй на новую работу с прозвеневшей в театральном мире пьесой было весьма вдохновляюще.

Естественно, с таким опытом театральной деятельности, как у Владислава Леонидовича, горизонты литературной части раздвинулись, но с постановкой пьес из репертуара театра пришлось подождать, да и Аллу, теперь уже Багрову, не баловали ролями, актрис её возраста было в избытке. Чувствовалась порой ограниченность в финансах, спасал талант хозяйки вкусно готовить, порой, казалось, из ничего. Гонорар из журнала быстро закончился. И тут посыпались радостные известия со всех концов необъятной страны. Пьеса Владислава Багрова «На летнем пастбище» взята в репертуар двадцати семи театров! Автор познал такую приятную вещь как «авторские отчисления» с каждого сыгранного спектакля. Особую гордость испытывал, когда водил супругу с сыном по базару и магазинам. Видеть счастливое лицо Аллы, примеряющей новое платье или туфли, сияющие глаза Лёни, выбирающего самые дорогие игрушки, щедро тратить заработанные своим пером деньги было самым приятным для Владислава Леонидовича.

Почувствовав вкус к драматургической деятельности, Багров неустанно выпускает пьесы «Утренние трамваи», «Всё для тебя» и «Вечерние колокола», «Моя жена хочет в Париж». Приятной неожиданностью было приглашение в Ленинград на премьеру спектакля «На летнем пастбище», в постановке, Александринского государственного академического театра имени А.С. Пушкина. На сцене играли знаменитые артисты страны, и автора вызывали на «бис» неоднократно. Вскоре из-под пера драматурга выходит пьеса «Сосновый бор», и её

ставят более двадцати театров страны и в Болгарии. Наконец происходит долгожданное событие. Родилась дочь Елена, счастьем родителей не было конца.

Пришла пора признания литературных успехов Багрова — его принимают в Союз писателей СССР. Анатолий Бухвостов, видя успехи уже состоявшегося драматурга, предложил коммунистам театра вернуть Владислава Леонидовича в свои ряды, и те с радостью согласились. А восстановленный коммунист закончил работу над пьесой «Сердце говорит правду», за которую был удостоен Премии Союза писателей СССР. В должности завлита уже было тесновато, и он получает приглашение прибыть в Министерство культуры РСФСР.

Первый заместитель Министра весьма подробно побеседовал с Багровым и в конце беседы предложил работу Главным режиссёром одного из старейших театров России в одной из ближайших к Москве областей. Владислав Леонидович охотно согласился на самостоятельную руководящую работу, хотя понимал, что свободной жизни драматурга придётся потесниться. Алла с Лёней восприняли новость с радостью. Актриса понимала, что занимать ролями жену главного режиссёра будут охотнее, чем в Ижевске, а Лёня стал мечтать о новых друзьях и приключениях. Леночка просто радовалась жизни, глядя на брата и родителей.

Город встретил главного режиссёра очень дружелюбно. В центре города дали трёхкомнатную квартиру в новом доме и пообещали дать четырёхкомнатную в строящемся элитном доме. Театр, один из старейших в России, выразил надежду, что новый творческий руководитель умножит славу интересными спектаклями. И Владислав Леонидович «засучил рукава». В репертуаре появились Михаил Булгаков, Уильям Шекспир, Александр Островский, Николай Лесков. Зритель

оживился, и билеты в кассе частенько заканчивались. Гастроли театра в Донецке, Виннице, Тернополе, Нальчике проходили на уровне столичных. Очередная областная партийная конференция избрала Багрова кандидатом в члены бюро. Алла стала востребована на главные роли во многих спектаклях, и зрители ходили именно на Багрову.

На третий год работы на новом месте вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении Владиславу Леонидовичу почётного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Семья была счастлива и шутила, как могла: «Эй, Деятель! Сходи в магазин!», «Мы пойдём в парк, если только Деятель пойдёт с нами и купит мороженое», «Это кто натоптал в прихожей? Деятель?»

Вечерами Деятель признавался Алле в любви и говорил, что без неё он не был бы ни драматургом, ни Деятелем, а она смеялась и отвечала, что совсем ни при чём.

НЕВИДАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Октябрь. Театральный сезон набирает обороты. Идут вечерние спектакли, дневные детские постановки, выездные спектакли для сельского зрителя и, конечно же, репетиции, репетиции и репетиции новых пьес. Среди них, особое внимание главный режиссёр уделял пьесе «Николай Кузнецов против Эриха Коха», которую написал сам. Отмечалась годовщина с начала Великой Отечественной войны и Главный увлёкся биографией и деятельностью советского разведчика Николая Кузнецова. Простой паренёк, из рабочих так изучил несколько иностранных языков, особенно немецкий, что немцы принимали его безоговорочно за своего. А его подвиги на благо Родины до сих пор до конца не рассекречены.

Пьеса писалась легко, и потрясающая деятельность советского разведчика живо вставала перед глазами автора. Да и репетиции шли успешно, актёры оживились, видя интересный материал и большие возможности для трактовки ролей и импровизаций. В прошлом остались изображения фашистов в глуповато-карикатурном виде, врага стали показывать умными творцами зла, заставляющими напрягать интеллектуальные силы, чтобы победить. Уже вышли фильмы: «Сильные духом» (по одноимённому роману Дмитрия Медведова, режиссёр Виктор Георгиев), «Щит и меч» (по одноимённому роману Вадима Кожевникова, режиссёр Владимир Басов), наконец 12-серийный художественный телефильм режиссёра Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» (по сценарию

Юлиана Семёнова на основе его одноимённого романа). Вот и в своей пьесе автор старался показать интеллектуальную игру советского разведчика в образах блестящего немецкого офицера и группы высокопоставленных военных чинов вермахта. Не побоялся в действующие лица ввести И. В. Сталина и А. Гитлера. Центральным эпизодом была сцена в кабинете рейхскомиссара оккупированной Украины Эриха Коха.

Актёры репетировали, производственные цеха готовили декорации, пошивочный цех примерял и шил костюмы, художник спектакля следил за воплощением эскизов. Эпиграфом пьесы была задумана надпись крупными буквами золотого цвета «Чекистам известным и неизвестным».

Новый театральный сезон начался под руководством нового директора театра. За девять последних лет сменилось, аж, десять директоров и, конечно, это сказывалось на работе главного культурного учреждения области. Все десять были выдвинуты из ведущих актёров, а новый оказался молодым партработником. Коллектив театра скептически, но с интересом воспринял нового руководителя: «А вдруг заживём лучше, увереннее, стабильнее?»

Репетиции шли полным ходом. Александр Фёдорович Махов, играющий Николая Кузнецова, блестяще воплощал все задумки режиссёра. И форма немецкая сидела на нём как влитая, и голос внушал большое доверие, вот только основная сцена в кабинете гауляйтера сначала давалась с трудом. Когда Николай Кузнецов входил в огромный кабинет Эриха Коха, то он замечал в четырёх углах четырёх огромных немецких овчарок. Ему оставалось только изображать столб. Режиссёр не отказал себе в удовольствии найти в областном центре четырёх дрессированных овчарок. Хозяйки с радостью согласились с тем, что их питомцы станут артистами. Но на сцене

хозяек не оставишь, хоть они в шаге прятались за кулисами. Собаки добросовестно выполняли команду «Сидеть!», но посмотрели бы вы на первой репетиции на артиста Махова! Ему было не до Коха. Александр Фёдорович признался, что и «сердце в пятки ушло, и за чистоту штанов было боязно».

Тем не менее, отрепетировали и эту сцену. Наконец генеральная репетиция. В зрительном зале собрался художественный совет во главе с директором театра, свободные от спектакля артисты и действие началось. Бурные аплодисменты выразили отличную оценку зрителей, которые расходились по впечатлением от увиденного. Особенно удивила смелая сцена в кабинете Коха.

И вдруг афиши объявляют о замене премьеры на популярный спектакль. Все в недоумении. Оказывается, главный режиссёр не согласовал сценарий с очень ответственным учреждением. В то время это было обязательно, так как показывалась деятельность Советской разведки. Так, что, кто попал на генеральную репетицию, увидели редчайший спектакль.

ГЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ

Когда нет большого опыта и конкретных знаний, никогда не надо торопиться претворить свои решения в жизнь.

Готовилась премьера спектакля «Николай Кузнецов против Эрика Коха». Главный художник театра сдавал макет оформления сцены худсовету. Всё выглядело строго и даже симпатично. Директора театра, детство и юность которого проходили в посещениях ремонтно-механического завода, где работал его отец, заинтересовала надпись над сценой «Чекистам известным и неизвестным». Уж больно массивными были буквы на макете.

— А из чего будут сделаны буквы таких размеров? Всё-таки полметра высотой, да и толщина не менее десяти сантиметров будет...

— Из латуни, — последовал ответ художника.

— А не страшно ли будет актерам играть под несколькими тоннами металла? — удивился директор.

— Надо будет крепче закрепить, — парировал постановщик. — Зато масштабно и солидно.

— А что нельзя буквы выпилить из пенопласта и покрасить краской под бронзу? — вопрошал директор.

— Действительно, как я не подумал? — согласился художник.

БЕДА, КОЛЬ САПОГИ НАЧНЁТ ТАЧАТЬ ПИРОЖНИК...

Заслуженный артист Владимир Григорьевич Бушуев был гордостью театра. Едва увидев его имя на афише, театрал сразу лез в карман за деньгами и прямым в кассу. Если герой — аристократ, вот он, эlegantный Бушуев с изысканными манерами и царственной походкой. Если герой — военный, то мы видим закалённого в боях генерала или адмирала, с изумительной выправкой и голосом, заставляющим беспрекословно подчиняться. Если герой — рабочий, то хочется быть его учеником, увлекаться его профессией, да даже просто быть с ним в одной компании.

Не побоюсь сравнить его с Жаном Габеном, когда теперь стали доступны фильмы с его участием. Достоинство и самоуважение прямо сквозили во всех его движениях. Был случай, когда играть с ним в спектакле приехала знаменитая народная артистка СССР Элина Быстрицкая. Как водится, перед спектаклем партнёры должны прорепетировать совместные сцены. В назначенный час актриса опоздала, а Владимир Григорьевич пождал, пождал, да и уехал к себе домой, уверенный, что свои сцены он всё равно отыграет. Надо отдать должное Элине Авраамовне, она тут же села на такси и приехала репетировать к Бушуеву на квартиру. И спектакль прошёл на полном аншлаге, после чего артистка сказала: «Вот бы такого артиста, да к нам в Малый театр!»

День за днём, и театру потребовался не кто-нибудь, а сам директор. В те времена директор областного драматического

театра утверждался не только управлением культуры, но и партийным руководством области. На взгляд руководителей, более опытного и сведущего в делах театра, чем В.Г. Бушуев даже близко не было. А, уж солидно выглядеть в кабинете с телефонной трубкой с ним мало кто мог сравниться даже из областных начальников. И театр стал смотреться ещё благороднее с таким заслуженным и авторитетным директором.

Потихоньку новоиспечённый руководитель сдружился с коллегой по труппе Иваном Васильевичем Бургомистровым, актёром в возрасте, ветераном войны, играющим роли второго плана, весёлым, жизнерадостным товарищем с чувством юмора. Друзья любили приезжать на гастроли и обязательно разыгрывать сценки для себя, а не для зрителей. Например, в один из городов первым приехал директор, через несколько дней к вокзалу подъезжает поезд с коллективом театра. Артисты выходят с ручной поклажей, и только в дверях показывается Бургомистров, к нему бросается отряд пионеров в парадной форме с криками: «Здравствуй, папа!». Артисты недоумевающе хохочут. Иван Васильевич удивлённо раскланялся и прижал шляпу к сердцу, а директор раздавал пионерам конфеты из большого пакета, благодаря их за отлично сыгранный эпизод. Друзья нежно обнялись, «папа» похвалил Владимира Григорьевича за оригинальность встречи.

На следующее утро, встав пораньше, Бургомистров поехал на базар, купил банку мёда и широкую кисточку. Сев в такси, он стал объезжать расклеенные по городу афиши своего театра, где были фотографии его друга. На каждом изображении лица известного артиста Иван Васильевич наносил кисточкой тонкий слой мёда. К обеду на месте изображения лица на каждой афише сидел рой мух, пчёл, ос и других насекомых. К вечеру смеялась вся труппа.

Всё бы ничего, на артиста Бушуева зритель шёл с удовольствием, а где идут на директора театра? Действительно, директора порой и не знают. А дел и задач у него немало. Не буду утомлять читателя их перечислением, только эти вопросы Владимир Григорьевич практически не решал, хотя за рабочим столом смотрелся, как всегда, солидно и уверенно. В управлении культуры на все вопросы отвечали его заместители, главный режиссёр, главный бухгалтер. Много было бы терпимо, но вопросы ремонта, жилья для работников театра, проблемы членов семей артистов, установка домашних телефонов и другое стояли на месте. Когда ситуация дошла до властей, то замечательного артиста решили тихонько освободить от обязанностей руководителя. На очередном празднике наградили юбилейной медалью и уговорили оставить пост. Впрочем, В.Г. Бушуев особо не возражал.

Как бы там ни было, но отличной игрой военачальников, руководителей страны, в том числе В.И. Ленина и И.В. Сталина наш артист растопил сердца власть имущих, да ещё новые директора себя ничем не проявили, хотя были не артистами. И снова уговорили Владимира Григорьевича стать директором, не бросая ролей. К этому времени Иван Васильевич Бургомистров, из-за малой занятости на сцене, стал уделять больше времени Бахусу. Не вызывающе и демонстративно, а тихонечко и с утра, чтобы к вечеру появиться в эпизоде или в массовке в каком-то равновесии. Мало-помалу Бушуев, не жаждущий себя обременять финансово-хозяйственными и другими директорскими вопросами, стал заменять эти вопросы общением с другом, опять же аккуратно.

Однажды заслуженному артисту надо было встретить друга, приехавшего на вечернем поезде из Москвы, а в это время шёл спектакль «Стакан воды» Эжена Скриба, где Вла-

димир Григорьевич играл герцога Болингброка. Зная время спектакля до минуты, «герцог» понял, что может опоздать к приходу поезда на пятнадцать минут. Нисколько не нарушая ритма спектакля, Бушуев обращается к королеве: «Ваше величество! Вам пора в часовню!», на что артистка по-королевски кивнула и отправилась за кулисы, яростно сдерживая гнев. Через минуту там появился первый министр, на которого набросилась разъярённая королева: «Ты что? С ума сошёл? Какая тебе часовня? Нам ещё играть двадцать минут!» «Прости милая, прости! Забыл дорогая, забыл!» — и с этими словами Владимир Григорьевич побежал к выходу.

Весна набирала обороты. Отцветали тюльпаны, нарциссы. Начиналось цветение яблонь, слив, груш и, конечно, же, сирени. Теперь два друга находили беседку или уютную лавочку и расстилали небольшую скатерть-самобранку, чтобы предаться наслаждению мужского общения. А делалось это очень деликатно. В одиннадцать часов во всех театрах начинались репетиции, также в одиннадцать часов открывались винно-водочные магазины. Директор театра назначал на одиннадцать часов производственную планёрку с главным режиссёром, заместителями, начальниками служб и цехов. В это время Бургомистров стоял у телефонной будки возле заветного магазина. Директор начинал планёрку и через 3–5 минут раздавался звонок. Прижимая телефонную трубку, Владимир Григорьевич громко шептал: «Тише! Тише, товарищи! Обком (облисполком, горком, райком и т. д.)! Извиняюсь, но у меня художественный совет! Говорите срочно? Выхожу!». Положив трубку, он разводил руками и обращался к присутствующим: «Срочно! А работать когда? Товарищи, до следующей планёрки!». Через десять минут начиналась приятная «дружеская беседа» Бушуева и Бургомистрова.

Как-то раз общение друзей затянулось, и тут Бушуев вспомнил, что у него сегодня «Стакан воды». Пулей примчался в театр, прыгнул в роскошный мундир герцога, но вот текст воспроизвёлся в голове не так быстро. Но это Бушуев! Видя, что суфлёр куда-то делся, и, зная, что спектакль отшлифован до блеска, первый министр элегантно стал подключать королеву. Вместо своей реплики он обратился к актрисе: «Ваше величество! И что я вам должен на это сказать?». Не подавшая виду королева проговаривает его текст. Не помня, что же дальше, герцог, раскланиваясь, спрашивает: «И что Вы думаете, я вам могу на это ответить?». Её величество отвечает. Естественно, за кулисами актриса возмутилась, как могла, а помощник режиссёра заявила, что подаст докладную главному режиссёру, но спектакль не развалился.

Конечно, так продолжаться долго не могло, и пришёл день, когда директорский кабинет пришлось покинуть, и Владимир Григорьевич вернулся на традиционный путь талантливого артиста. Областное руководство больше не предлагало заслуженному артисту стать директором.

ЛЮБОВЬ ПРОШЛА МИМО

Покоритель женских сердец Семён Григорьевич, Сёма (так звали за глаза директора театра) уже начал терять надежду, ибо Агнесса — самая красивая актриса, приехавшая год назад из Владивостока, по-прежнему оставалась неприступной.

Главные роли, которые ей сначала подсовывали главный режиссёр и директор, надеясь на взаимность, она сыграла с блеском, так, что ни у зрителя, ни у труппы никаких вопросов, кроме восхищения, не возникало. Труппа уже не раз убеждалась в бесполезности попыток Семёна Григорьевича добиться благосклонности Примы и даже успокоилась, незлобно подсмеиваясь над неудачником, включая и жену директора театра, которая была тоже незаурядной актрисой.

И вот в одном из южных городов, в котором проходили гастроли театра, после удачно сыгранной роли в спектакле «Святой и грешный» по пьесе Михаила Варфоломеева, а Сёма был играющий директор, он получил вместе с цветами нежно-пахнущую записку со словами «Жду в полночь. А...». Действительно, его герой Мефистофель, получился необыкновенно соблазнительным и коварным.

Семён Григорьевич боялся поверить в это чудо, но такие духи были только у Агнессы. Ходили слухи, что их ей подарил один адмирал во Владивостоке. Он не помнил, как переодевался после спектакля, упаковывал новенький дипломат коньяком, конфетами и деликатесными закусками.

И прежде чем взять один из букетов, которых ему сегодня надарили предостаточно, забежал в гримёрку жены и, только было открыл рот с объяснениями, как та с улыбкой прижала ладошку к его губам и сказала: «Всё поняла. Встречи, начальство, совещание... Иди!» — что его окрылило ещё больше.

Агнесса никогда не селилась в гостинице вместе с труппой, а будучи женщиной свободной и красивой, снимала отдельную квартиру, за которую театр платил по договору.

Директор сел в дежурную «Волгу», которую за несколько сот метров до её дома отпустил и с волнением шагнул в подъезд, в который он мысленно рвался с момента приезда театра на гастроли. Реальность оказалась выше его ожиданий. Уютная квартирка, казавшаяся при свете свечей изысканными апартаментами. Агнесса с роскошными золотыми волосами приятно удивила и опьянила Семёна Григорьевича.

«Я ей, наконец-то понравился». «Просто по мужчине соскучилась, не хочет с незнакомыми встречаться, рисковать», — путался он в мыслях, разливая коньяк «Наполеон», который можно было купить в те времена только в Москве или в Прибалтике. Агнесса только пригубила свою рюмочку.

Через несколько часов настала пора мужу, актёру и директору возвращаться в гостиницу, где в огромном «люксе» одиноко спала уже привыкшая ко всему его супруга.

Одеваясь, Сёма случайно взглянул на бутылку «Наполеона», которая казалась почти нетронутой. И тут его «черти» дёрнули совершить непоправимый проступок. Пошарив в полутьме по столу и по полу вокруг него, он не нашёл пробки и, свернув кусочек газеты в трубочку, заткнул красивую темно-зелёную бутылку, как мужики затыкают самогон.

И тут он увидел удивлённые глаза Агнессы, она отвела быстро взгляд в сторону и снова мягко закрыла глаза. Сёма

покраснел, и слова оправдания, «что она, дескать, не пьёт», замерли у него на губах.

Поставив коньяк в дипломат, он нагнулся, чтобы поцеловать Агнессу, и та, не открывая глаз, подставила ему щёку, которую Семён поцеловал, и быстро удалился.

Все попытки повторить встречу с ней оказались тщетными. Между ними осталась навсегда недопитая бутылка коньяка, заткнутая клочком газеты.

ПОЧТИ ПО ГОГОЛЮ

Ритм театральной жизни несколько отличается от обычной. Рано утром, когда все спешат на работу, в школу, детский сад, в театр так же спешат работники постановочных цехов — швейного, реквизиторского, парикмахерского, гримёрного, столярного, художественно-декоративного, бутафорского, монтировочного; а ещё администраторы, бухгалтера, водители, уборщицы, дворники. Ближе к 11-ти часам появляются художники, режиссёры и, конечно же, их Величества актёры, без которых вся вышеназванная армия не имела бы смысла. Одни артисты приступают к читке новой пьесы, другие в репетиционном зале штудируют новинку пока без костюмов, третьи уже проводят генеральную репетицию в полном обложении героев и с запланированными декорациями или же играют дневной спектакль.

К 15-ти часам актёры и режиссёры в основном свободны до 18-ти, остальные в 18.00 заканчивают свой рабочий день. Далее артисты и режиссёры приступают к основному действию — вечернему спектаклю, причём в это время на малой сцене — второй спектакль или репетиция. Бригада артистов может уехать в другой город или посёлок на выездной спектакль. Конечно же, с артистами бок о бок водители, монтировщики сцены, звукорежиссёры, осветители, реквизиторы, помощники режиссёров. Ещё добавляются кассиры, контролёры, билетёры, гардеробщики...

В общем, хорошо ещё, если в 23–24 часа театр может погасить огни, а то из дальних районов команды выездных

спектаклей могут возвратиться в 2–3 часа ночи. Так что театр сложный организм, и только с виду оживает на вечерних спектаклях. Всю эту сложную систему постигал первые месяцы Сергей Иванович — молодой, недавно назначенный директор театра, и частенько его рабочий день начинался в 7.30 и заканчивался в 23.30. И на первых порах в 8-часовой рабочий день вписаться никак не получалось. Как-то Валентина Ивановна, жена директора сказала под вечер по телефону: «Серёж, ты бы хоть раз встретил бы меня с работы?» «Запросто!» — бодро ответил Сергей Иванович и повесил трубку. Задолжал он, задолжал вниманием своей любимой Валюшке. «Таак! Что вечером? Спектакль по Лескову, репетиция по Шеридану, ах, звонили из обкома принять четырёх высоких гостей из Москвы на вечерний спектакль. И что, теперь я жену не могу встретить с работы?» — пронеслось в голове Сергея. Он вызвал главного администратора Владимира Николаевича, поручил взять под контроль чёткое проведение всего вечера, уделить самое большое внимание москвичам. И через 20 минут уже стоял с букетом роз у дверей конторы, где работала супруга.

Валентина была счастлива, прижала букет к груди, другой рукой обняла Сергея за талию и они пошли пешком, любуясь тёплой осенней погодой. На директора наконец-то нашло спокойствие и уверенность в том, что он уже чувствует ритм театра и старается организовать все процессы лучшим образом. В 23 часа он позвонил домой главному администратору. Тот с воодушевлением доложил, что гостей встретил у входа, провёл экскурсию по театру, завёл в свой кабинет, угостил хорошим коньяком, посадил в центре шестого ряда, в общем, восторгу гостей не было предела. В семь часов утра зазвонил телефон.

— Это квартира директора театра?

— Так точно! — вдруг, по-военному ответил Сергей Иванович.

— Вас вызывает секретарь обкома Васильев Юрий Петрович на 8.30, дежурный Буряк

«Что-то рано и не совсем вежливо», — подумал директор и стал собираться.

«Вы не хотите работать в театре, Сергей Иванович?» — с ходу спросил Юрий Петрович, не предложив даже сесть. «Не пойму причину Вашего вопроса», — удивлённо ответил ошарашенный руководитель. «А как понимать, что Вы не удосужились встретить работников Центрального Комитета Партии, приехавших впервые в наш город и пожелавших увидеть нашу гордость — старинный театр, да ещё такой редкий спектакль?» И тут Сергея Ивановича осенило. Он вспомнил, как вчера утром к нему подошёл бывший директор театра Петрищев и попросил четыре пригласительных билета друзьям-сокурсникам по театральному институту в Москве. И на вопрос главного администратора: «Вы откуда?» прозвучало ключевое слово: «Из Москвы!» Сценарий закрутился совершенно непредвиденный... В директоре вдруг проснулся «старый квнщик»: «Юрий Петрович! Произошла ситуация как у Гоголя! Мой главный администратор принял других людей за Ваших гостей!» И Сергей Иванович в красках рассказал, как Владимир Иванович расшаркивался и угождал совершенно посторонним людям, друзьям артиста Петрищева, а в это время... «А в это время — продолжил рассказ секретарь обкома — заведующая сектором культуры привела гостей в театр, удивилась, что никто не встречает, благо старейший контролёр её знает в лицо, и проводила их на крайние места в шестом ряду, где вскоре с шумом главного администрато-

ра «Пропустите гостей из Москвы!» по коленкам истинных почётных гостей протиснулись друзья Петрищева».

Оба замерли на минуту от воображаемой сцены. Благо с чувством юмора у Юрия Петровича было всё в порядке, да и жизненного опыта было хоть отбавляй, не зря всю войну прослужил в военной авиации. «Ладно «Гоголь», на первый раз прощаю, хорошо, что спектакль гостям понравился, но чтобы больше таких сценариев не было!» — строго закончил разговор секретарь обкома.

ОДНАЖДЫ В ШКОЛЕ

«НЕ СПЕШИ!»

Педагогическая практика студентов третьего курса физико-математического Орловского государственного педагогического института подходила к концу. Попробовав себя в роли молодых учителей, они готовились возвратиться к обычным занятиям и переварить накопленный опыт для осмысления дальнейшей жизни.

Валерий пришёл ко второму уроку и стал готовиться к геометрии, которой заканчивалась его практика. Вдруг в учительскую взбежал Антон и кинулся к нему со словами: «Спасай, Валера!»

Таким он друга ещё никогда не видел. Оказывается, ему только что позвонили из института и сообщили, что приехала московская комиссия проверить работу студентов в школах и именно в период первой педагогической практики, да ещё на внеклассных мероприятиях.

А так как Антон слыл круглым отличником и в плане у него сегодня значился вечер поэзии и песни на стихи Роберта Рождественского в восьмом классе 36-й школы, то честь мундира выпала отстаивать ему.

Беда вся в том, что планы внеклассных мероприятий были сданы студентами за дни педпрактики. И Антон, скептически относящийся ко всему общественному и внеклассному, считая это не нужным политическим наворотом, совершенно забыл о вечере.

Зная, как Валерий с лёгкостью выходил из положений, когда опаздывал, пропускал занятия или не готов был к теме предмета,

он кинулся к нему, рассказав об ужаснейшей ситуации, которая ставила под удар не только его лично, но и весь факультет.

«Успокойся, это мелочи, — отреагировал Валерий. — Я сейчас иду давать геометрию. Комиссия раньше, чем через час, до нас не доберётся. Ты найди баян, возьми в школьной библиотеке стихи Роберта Рождественского и подбери несколько чтецов, если не знают наизусть. В общем, набросай программу ведения вечера. Классный руководитель и старшая пионервожатая с комсоргом школы тебе помогут». Приободрённый Антон пулей вылетел из учительской.

Через час в 8-м классе царил праздничная атмосфера. На учительском столе лежала выставка книг Роберта Рождественского. На доске красивым почерком был написан план проведения вечера.

Появление представительной комиссии из нескольких человек, казалось, никого не удивило. И они заняли свои места за последними партами.

Молодость, дерзость, бесшабашность, внешнее обаяние Антона, Валерия и всех выступающих восьмиклассников сделали своё дело. Звучали стихи, ребята дружно пели песни, особенно «Город детства» и «Огромное небо». И тут Валерий почувствовал, что внеклассный урок может закончиться за полторы, две минуты до звонка, хотя темп и реакция аудитории были великолепными.

Перебив ведущего Антона на полуслове, он объявил на всю аудиторию: «А сейчас прозвучит малоизвестная английская песня ни стихи Роберта Рождественского «Не спеши», — и заиграл какую-то весёлую мелодию.

Антон вытаращил на него глаза, но сделал вид, что внимательно слушает. После мелодии раздалась поддерживающие аплодисменты.

Антон подвёл итоги вечера, и на последней фразе раздался спасительный звонок. Честь института была спасена. На вопрос Антона, где Валерий взял малоизвестную английскую песню, тот с улыбкой ответил: «Только в твоём просчёте, чтобы ты не закончил урок раньше звонка».

ПРИВЕТ, УЧИТЕЛЬ!

К удивлению, в первые дни после армии Александр не мог спокойно идти по улице.

Хотелось бежать и бежать, хотя на службе он ходил спокойно. Может, от избытка накопившейся энергии и свободы передвижения, а может, просто от ощущения молодости и уверенности в самых широких перспективах.

Начало декабря, а Шевченко не мог надеть зимнее пальто после шинели, надел осеннее, правда, не учёл, что шинель наглухо застёгивается и через рубашку проникает холод. Пришлось вскоре надеть шарф.

В гороно (городской отдел народного образования) обещали подыскать работу учителя математики; в обкоме комсомола предложили воспитателем в «Артек»; в облоно (областной отдел народного образования) — поехать на курсы в Москву, а затем в Замбию, но надо быть женатым. В общем, голова закружилась от многообразия вариантов.

Однако жизнь планы изменила. В пятницу Александр решил заглянуть в «родную» школу, где он проходил практику на четвёртом курсе и где открыл в себе то, что он может быть неплохим учителем. А главное, ему понравилось быть учителем. Предложение работать в «Артеке» заинтересовало, а по Замбии он до первого января точно не женится.

Поправив новый красивый шарф, он шагнул в знакомые двери школы. Директор Роза Ивановна оказалась на месте и сразу предложила раздеться у неё в кабинете. «Как хорошо,

что ты зашёл в школу! Отслужил, свободен! И, годен хоть куда!» — с улыбкой произнесла хозяйка школы. «А у нас беда! Серьёзно заболела Нина Максимовна, а у неё два девятых и два десятых класса. Кто будет готовить десятые к выпускным экзаменам? Да и в девярых классах без математики никуда».

Шевченко стал понимать, куда клонит Роза Ивановна. «А как же месяц отдыха с друзьями?» — заволновался он. Хотя ему польстило, что его, вчерашнего студента считают за профессионального математика, которому в одной из лучших школ города могут доверить старшие классы. «Была не была!» — вдруг решился Александр. «Сколько времени дадите на подготовку?» — спросил он. «Немного!» — ответила директор. «Ребятам каждый час математики невосполним. Узнайте программу и расписание с понедельника у завуча Эльвины Ивановны и приступайте!» — закончила она. Завуч тепло встретила бывшего практиканта, посвятила его в сложившуюся ситуацию, посочувствовала, что вместо отдыха придётся сразу впрягаться в нелёгкий учительский труд, но это только закалит настоящего педагога.

«Какой тут ресторан! Конспекты надо писать!» — звенело в голове у Шевченко. Благо, что его серьёзная коллекция книг по математике в 300 томов, целёхонька и ждёт своего хозяина. Вся суббота и воскресенье ушли на подготовку и вот дверь десятого класса «б», где предстоит провести первый урок. Александру предстали три ряда рослых, симпатичных ребят, когда он вошёл в класс. Не ускользнули от него и загадочные улыбки на их лицах. Почему-то ощутил, что волосы у него самого ещё не отрасли как следует после армии, а у юношей такие роскошные чубы. «Здравствуйте, садитесь!» — традиционно приветствовал аудиторию новый математик. Он подошёл

к учительскому столу, раскрыл журнал и произнёс: «Меня зовут Александр Иванович, я буду у вас вести математику, пока Нина Максимовна поправляется. Я вёл в вашей школе математику тоже в 10-м «б» два года назад на практике, а сейчас закончил службу в армии и принят на работу в вашу школу».

Помня, что темп урока должен быть высоким, Шевченко увидел на первом ряду ученика в чёрных перчатках и красном шарфе и тут же обратился к нему: «Молодой человек с внешностью Остапа Бендера, прошу к доске, запишем уравнение, перчатки и шарф попрошу не снимать, они тебе очень к лицу!» Парень вышел, записал, не снимая перчаток, уравнение, прекрасно его решил и громко поставил мелом точку. На пару вопросов по пройденным темам ответил правильно и, назвав своё имя, сел на место, правда, перчатки и шарф он снял, посчитав их роль отыгранной.

Класс, затаив дыхание, следил за развитием событий, только шуршание тетрадей и ручек подчёркивали рабочую обстановку. Поставив пятёрку в журнал, Александр объявил новую тему и урок продолжился.

В следующем, 10-м «а» он почувствовал, что школьное сарафанное радио уже сработало, и загадочных улыбок уже не было. Закончив тему урока, учитель спросил, нет ли у кого вопросов. Девушка с последней парты на первом ряду спросила: «Александр Иванович, а Вы женаты?» «Нет!» — ответил педагог. «Так Вам пора жениться!» — не унималась десятиклассница. «Только не сегодня!» — парировал Шевченко, все засмеялись и тут зазвенел звонок.

К учителю подошёл невысокий, худощавый юноша: «У меня одна задачка не получается, не можете?» И стал чертить на доске условия, похожие на задачи из аналитической геометрии, которую изучали на первом курсе физико-

математического факультета. Александр понял, что перед ним математический «вундеркинд», который изучает предмет сверх программы и, скорее всего, готовится к поступлению в столичный вуз. «У меня сейчас два девятого класса, ты не против, если я покажу своё решение завтра перед первым уроком?» — спросил он ученика. «О'кей!» — ответил «вундеркинд». На перемене классная дама ученика рассказала, что парень «идёт» на золотую медаль и собирается поступать в МГУ. Шевченко стало всё понятно и, придя домой, он сразу же сел за задачу.

Час, другой третий и ничего не выходит. «Если не решу, мне в этой школе делать нечего!» — подумал молодой учитель, однако под утро решение нашлось. Как он и обещал вчера, перед первым уроком, написал на доске решение, оформив текст красивым почерком и пригласил Сергея Закаблука, так звали школьного гения. Он несколько секунд смотрел на доску и произнёс: «Как же я упустил эту мелочь! Спасибо Вам!»

В пылу довольно непростой работы, ведь пришлось везти два десятых, два девятого класса в первый месяц после армии, Александр не забывал о Людмиле, с которой познакомился на Сахалине. Правда, написал ей письмо очень занятого учителя, что так и было. Однако это же влюблённая девушка, которая ему нравится, и тёплых слов надо было написать побольше. Об этом сказали её письма с любовью и тревогой, что учитель отдалился, отгородился работой. Печалилась, будто с прощальным автобусом уехали светлые надежды. Поняв свою несправедливость, он искренне написал, что её никто и ничто не может заслонить на его горизонте.

Так заканчивался 1973-й год, и никто не знал, что принесёт 1974-й, хотя Люда повеселела после второго письма и с настроением встречала Новый год. У Александра празд-

ники проходили не так ярко, как раньше. В компании не пошёл, читал, смотрел телевизор, запомнилась только новая серия мультипликационного фильма «Ну, погоди!», да один знакомый дал послушать симпатичную песню на английском языке какого-то ансамбля под названием «АББА». Зато немного отдохнул от уроков и конспектов, директор школы не забыла, что не дала отдохнуть после службы, и не загроужала все каникулы.

После каникул в школу пришли четверокурсники физмата на практику. Практикантка Мария, распределённая Шевченко, вдруг стала жаловаться на Сергея Закаблука, что он не слушается, вертится во все стороны, разговаривает во время урока. Учитель спросил у Сергея: «Что случилось?». «А она — дура!» — выпалил ученик. «Ты что? Она в данный момент твой учитель!» — возмутился Шевченко. «Какой учитель? Она ничего не понимает в математике!» — продолжал Закаблук. Учитель понял, на какие грабли наступила практикантка, и строго предупредил Сергея вести себя прилично, имея своё мнение при себе.

Однажды, проходя по первому этажу, Александр услышал звуки музыки. Оказывается, в конце коридора есть спуск в полуподвальное помещение, где на хорошей аппаратуре ребята пытаются сыграть мелодию из мультфильма «Бременские музыканты», и среди них три ученика из его классов. Учитель вспомнил, как неплохо играл на баяне до армии, и предложил музыкантам улучшить мелодию, а затем не удержался и спел весёлые строки: «Мы к вам заехали на час! Бонжур! Хэллоу!...» Ребята были приятно удивлены.

Радостное ощущение жизни не покидало молодого учителя. Школа нравилась, математика как родная стихия, с учениками контакт хороший, казалось, совсем недалеко ушёл

от десятиклассников, но панибратства никто не допускал. Правда учителя и директор намекали, что бегать по лестницам через две ступеньки учителю не совсем прилично. И правда, однажды спускается Шевченко по лестнице через две ступеньки, а навстречу ему поднимается женщина средних лет в зимнем пальто и спрашивает: «Мальчик! Где здесь учительская?» Учитель остановился, смутился, покраснел, поправил галстук, ответив: «Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж и в конце коридора увидите». «А как мне найти Александра Ивановича Шевченко?» — продолжала она. «Это я» — скромно ответил застигнутый врасплох педагог, ибо ничего другого ему не оставалось делать. Тут настала очередь покраснеть женщине, которая объяснилась: «Я мама Игоря Касинского. Он говорил, что у них новый молодой учитель и классный руководитель, вот я и пришла с Вами посоветоваться как член родительского комитета». «Пройдёмте в учительскую», — предложил Александр.

По воскресеньям он любил слушать «Утреннюю почту» — любимую радиопередачу, дающую заряд бодрости и оптимизма своими эстрадными новинками и юмором. Из недавнего понравилась песня лъвёнка и черепахи, а ещё про девятый класс: «Девятый класс, звенит звонок, апрельский луч упал на стены. Как долго тянется урок, впервые ждёшь ты перемены...» Хотелось гулять с Людмилкой, ходить с ней по городу, в кино, напевать: «А за окном стоит весна, весна по имени Людмила...» Несмотря на то, что в песне поётся «Светлана». Кстати, в школе объявили конкурс инсценированной песни, и со всех коридоров доносились музыка, отрывки песен, декламация стихов, топот каблуков. Как всегда, должны были высоко оценивать серьёзные, прославляющие нашу жизнь песни.

Оставив класс после уроков, Шевченко увидел как Игорь Касинский, тот самый «Бендер», стащил платок у Тани Кравцовой и повязал на шею. «Ребята, а почему бы нам не инсценировать какую-нибудь весёлую песню, например, «На побывку едет молодой моряк»?» — предложил учитель. «Только Игоря нарядим девушкой, которую «целовать нельзя», всех ребят в девичьи платья и на шпильках, а девушек в строгие мужские костюмы», — продолжил он. Десятиклассники оживились. «А что с музыкой? Пластинки или запись?» — озадачились «обитатели посёлка». «Да, нет, вы хором споёте, выучив слова, это будет эффектно! А я подыграю на баяне», — подал идею Александр Иванович и сразу скомандовал: «Валера, носи баян из пионерской комнаты! Ты у нас будешь «молодой моряк». Ребята переглянулись, математика-баяниста они ещё не встречали. Дело пошло. На репетициях весь класс заливался смехом, глядя, как Игорь кокетничал с моряком.

Наступил день конкурсных выступлений. Класс за классом показывали своё мастерство восьмиклассники, девятиклассники. Особенно понравилась всем инсценировка 9-го «а» класса под песню «Уходили комсомольцы на гражданскую войну». Наконец объявили 10-й «б». Едва открылся занавес и зрители увидели девушек переодетыми кавалерами, а ребят в разноцветных платьях и платочках, на шпильках, изящно оттеняющих не всегда стройные волосатые ноги, как раздался хохот. Выступающие так вошли в роль, что Шевченко, раздвигая меха баяна, успел краем глаза заметить, как директор с завучем сползали от смеха со своих стульев.

Люда писала о зиме, о лыжах, о том, как готовилась и сдавала экзамены на сессии, но во всех строках Александр видел, как она скучает, а на предложение приехать в Рыбацкое

и забрать её, отписался, что лучше она летом приедет и они будут вместе. Впрочем сваливать на большую занятость можно, но крепкого желания жениться ещё он не испытывал в данный момент, может летом всё образуется. Незаметно подошли весенние каникулы, и пришло сообщение, что Нина Максимовна поправилась и с апреля выходит на работу. «Вот и закончился мой осенне-зимний марафон. И что дальше?» — подумал Шевченко. Дальше директор школы дала часы математики в двух четвёртых и в двух пятых классах. Как раз на каникулах уволился математик, годом раньше окончивший физико-математический факультет. Работа оказалась нисколько не легче, опять надо было завоёвывать авторитет в тоже непростой аудитории, да ещё добавились четыре стопки тетрадей, которые необходимо проверять по регламенту каждый день. Однако то, что директор относится к нему серьёзно и с уважением, как-то вдохновляло. Александру было интересно посмотреть, как работает Нина Максимовна, и он попросил у неё разрешения посетить урок. Первое, что он отметил, это темп урока. У неё он оказался выше. Причём, когда звенел звонок с предыдущего любого урока, а, допустим, 10-й «б» расходился на перемену, она тут же проскальзывала к доске и записывала два или три новых задания, или оставляла двух-трёх учеников писать на доске выполненное домашнее задание (если оно было сложным). Опаздывать на урок Нины Максимовны было просто нельзя. Со звонком на урок сразу отвечали два-три человека, получив за ответы две-три оценки, и дальше работа с классом. Таким образом, ни одной минуты потеряно не было, и даже после звонка с урока она успевала опросить у доски одного или двух учеников, пока не появлялся учитель следующего за математикой урока. Было чему поучиться, хотя Нина Максимовна не играла на баяне

и не пела, ясно, что уважали её за глубокие знания и умение их донести до учеников.

Весна подошла незаметно, и холодные, пасмурные дни уже не пугали, ведь тёплые и солнечные уже не за горами! Газеты, радио и телевидение стали много говорить о семнадцатом съезде комсомола, и особенно про какую-то огромную новостройку с названием БАМ (Байкало-Амурская магистраль). Заканчивался учебный год, и Шевченко ни разу не пожалел, что выбрал эту школу.

КИРПИЧИКИ

Как-то прихожу в школу совсем разбитый. Накануне был праздник, и мы вернулись из гостей поздно. Я совершенно не выспался, голова болела, мочи нет. Первый урок — пение в пятом классе. Сами понимаете, до пения ли тут?

Но делать нечего, урок есть урок. Мелькнула было мысль устроить прослушивание пластинок и отсидеться. Но ребята любили мои занятия и всегда ждали чего-то новенького, необычного, и, главное, любили петь.

Я, когда учился в школе, пение не любил, может быть, поэтому старался уроки сделать совершенно не похожими на те, что были в детстве.

И вот захожу в класс, ставлю на стол баян, кладу журнал, беру песенник и говорю: «Сегодня мы с вами разучим новую песню...» — и сделал паузу, чтобы открыть страницу с модной песней про строителей БАМа, которую я запланировал ранее.

Вдруг кто-то на задней парте сострил:

— Новую песню «Кирпичики»!

Все засмеялись. Не знаю, что меня дёрнуло, но я посмотрел в угол, откуда дали реплику и сказал:

— Совершенно правильно, «Кирпичики»! Запишем число и слова песни.

Класс удивлённо загудел, особенно вытаращил глаза Витька Косов, сидевший на последней парте у окна. Подхожу к доске и вывожу название «Кирпичики», а сам думаю: «А что же делать с авторами слов и музыки?»

Врать не будешь, признаваться, что пошутил, тоже не хотелось.

Вообще я большой охотник до экспромтов. А была, не была, пишу: «Слова народные, музыка народная», ставлю цифру I, означающую первый куплет, и чувствую себя как капитан команды КВН в конкурсе капитанов в далёкие студенческие годы, и далее продолжаю:

«Спал я ночью на печи»

(«Господи, что же я порю?» Но, чертёнок дёргал дальше за душу...)

«Упираясь в кирпичи!»

(«Голова не проходила, а ей ещё следовало что-то сочинять...»)

«Ага!»

«Встал с больною головой

Ох, как больно, Боже мой!»

Для буриме сойдёт, но ведь на одном куплете не остановишься и на следующем уроке не досочиняешь, такого настроения больше не будет. Вперёд! Пишу цифру II и далее:

«Слез я быстренько с печи»

(«Господи, рифму бы не потерять!»)

«Стукнув лоб об кирпичи»

(«Останавливаться нельзя ни на минуту, почувствуют подвох!»)

«Шишку я обмыл водой».

(«Ну, теперь спасительное!»)

«Ой, как больно, Боже мой!»

(«Только бы не иссякнуть, один ещё куплетик, и я спасён!»)

Вывожу цифру III, тру лоб от непроходящей боли:

«Шишка ноет — мочи нет»

(«Вот, тут, голубчик и сел! А дальше? Хотя, нет!»)

«Я в трамвай не взял билет!»

(«Ах, спасибо артисту-конферансье, который с ямочками на щеках стоял перед глазами и будто подсказывал спасительную фразу...»)

«Все глядели на мой вид»

(«Ну, ещё чуть-чуть!»)

«Думали, что инвалид!»

Всё! Ура! Пусть дописывают, а уж с музыкой мы что-нибудь придумаем. Не зря я когда-то мог часами наигрывать мелодии в любом темпе. Взяв баян, я пробежал пальцами по клавишам и быстро подобрал нехитрую мелодию на манер частушки. Такая лихорадочная деятельность меня преобразила. Боль ушла на задний план, я почувствовал себя довольно неплохо.

«Итак, слушаем музыку, — сказал я и проиграл куплет. — Теперь со словами... три-четыре...»

«Спал я ночью на печи»

Меня развеселила несусветная глупость песни и что удалась моя шутка, и что мои золотые ребята знают — я никогда и ни в чем не подводил до этого, поэтому у них не возникло даже сомнений. И уже с обычной энергией и энтузиазмом я пропел с ними все три куплета для закрепления.

Затем взял мел и подписал внизу доски:

«Посвящается 5 «а» классу»

Прозвенел звонок, я бодро вышел из класса. Следующий урок был в 5 «б». Едва я достиг двери, как меня встретила толпа пятиклашек:

— А нам вы тоже посвятите песню? — хором спросили они.

На что я сразу ответил, сгорая от стыда:

— Нет, у вас немного другая программа. С вами мы разучим модную песню про БАМ (Байкало-Амурская магистраль).

И, несмотря на разочарование детей, не уклонился от плана урока.

ЭКСПРОМТ

Медицинская комиссия в армии — лёгкое приседание по сравнению с фронтальной проверкой школы, во время которой каждый учитель чувствует себя словно просвеченным рентгеновскими лучами, когда оценивается не его физическое здоровье, а умственные способности и опыт работы. И необходимо выдержать этот двухнедельный (иногда более продолжительный) кошмарный марафон, когда двадцать четыре часа в сутки только и думаешь, как дать поинтереснее уроки, да чтобы методически они были на высоте, а дисциплина была идеальной у твоих чад, которым по барабану, как тебя оценит комиссия, ибо это вопрос конфиденциальный.

Проверка приходит внезапно, как сигнал боевой тревоги — уже на первый урок высаживается десант проверяющих, и ты не знаешь, на какие уроки и сколько «гостей» к тебе придут.

Я, молодой учитель математики, работающий третий год в школе, уже не боялся никаких проверок. Предмет свой любил, к урокам готовился серьёзно, с учениками контакт был нормальным.

Проверяющая пришла на первый же урок в 10-й «б». Тема урока «Тригонометрические функции». На доске уже красовались задания, графики, по бокам развешаны плакаты; проверенные, лучшие ученики бойко отвечали на вопросы. В середине урока я блеснул применением ТСО (технические средства обучения) — включил магнитофон с записью математического диктанта, и пять минут был слышен лишь

скрип шариковых ручек сосредоточившихся десятиклассников. Конец урока, домашнее задание, выставление оценок прошло безукоризненно, со словами «До следующего урока!» прозвенел звонок.

Проверяющая вышла из класса, я чувствовал себя прекрасно — вроде все получилось, и тут...

В аудиторию влетела Раиса Ивановна — учитель труда.

— Сергей Иванович! К вам сейчас в 7-й «а» на пение идёт заместитель директора института усовершенствования учителей Рыбакова Тамара Абрамовна с Юлией Всеволодовной (директором школы)!

По тому, как на третий этаж взлетела эта немолодая, тучная, но при этом очень обаятельная женщина, я понял, что коллеги за меня переживают. Тут в моей душе проснулся азарт мушкетерского экспромта. Я уже не слушал, как Раиса Ивановна тараторила о том, что директор пыталась отговорить Рыбакову идти ко мне на урок пения — ведь я учитель математики, а пение веду как бы временно, ввиду отсутствия специалиста, но проверяющая показала на расписание уроков и заявила, что имеет право проверять всё, что в расписании.

В голове мгновенно созрел план. Послав гонца за набором пластинок, лежащих на моем столе в учительской, я, прихватив магнитофон, пошёл за баяном в кабинет литературы, где накануне был музыкально-литературный вечер.

Перемена пролетела мгновенно, но к началу урока я был в классе со всеми пособиями, и семиклассники, привыкшие к моему требованию не опаздывать, уже стояли навьютяжку, когда со звоном в аудиторию вошли директор школы и Рыбакова.

С притворным вдохновенно-творческим выражением лица я движением руки усадил класс на места, будто не заметив двух инспекторов.

— Так, распелись быстренько: до — ре — ми — фа — соль — ля — си — до. Повторим два раза.

— Теперь последнюю разученную песню: «Зарю встречает поезд наш, летит в просторы светлые. Мы взяли в путь один багаж: свои мечты, свои мечты, мечты заветные...» («Дороги дальние», музыка Анатолия Новикова, слова Михаила Львовского)

Краем глаза я видел: ребятам понравилось то, что я не замечал проверяющих и общался с ними как всегда, только вот мой задор сегодня им передался моментально. Седьмой класс — это уже не малыши, а рослые ребята, некоторые были даже выше меня. Как стройные деревья, стояли рядами девчонки и мальчишки и вдохновенно пели все до одного.

— Достаточно! Теперь переходим к разучиванию новой песни.

Вдруг я вспомнил, как пионервожатая просила меня разучить с семиклассниками «Гимн демократической молодежи». Вот что надо! — пронеслось в голове, а не запланированную «Осеннюю песню». Слава, слава Богу, всё было в конспектах.

Подхожу к доске, пишу название и первый куплет. Прогрываю мелодию и негромко требую напеть:

«Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живём...»

Далее, как девятый вал, подходит эмоционально окрашенный припев:

«Эту песню запекает молодёжь,
Молодёжь, молодёжь.
Эту песню не задушишь, не убьёшь, не убьёшь.
Нам, молодым, вторит песней той
Весь шар земной»

Вижу, ребятам понравилась песня, и они с чувством подхватывают мелодию. Когда пропели всю песню, я вспомнил про магнитофон:

— А теперь собралось, споём и запишем новую песню!

Песня была исполнена и записана, я включил магнитофон, и класс при полной тишине прослушал её, затем началось бурное обсуждение. Были критические замечания, но не меньше и слов восхищения по поводу дружного пения.

— Вот видите, сколько надо работать над песней, — заключил я этот этап урока.

Смотрю на часы. Время как будто не движется — ещё 22 минуты до конца урока.

Лихорадочно соображаю: ведь просто петь подряд разученные песни — неинтересно для проверяющих, да и темп урока идёт высокий.

— Так, достали тетради, переходим к продолжению изучения нотной грамоты.

Дети не подали вида, что никогда на уроках пения никакой грамоты не изучали, но молча достали кто какие тетради, и на их лицах отразилась неподдельная заинтересованность.

Я вдохновенно рисую на доске знаки форте, фортиссимо, пиано, пианиссимо и т. д. Все записывают. Чувствую, долго нельзя, скучно будет. Смотрю на часы — прошло всего пять минут.

Стоп. Пластинки! Подхожу к проигрывателю, беру в руки пластинки, что принесла Раиса Ивановна, скоропалительно читаю названия и останавливаюсь почему-то на «Эй, ухнем!» в исполнении Фёдора Шаляпина.

— Итак, сегодня продолжим изучение русской классической музыки на примере народной песни «Эй, ухнем!»

Класс замер, наполовину огорошенный ещё одним новшеством, ведь за три месяца моего преподавания пения мы только пели песни. Зазвучал великолепный голос Шаляпина.

— А теперь ответьте на вопросы: О чём эта песня? Что вы знаете о жизни простого народа в те времена? Кто знает о певце — исполнителе этой песни? (*И тому подобное*)

Когда мои семиклассники дружно рассказали о великом певце Шаляпине, я увидел, что осталось четыре минуты до конца урока.

— Закончили обсуждать классическую музыку и закрепим новую песню.

Класс снова встал, дружно подхватил «Эту песню не задушишь, не убьёшь!», благо на доске были все слова песни, и тут повезло со звонком на последней ноте.

«Всё! — промелькнуло у меня в голове. — Если что, скажу, что только три месяца веду уроки пения и готов передать предмет в любые музыкальные руки».

Секретарь директора застала меня в учительской:

— Сергей Иванович, вас приглашают в кабинет директора.

Захожу, директор и Рыбакова улыбаются.

— Вы никогда не думали, Сергей Иванович, — говорит Рыбакова, — посвятить себя целиком преподаванию пения в школе? У вас прекрасно это получается. В школах области проблема с учителями пения, многие из них не владеют инструментом, не имеют высшего педагогического образования, уроки пения превращают в балаган. А у вас все поют, и поют с удовольствием, нет проблемы с дисциплиной. Вы просто прирожденный учитель пения. Я приглашаю вас на курсы учителей пения, которые пройдут через два месяца в институте усовершенствования учителей. Вам предложат новую

школьную программу Кабалевского, которую рекомендует Министерство просвещения.

Я был ошарашен. Вместо разноса и замечаний такая оценка! Мой экспромт посчитали за мастерство. Чего только не бывает. Хотя сознание того, что я не халтурил и искренне старался и научил детей нормально петь хорошие песни, позволяли мне сильно себя не ругать.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Олег шёл в школу как на каторгу, впрочем, значение этого слова он мог ещё и не знать, но три года мучений в первых классах дались ему нелегко. Его растерянность, медлительность во всём вызывала усмешки у ровесников, неприятие учительницы, а порой и издевательства одноклассников. А куда денешься, когда тебе десять лет и кроме четвёртого класса тебе ничего не светит в этой нелёгкой жизни?

День выдался солнечным, тёплым, по улице шли толпы школьников всех возрастов в парадных костюмах и платьях с букетами цветов. Первое сентября бодрило всю атмосферу города. Букет Олег не хотел брать, перед глазами стоял образ нелюбимой учительницы Веры Павловны, но мама уредила взять, объясняя, что он уже окончил начальную школу и больше не будет у неё учиться. А букет он подарит новой учительнице, которая будет ещё и классным руководителем в их классе. И зовут её Антонина Николаевна. «Ну, мам, ты прям, как разведчик, всё знаешь!» — успел произнести четвероклассник и помахал рукой маме, спешащей на работу.

Школа находилась неподалёку, и звуки барабанов и пионерского горна понемногу поднимали настроение Олега. Красиво одетая женщина спрашивала фамилии пришедших и показывала им, куда идти, хотя и так были видны таблички номеров классов. Вот и группа ребят у таблички 4 «б», состоящая целиком из их класса. Правда рядом стоял незнакомый молодой мужчина в тёмно-синем костюме и сразу

спросил: «Тебя зовут Олег Шайдаров?» — на что он ответил утвердительно. После торжественной линейки все разошлись по классам. Учительский стол завалили букетами, а стены в классе были увешаны какими-то таблицами, графиками, линейками, циркулями. Дети сели так, как сидели в третьем классе. Прозвенел звонок. Мужчина встал у доски и произнёс: «Здравствуйте дети! Меня зовут Владимир Николаевич. Я буду у вас классным руководителем, решать все ваши вопросы в школе и держать связь с вашими родителями. А ещё я буду вести у вас математику, и это будет ваш родной класс математики. Сейчас придёт ваша бывшая учительница Вера Павловна и коротко представит мне каждого из вас».

«Странно, а мама говорила про какую-то Антонину Николаевну», — продумал Олег. Тут в класс вошла Вера Павловна и начала представлять каждого ученика, проучившегося у неё предыдущие три года. Когда очередь дошла до Олега, она вдруг произнесла: «Неповоротный, медлительный, по математике полный балбес». Олег вдавил голову в плечи от обиды и невольно скорчил горестную гримасу. «Да, что у Вас за чёрный юмор? — рассмеялся Владимир Николаевич, — У нас не может даже произноситься это слово, Эдисона тоже называли балбесом, а человечество получило гениального изобретателя. А у нас впереди семь лет интереснейшей учёбы», — парировал математик и похлопал Шайдарова по плечу. Настала очередь покраснеть Вере Павловне, а у Олега расправились плечи, и он вздохнул полной грудью. Бывшая учительница начальных классов ушла задумчивой.

Потекли рабочие будни, но на первом же уроке математики учитель обратился к Шайдарову с вопросом. Олег медленно поднялся, сзади раздался приглушённый смешок. Владимир Николаевич спокойно посмотрел в сторону

смеющегося. Затем сказал отвечающему: «Олег, представь себе весь вопрос, материал вы проходили в третьем классе, спокойно взвесь всё и ответь». И Олег ответил! Учитель не торопил, ребята не смеялись, и он выдал верный ответ. Так стало повторяться и на следующих уроках. Более того Владимир Николаевич переговорил со всеми предметниками, кто вёл уроки в 4-м «б». И учителя закрепили индивидуальный подход к Олегу. Конкретным подтверждением нормальных способностей ученика стала контрольная работа по итогам четверти. За весь урок Шайдаров выполнил лишь половину заданий, но правильно, грамотно и хорошим почерком, просто с его медлительностью надо считаться и дать время на точный ответ. Хотелось бы надеяться, что за последующие семь лет Олег разовьёт свои способности. Он уже перестал получать двойки как в начальной школе, а тройки у него были самыми заслуженными и надёжными. Класс повернулся к нему лицом и принял в свои заботы и развлечения.

Как-то в третьей четверти Владимир Николаевич вызвал Олега к доске, дал решать довольно непростую задачу. Не быстро, но довольно уверенно ученик справился с решением, стукнув мелом на последней точке. Учителю ничего не оставалось делать, как объявить о четвёрке. Радости Шайдарова не было предела. На следующий день математика позвали в учительскую. Ещё в коридоре Владимир Николаевич увидел через распахнутую дверь улыбающуюся посетительницу, беседующую с завучем школы. «Знакомьтесь, это мама Олега Шайдарова — Людмила Петровна» — обратилась к нему заведующая учебной частью. — Оказывается, мы учились в первой школе в параллельных классах и даже участвовали в театральных постановках. Целых три года сын проучил-

ся в нашей школе, и мы ни разу не виделись. Ну, я пошла на урок, а вы побеседуйте».

«Здравствуйте Владимир Николаевич! Я пришла именно к Вам. И в школу я не ходила с третьего класса, когда устала слушать какой трудный у меня ребёнок». На глаза мамы Олега навернулись слёзы: «С началом учёбы в четвёртом классе Олег стал меняться. Стала исчезать заботность, нерешительность, перестал тайком плакать. Много рассказывал про Вас, классного руководителя, про уроки математики». Учитель предложил ей сесть и повесил пальто на оказавшуюся рядом вешалку. «А вчера я вернулась к нормальной, даже счастливой жизни — продолжила Людмила Петровна. — Жду сына на обед, вдруг распахивается дверь, влетает раскрасневшийся Олег, срывает шапку с головы, скидывает на стул пальто, швыряет портфель в дальний угол комнаты и громко объявляет: «Мамка! Я четвёрку получил по математике! Я — победитель!». Теперь уже не скрывала счастливых слёз мама Победителя.

«ИЗВИНИТЕ НАС...»

Сергей Иванович заметил эту девочку сразу, как впервые вошёл в класс. Вернее не девочку, а совершенно взрослую девушку, только одетую в школьную форму. Весь ее вид говорил о глубоком презрении к учёбе и то, что она сидела в этой форме и за школьной партой, было чрезвычайным одолжением, и это бремя было нести нелегко, но необходимо.

Девушку звали Нина, как выяснилось из знакомства с классом, и тут же Нина поинтересовалась полным голосом, сколько лет Сергею Ивановичу и женат ли он? Во время урока бросилось в глаза, что у Нины даже нет тетрадки на парте, и она, совершенно не слушая урок, спокойно обтачивала маникюрной пилочкой длинный ноготь мизинца. Нина увидела, что Сергей Иванович заметил её кропотливые труды, и с вызовом смотрела ему в глаза, машинально водя пилочкой.

Вся её поза выражала готовность ответить на любое замечание или даже крик, что нередко она слышала от учителей. Но Сергей Иванович не подал вида, что заметил лишнее на уроке, и спокойно объявил о новой теме. Записав на доске тему, он повернулся к классу и скользнул взглядом по лицу Нины, на котором была написана некоторая растерянность.

Спросив, все ли успели записать название темы, он прошёл по ряду, где сидела Нина, и встал у последней парты. Возникла пауза, так как все давно записали тему и повернули головы к учителю. Все увидели, что Сергей Иванович смотрит на угол Нининой парты, где не было тетради.

Нине стало не по себе. Если бы Сергей Иванович сделал замечание или хотя бы выразительно посмотрел на неё, она знала, что делать, а тут вдруг весь класс на мгновение усталвился на пустую парту и на неё. Нина смутилась, и руки её машинально полезли в парту, где лежала полупустая модная сумка.

Она обернулась к Сергею Ивановичу, но тот невозмутимо шёл к доске со словами «Запишем уравнение...» — и, написав быстро уравнение, когда весь класс ещё успел записать половину длинного математического выражения, тут же подошёл к Нине, которая наклонилась и что-то искала в своей сумке, прошептав на ухо: «Нина, не спеши, я подожду, когда ты запишешь», — отчего Нина покраснела. И вернулся к доске.

Не глядя на Нину, опять обратился к классу: «Все успели записать?» — и глядя на первые парты в другом ряду, он заметил краем глаза, что Нина что-то стала писать. Повторив уравнение, читая его в тетради ученика на первой парте, Сергей Иванович стал объяснять новую тему, обращаясь к классу и поднимая учеников, сидящих рядом с Ниной, будто бы её совсем не замечая. Хотя заметил, что она стала писать и слушать его.

Наконец, на самом простом вопросе о равенстве двух частей уравнения, он обратился к Нине: «Нина, если при проверке уравнения мы получили верное равенство, то...»

Нина обалдело смотрела на Сергея Ивановича и открыла рот, чтобы сказать, как всегда «не знаю», Сергей Иванович опередил: «Правильно, Нина! Уравнение имеет единственное решение», — и махнул рукой, чтобы она садилась.

На перемене мимо Сергея Ивановича, стоящего в коридоре с учителем физкультуры, раза два прошла Нина с какой-то девочкой из другого класса, по виду похожей больше на маль-

чишку, далеко не примерного поведения. Они о чём-то оживлённо беседовали, причём подружка Нины с интересом несколько раз оглядела Сергея Ивановича с ног до головы.

На следующий день, войдя в класс, Сергей Иванович увидел на столе Нины общую тетрадь, сразу вызвал её решать уравнение на доске. Класс замер, так как не помнил, чтобы Нина решала что-то у доски, но она пошла и стала записывать под диктовку пример.

Сергей Иванович так тонко и деликатно задавал наводящие вопросы, что Нина даже удивилась, когда уравнение было решено.

На перемене Сергей Иванович услышал под лестницей какие-то всхлипывания. Спустившись, он увидел, сидящих на школьном столе Нину и вчерашнюю девушку с мальчишеской стрижкой, которая плакала, уткнувшись в Нинино плечо. Увидев его, девушка быстро вытерла слёзы, и они хотели уйти, но Сергей Иванович сумел их удержать и разговорить на темы их школьной жизни.

Девушку звали Надей, она училась в восьмом классе и стояла на учёте в милиции. А плакала из-за обиды, что какое-то происшествие в классе списали на неё, дескать, всё равно она отпетая, больше некому. Как мог, Сергей Иванович успокоил девушек и пошёл на урок.

Вечер того дня выдался тихим и морозным. Сергей Иванович решил пойти на каток, на который так любил ходить раньше и в армии мечтал об этом дне, когда по искрящемуся льду под музыку он будет совершать круги на любимом с детства стадионе «Динамо».

Судя по звукам из динамика, репертуар музыки обновился, значит с многолетними заезженными пластинками с «Катариной», «Пингвинами» и другими популярными пес-

нями почти десятилетней давности покончено. Звучали новые мелодии. Сергей Иванович впервые взял коньки напрокат, так как свои он после несколько лет перерыва даже не стал искать.

Изменились не только мелодии. Раньше, когда был за-всегдаем катка, он знал в лицо почти каждого, даже шпану, которая любила доставлять немало хлопот дружинникам и де-вушкам, приходящим на каток без мужской защиты. Теперь вокруг катались совершенно незнакомые люди.

«Сергей Иванович, и Вы здесь!» — услышал он сбоку. К нему приближались две розовощёкие девушки в облегаю-щих спортивных костюмах, он не сразу узнал Нину с Надей.

«Добрый вечер, я очень люблю каток», — ответил учи-тель и взял под руки обеих девушек. «А вот вас я не думал здесь увидеть, ведь каток выходит из моды у молодёжи», — продолжал он разговор, и они втроем покатались по кругу.

Девушки были польщены такой простотой общения учи-теля с ними, но не успели проехать и половину круга, как увидели группу ребят без коньков, идущих им наперерез.

«Это что за хахаль объявился?» — спросил один в вален-ках и выругался матом. Девушки в ответ на выходку быстро высвободили свои руки от рук Сергея Ивановича и, букваль-но схватив в охапку первых двоих, зашипев какие-то слова, потащили всю группу в угол стадиона.

Сергею Ивановичу ничего не оставалось, как дальше де-лать круги в одиночестве, ибо он увидел, что девушкам этим не только ничего не угрожает, но и ребята сразу сбросили пыл и поплелись вслед за ними с виновато опущенными головами.

Наконец, через несколько минут вся ватага снова дви-нулась навстречу Сергею Ивановичу. Он остановился. Пе-реминаясь с ноги на ногу, паренёк в валенках проямлил: «Извините нас, мы не знали, что Вы их учитель». На что

Сергей Иванович с улыбкой сказал: «А что, мужики, если бы не был учителем, то можно незнакомым хамить как угодно? Ну, ладно, будем считать это досадным недоразумением», — добавил он и, взяв под руки Нину и Надю, продолжил катание. Не менять же программу вечера!

ИСПУГАЛ

На уроке эти ребята ничего не могли решить самостоятельно. Слишком слаба была подготовка в предыдущих классах. Я чувствовал, что они палец о палец не ударят для работы над домашним заданием ни по одному предмету. Тщетно пытался выкроить время зайти к ним домой, но за первый месяц работы в этом классе его, увы, не нашлось. Чуть успокаивала мысль: «Это, дескать, не мой класс, пусть волнуется классный руководитель».

На уроке Жилкин и Мотин всё добросовестно записывали, особенно после того, как я Кудряшкина поставил на место, а Кудряшкина они уважали. Но записи эти были смехотворны, ибо они молниеносно списывали, не вдумываясь в смысл математических символов. Там, где надо было писать выражение в степени, они просто писали произведение, а уж запятые в десятичных дробях ставили просто куда придётся. Так же обстояло дело и с домашними заданиями, которые, видать, они добросовестно списывали за пять минут до начала урока математики.

Однажды я шёл к моему приятелю в десятом часу вечера занести книгу. Двери в подъезде были открыты. На ногах у меня были туфли на какой-то мягкой подошве, так что я бесшумно оказался в дверях, где передо мной сидело на корточках несколько ребят, и все глядели на одного, который что-то, казалось, крутил в руках.

В следующее мгновение, сидевший у меня под ногами, заметив меня, отодвинулся в сторону. Чиркнула спичка в ру-

ках у центрального, а я уже успел узнать Жилкина и Мотина, который чуть-чуть отодвинулся. И вдруг у Жилкина загорелся ярким цветом палец, который он стал быстро вращать перед моим носом со свирепым лицом, думая, что перед ним Мотин. Но вместо испуганного лица Мотина он вдруг увидел неподвижное спокойное моё лицо. И тут его лицо из свирепого стало мгновенно превращаться в насмерть перепуганное. Сделав по инерции ещё одно круговое движение пальцем, Жилкин сунул его под мышку и остался стоять в испуге, во все глаза глядя на меня.

Никто не шелохнулся, все теперь стояли вокруг Жилкина. «Неплохо! — произнёс я — Хорошо бы так виртуозно ты решал задачи по математике», — и, обойдя его, стал подниматься по лестнице.

Весь следующий день Жилкин ждал нахлобучки за шалости с огнём и бензином, которым он облил палец, чтобы сделать живой факел. Но ему ничего не сказал ни классный руководитель, ни директор, ни я, когда пришёл черёд урока математики.

Просто я понял по его взгляду, что если буря его пронесёт, то нам значительно легче повернуться к серьёзному изучению предмета, и с дополнительных занятий он уже не сбежит.

ОЧЕРКИ

РАДИ ТУРГЕНЕВА

Посвящается
Альберту Петровичу Иванову

Август 1968 года, юбилей Ивана Сергеевича Тургенева неумолимо приближался. Орёл погрузился в подготовительные мероприятия. Художественные коллективы репетировали концертные номера, театр штудировал пьесы великого орловца, художники с любовью оформляли картины на юбилейные выставки, коммунальщики трепетно изыскивали все резервы для праздничного убранства города. Ранняя осень радовала сочностью красок природы и солнечной погодой.

Финальным аккордом празднеств должно было быть открытие памятника И. С. Тургеневу на берегу Оки у городского сада, где, по легенде, юный Тургенев мог любоваться любимым городом. Макет всем понравился, скульптор занимался изготовлением бронзового оригинала.

А первый секретарь горкома партии не знал покоя. Мало того, что не успели воссоздать усадьбу Тургеневых в Спасском-Лутовинове, и пришлось срочно заменить директора Тургеневского музея, так ещё возникла проблема с чёрным гранитом постамента для памятника. Ценный камень должны были поставить из Украины ещё летом, но оказалось, что карьер не успевает добывать и обрабатывать гранит, а заявок со всей страны хоть отбавляй. Самые хозяйственные руководители уже готовятся к 25-летию Победы и 100-летию

со дня рождения Ленина. Таким образом, очередь Орла переносилась, аж, на 1970 год!

Первый секретарь горкома решил лично поехать на комбинат и подтолкнуть решение вопроса.

Советская Украина поражала жителей центра России солнечным теплом, уютом, богатством урожая фруктов и овощей и, конечно же, традиционным гостеприимством и хлебосольством. Однако орловскому руководителю было не до красот вокруг, ведь таймер неумолимо приближал дату открытия памятника.

Директор камнеобрабатывающего комбината был в возрасте и давно успел понять свою исключительность. Все пятнадцать республик СССР нуждались в хорошем чёрном граните, и в приёмной простого, казалось бы, предприятия, толпились в очереди не только солидные руководители, но и звёзды литературы, кино, эстрады и театра.

Директор любил литературу и искусство, часто приглашал на выступления перед своим коллективом известных деятелей культуры и не скупился на оплату. Вот и сегодня в приёмную, где сидел наш первый с двумя посетителями, шумно вошла группа известных украинских писателей из Киева. Секретарша с распахнутыми объятиями встречала многих, очевидно, не первый раз выступавших, и пошла, доложить об их прибытии директору.

И тут орловца дёрнуло поприветствовать мэтров литературы и пригласить их в Орёл на 150-летие И.С. Тургенева. Внимание писателей переключилось на гостя:

— А Вы, тут, какими судьбами? — спросил представитель группы.

— Да вот, камень на памятник Тургеневу не дают к юбилею, — промолвил Первый, — очередь, говорят, большая.

— Камень для памятника Тургеневу? — эхом пронеслось у писателей.

В это время секретарша распахнула двери кабинета директора: «Проходите, товарищи!»

— Пойдём с нами! — скомандовал представитель писателей гостю.

— Пётр Алексеевич! Здравствуйте! Мы у Вас в приёмной встретили хозяина города Орла. Там в ноябре празднуют 150-летие великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Готов бронзовый памятник на радость всему читающему миру, а камня под памятник в этом году не светит. Так вот! Мы, украинские писатели, торжественно объявляем, что письменно отказываемся от всех своих посмертных памятных мемориальных досок, бюстов, памятников в пользу Ивана Сергеевича, только дайте камень и сейчас Орлу!

Мимику на лице директора не смог бы изобразить, наверное, ни один художник.

Но 4 ноября 1968 года в Орле был торжественно открыт памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу.

О ТОМ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ ВАСИЛИЙ КАТАНОВ...

(Историческая юмореска)

Наш край славен не только рождением великих писателей. Вряд ли есть на провинциальной Руси ещё одна такая местность, где бы жило и, слава Богу, здравствовало такое ожерелье великолепных краеведов.

Виталий Сидоров, Владимир Власов, Виктор Ливцов, Александр Венедиктов...

Звездой первой величины сияет среди этих достославных имён имя Василия Катанова. Уверяю Вас, нет ничего про Орловский край такого, чего бы не знал Василий Катанов.

Несколько раз бывало при мне, как некоторые досужие доки пытались сообщить Василию Катанову нечто об Орловском крае такое, что бы явилось для него новостью.

С чисто русской деликатной терпеливостью Василий Катанов выслушивал это сообщение, выслушивал до конца, а потом в ответ приводил к сведению сообщателя такие подробности сообщенного им факта, о которых тот и понятия не имел.

Подвигло меня к перу как раз желание поведать нашим читателям факт, о котором наши краеведы, даже сам Василий Катанов, смею думать, не знают.

Не могли знать, потому что об этом мало кто знал. А те, кто знал, предпочитали помалкивать, ибо пускаться в разговоры об этом было не принято.

На сверкающем полировкой столике, плотно придвинутом к подоконнику, в кабинете первого секретаря орловского обкома партии, расположился макет.

Макет изображал будущую центральную площадь Орла, ту самую, поныне зовётся площадью имени Ленина, по которой с удовольствием и достоинством прохаживаются нынешние орловцы.

А в те дни, о которых идёт речь, на месте этой ныне красивой, просторной площади тархтели трамваи, гудели автомобили, сновали полчища делового, спешащего люда.

Площади не было, была безалаберная, шумная, грязная улица... Площадь изображена на макете, вокруг которого степенно стояли члены бюро Орловского обкома, тогдашнего высшего ареопага, в их руках была сосредоточена верховная орловская власть.

Члены бюро стояли вокруг макета в строгом порядке. Каждый чётко знал свое место.

Доминировал, разумеется, человек, за глаза его коротко именовали «Первый», «Сам», «Хозяин», «Отец». А в глаза называли по-сыновьи: Фёдор Степанович.

Был он массивен, сед, величав и молчалив.

Он вдумчиво рассматривал макет и медленно переводил взгляд на то место за окном, где этот макет должен был найти воплощение.

Разница между красивым макетом и безобразием, которое простиралось за окном, была настолько разительная, что это вносило в душу полное успокоение.

Трезво и твёрдо можно было поручиться, что беспорядок, сутолока, транспортно-человеческое месиво за окном преобразуется в прекрасную, тихую, безтранспортную площадь не раньше чем через сто лет.

Эта очевидность внушила Первому хорошее отношение к макету.

Макет был утверждён.

Все члены дружно поздравили инициатора идеи и проекта создания площади, самого молодого среди властного ареопага — первого секретаря горкома партии Альберта Петровича Иванова.

Этот человек разительно отличался от остальных присутствующих. И не только молодостью. Если все другие члены бюро были монументальны и как бы марионеточны, то Альберт Петрович был живой, непосредственный, с весёлым, озорным блеском в глазах.

Он часто заставлял морщиться, но его терпели.

Он нужен был Первому, потому что был талантливый специалист-строитель. А строили в ту пору много, вся страна была стройкой, и наш город, и область тоже.

Серьёзным недостатком Альберта Иванова в глазах Первого была чрезмерная решительность в осуществлении идей. А от идей светлую голову Альберта Иванова прямо распирало.

Когда он входил в кабинет к Первому, тот пугался: «Опять с идеей пришёл!»

И после ухода Альберта Иванова долго приходил в себя.

Но всё же терпел. На съеденье не отдавал и даже продвигал.

Имело значение и то, что в ЦК партии знали Альберта Иванова. Знали, что в области строительства — это голова.

И даже однажды дали орден за блестяще организованную стройку.

«Он нам нужен, как дрожжи, — думалось Первому. — Тесто замешивать из него опасно, от таких всего ожидать можно, а для встряски-будоражки нужен...». Недаром, недаром опасался Первый Альберта Иванова.

Первый проживал в доме напротив обкома и с работы и на работу хаживал пешком.

Когда он выходил из обкома, милиционер-охранник звонил другому милиционеру-охраннику, который располагался в подъезде:

— Вышел.

А когда Первый скрывался в квартире, милиционер-охранник из подъезда докладывал в обком:

— Пришёл.

Первого сторожили, так было положено.

Пересекая трамвайные пути и наблюдая людское столпотворение, Первый мечтательно вспомнил макет будущей площади и вдруг с сожалением подумал, что до того, когда макет превратится в площадь, он, разумеется, не доживёт...

Но сожаление это мигом прошло, когда Первый представил себе, какая будет изнурительная суета и вселенский переполох при создании площади...

Котлованы, стройматериалы, гравий, песок, асфальт...
Экскаваторы, бульдозеры, катки...

Всё будет разворочено, разбито. Воздух пропитается соляркой, битумом...

«И, как говорится, слава Богу, что я до этой канители не доживу», — облегчённо подумал Первый и заснул.

Но он все же недооценил Альберта Иванова.

Тот по природе своей не походил на дрожжи.

Это был динамит.

Вернувшись с утверждённым макетом к себе в горком партии, он скомандовал строителям аврал. Под прикрытием темноты на площадь были стянуты сотни самых квалифицированных строителей, мощная строительная техника и стройматериалы.

По чётко и заранее продуманному графику началась работа.

Убраны были трамвайные рельсы, различные убогие строения и будки. Пространство перед обкомом партии было очищено, выровнено, утрамбовано и заасфальтировано. Площадь была облицована гранитом. Высажены ели, разбиты клумбы.

Альберт Иванов руководил сооружением площади, как маршал Жуков сражением.

Как маршал Жуков, он превосходно разбирался в профессиональных и человеческих качествах своих подчиненных. И они действовали самостоятельно.

К утру всё было сделано. Родилась площадь, которую мы сейчас видим и которой любимся.

Строители облизали площадь, убрали технику и ушли спать.

Ушёл спать и Альберт Иванов.

Дело было сделано, оставалось ждать последствий.

«Самоволки не было. Макет был утверждён», — успокоил он себя.

Но последствий, конечно, не могло не быть.

Революционных скачков Первый не выносил...

Фёдор Степанович проснулся, как всегда, рано. Сказывалась деревенская привычка. Попил чаю и вышел на лестницу.

Сторожевой милиционер вытянулся и поздравил с добрым утром. Федор Степанович поздоровался с ним за руку и спустился вниз.

Милиционер доложил в трубку:

— Вышел.

На улице сверкало солнце, ярко синело свежее небо,плыли белым-белые облака. На душе Первого было благостно и тихо. Он сделал несколько шагов по направлению к обко-

му — и ноги его отказались дальше идти. Федор Степанович перестал соображать, где он находится. В какой стороне, в каком городе... Перед ним маячило видение, мираж, сильно напоминающий вчерашний макет. Он крепко зажмурился, энергично распахнул веки — мираж не исчезал.

Фёдор Степанович протёр глаза, достал из кармана и надел очки. Мираж оказался явным. Вместо грязной, трамвайно-автомобильной улицы перед Первым простиралась новенькая, чистая, прекрасная площадь. «А может, у меня того? Склеротическое явление?» — подумалось Первому.

Как человек сугубо основательный, он решил в этом убедиться.

Вернулся в подъезд и посмотрел на милиционера.

Тот вытянулся, как всегда, по стойке «Смирно» и предупредительно спросил:

— Вызвать машину?

Фёдор Степанович продолжительно посмотрел на него и, махнув рукой, сказал:

— Не надо.

Повернулся и вновь вышел на площадь. Милиционер снова доложил в трубку:

— Возвращался. От машины отказался. Снова вышел.

Фёдор Степанович оглядывал площадь и в душе его закипело раздражение, потом гнев, потом ярость.

Отчего он не знал.

У него было ощущение, что кто-то из-под его ног вытащил твердую дорогу и заставил идти по болоту, прыгая по мшистым кочкам и раскачиваясь среди топи...

Он взглянул на горком партии и подумал:

«Ну, стервец, погоди... Зарвался! Закину в прорабы, никакой ЦК не поможет!»

— Ты никак из начальства? — услышал он голос старушки, которая стояла рядом и тоже, разинув рот, оглядывала площадь.

— Это вы ладно учинили, — не дожидаясь ответа, продолжала она. — Слава Пресвятой Богородице, что привелось до смерти такую красоту увидеть. Дай вам Бог здоровья и успехов в руках и делах!

Старушка низко, в пояс поклонилась Фёдору Степановичу.

С лёгкой её руки около Первого мгновенно образовалась толпа прохожих. Слышалось искреннее, единодушное одобрение и благодарность.

— Вот так бы всегда о людях заботились! — по-доброму гудела толпа.

— Спасибо, Фёдор Степанович!

— Дай Бог тебе здоровья, родной!

— Сердечный ты человек!

— Оттого, видать, и поседел, что за людей стараешься!

— Подольше сиди наверху, не покидай нас!

— А его не отпустим. До Москвы дойдём!

— Какую красоту в городе соорудил! Его не только мы, его наши внуки и правнуки будут помнить!

— Спасибо.

Окружённый восторженной толпой, Фёдор Степанович проследовал в обком.

В приёмной его ожидали все члены бюро. Кроме Альберта Иванова.

Лица у всех были строгие, бледные, возмущённо-обиженные.

Все приготовились к расправе над политическим хулиганом.

К Фёдору Степановичу подпорхнул гладкий помощник.

— Я вызывал Иванова. Он спит. Сказал жене, чтоб не будили.

Члены злобно зашипели:

— Бандит!

— Самоуправец!

— Надо за ним милицейский наряд послать!

Помощник спросил:

— Приказать разбудить?

Фёдор Степанович ответил:

— Зачем будить? Пусть отоспится. Мы ночью спали, а он работал. Результативно. Вот если бы все наши решения так быстро и качественно претворялись в жизнь, у нас бы давно коммунизм наступил... А вам, уважаемые члены бюро, надо поучиться у Иванова заботиться о народе. Пойдите на площадь, послушайте...

И Фёдор Степанович скрылся в кабинете.

Члены бюро кинулись к телефонам поздравить жену Альберта Иванова.

А Альберт Иванов спал.

Есть свидетельства, что после сражений полководцы тоже спали.

Но, уж, это то для Василия Катанова, конечно, не в новост...

КОМЕТА СИЛАЕВА

Когда орловский поэт Геннадий Попов принёс рукопись новой книги «Степень свободы», он заявил, что оформление книги сделает его знакомый художник Николай Силаев. Как молодой издатель, я старался придерживаться традиции — доверять художественное оформление книг типографским художникам, знающим возможности своей полиграфической базы и не создающих проблем обеим сторонам.

Оформление книги Попова завораживало своей необычностью. Переплетались фантазии, размышления поэта и художника в удивительных рисунках. Особенно насторожили очень конкретные требования художника к исполнению оформтов при печати. Типография сделала что могла, но не удовлетворила художника, хотя оформление всем понравилось. Так мы познакомились с Николаем Яковлевичем Силаевым в теперь уже далёком 1993 году. Мне понравилось сотрудничать с высокопрофессиональными художниками, которые стремятся в малоформатную книгу внести свой взгляд на произведение писателя, да ещё обрадовать его своими находками.

Красоту оформления книг, выполненных Силаевым, оценили на международных книжных выставках-ярмарках в Москве, Санкт-Петербурге, Франкфурте-на-Майне, Париже, Женеве, Пекине, Дели, Мадриде, Турине, Нью-Йорке, Лондоне и других. Это книги Ивана Рыжова «Встреча», «Позднее свидание», «Проза жизни»; Виктора Дронникова «Под знаком Орла»; Ирины Семёновой «Свирель»; Владимира Переверзева «Паломничество в пустыню»; Владимира Ермакова «Созер-

цание руин» и другие. Запомнились слова известного слависта Рене Герра на Парижской книжной ярмарке в 2004 году: «Ваши книги не уступают по оформлению никаким современным издательствам, и то, что из всех представленных 24-х российских издательств регионы представляет только Орёл, это прорыв и презентация самого литературного края России».

Самое главное, что книги — лишь небольшая часть огромного творчества Николая Силаева. Его слава как талантливого живописца известна далеко за пределами Орла и России. Удивительно, но при этом он — скромнейший человек в быту, доброжелательный и общительный, что никто со стороны не подумает, что перед ним ярчайший талант. А, глядя на его картины чувствуешь утренний туман, свежесть ветра, пение птиц, утомлённость труженика, волнующую красоту девушек, пыль и заброшенность старых развалин, резвость и лихость несущихся лошадей...

Как жаль, что мы не успели осуществить проект «Три орловских грации». Нашли трёх красавиц и обговорили дни натуральных зарисовок, как одна из девушек проговорила с женой и тот, под страхом размолвки, не одобрил её планов. Также был проект издания подарочного четырёхтомника великих писателей Орла — Тургенева, Лескова, Бунина, Фета с иллюстрациями известных художников Орловского края: Николая Силаева, Анатолия Костяникова, Гиви Колмахелидзе, Александра Кузнецова. Тургеневский том был готов иллюстрировать Николай Яковлевич. Подарок был бы посильнее Тульского самовара. Однако жизнь повернула по-своему. Мы только успели полюбоваться как красивая комета «Николай Силаев» пролетела над нашей планетой и... Нет! Не исчезла в космосе, а оставила нам богатейшее наследие выдающегося художника России.

НА ГЛАВНУЮ ОРБИТУ

Осень 1983 года. В Орловском драматическом театре имени И. С. Тургенева проходит юбилейный творческий вечер главного режиссёра театра, заслуженного деятеля искусств РСФСР, драматурга, писателя Леонида Юрьевича Моисеева. За плечами 50 лет яркой, насыщенной жизни и творчества. Цветы, поздравления коллег, начальства, поклонников творчества, аплодисменты. Одна из поздравляющих, профессор литературы даже два раза оговорилась, назвав юбиляра Леонидом Ильичом, чьё имя в то время было на слуху во всём СССР. Сам именинник во фраке, сияющий от праздничного волнения и тёплого приёма полного зала гостей, не успевал благодарить и совершать поклоны.

За плечами Московское Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, высшие режиссёрские курсы, работа актёром, режиссёром, режиссёром телевидения, главным режиссёром в городах Алма-Ата, Норильск, Курск, Белгород, Пермь и, наконец, с 1978 года — Орёл. Поставлено около 200 спектаклей. Такие как «Гребёж» Н. Лескова, «Стакан воды» Э. Скриба, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Школа злословия» Р. Шеридана много лет радуют зрителей Орловского края, а также Украины, Кавказа, Мурманска. Казалось бы достаточно. Однако само собой родилось желание писать. Вышли в свет пьесы «Иней на стогах» (поставлена в 23 театрах), «Багряный бор» (в 20 театрах и в Болгарии), «Ранние трамваи», «Утро для тебя», «Колокол громкого боя», «Её личная

жизнь». Пьеса «Правда сердца» отмечена премией Союза писателей СССР. С 1977 г. член Союза писателей СССР, в 1981 г. присвоено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

В 1987 году Леонид Юрьевич покидает театр и занимается писательской деятельностью, часто выступает в различных организациях по линии Бюро пропаганды художественной литературы, работает над сборником юмористических рассказов, составляет книгу мозаики русского юмора «Осколки». В те времена все выступления писателей оплачивались, что помогало содержать жену-актрису и двоих детей. В 1989 году Орловские писатели избирают Моисеева ответственным секретарём областной писательской организации, и привычная их творческая жизнь начинает меняться. Новый секретарь имел большой опыт работы как с обычными людьми, так и с должностными лицами. Стали лучше решаться бытовые вопросы с жильём, телефонами, путевками в санатории и дома отдыха. Атмосфера среди писателей стала более тёплой и дружелюбной, сделан ремонт уютного дома писателей. В это время в стране происходят невиданные перемены. Как грибы растут кооперативы, малые предприятия, зазвучали слова «самоокупаемость», «прибыль», «спонсоры». Одновременно типографии приостановили выпуск плановых изданий, не получив достаточно средств и бумаги. Писатели, которые ждали выхода книг, получили вместо отпечатанных книг только вёрстки. Уже в начале 1990 года Леонид Юрьевич добивается разрешения в обкоме КПСС выпускать литературную газету, дав ей название «Вешние воды», и в марте 1990 года выходит первый номер! Разрешения добились, а средств никто не дал. Ответственному секретарю, теперь главному редактору, удалось заполучить немного средств от друзей-спонсоров, их хватило на четыре номера, а пятый уже печатался в долг.

И всё же это был праздник! Писатели впервые печатали то, о чём они мечтали и что хотели, хотя кроме радости появились ответственность и риск быть под прицелом читателей. Реальность показала, что продажи газет не дадут возможности платить зарплату и гонорары, и Моисеев решает создать издательство. Кто потянет все организационные и хозяйственные вопросы?

Леонид Юрьевич обратился ко мне, своему бывшему директору театра, с которым проработал пять лет и не терял связи ни на один день. Писатели меня знали и единогласно проголосовали за создание Малого предприятия «Издательство «Вешние воды», утвердив меня директором. Так 27 сентября 1990 года, решением Заводского райисполкома города Орла родилось издательство «Вешние воды с директором А.И. Лысенко, главным редактором Л.Ю. Моисеевым. В Орле издательства не было с 1964 года.

Мы возродили выпуск газеты «Вешние воды», организовали подписку через почту на 1991 год и продажу в киосках «Союзпечать». Подписчиков оказалась тысяча. В ноябре 1990 г. состоялся последний съезд Союза писателей РСФСР, на который мы привезли 500 экземпляров только что вышедшего номера газеты к 120-летию И. А. Бунина и оставили в фойе. В конце перерыва на этом месте лежало 500 монет по 20 копеек. Появились первые издания книг орловских писателей В. М. Катанова, И. А. Рыжова, В. П. Дронникова, Г. А. Попова, В. Г. Ерёмкина, Ю. А. Оноприенко.

В апреле 1993 года главой Орловской области стал Егор Семёнович Строев, и внимание власти к писателям повернулось в лучшую сторону. От хождений по спонсорам перешли к ежегодному бюджетному финансированию в скромных, но твёрдых размерах. Летом 1994 года состоялся съезд Союза

писателей России, где Председателем стал Валерий Николаевич Ганичев, главный редактор популярного журнала «Роман-газета», и он вдруг разглядел, что в Орловской области кипит литературная жизнь, в отличие от многих областей. Выходит своя литературная газета, издаются книги, работает Бюро пропаганды литературы. И Председатель решает повернуть политику Союза лицом к провинции. Он предлагает Леониду Юрьевичу провести в Москве в здании Союза писателей России встречу с орловскими писателями в виде литературной горницы, и вскоре после съезда двенадцать писателей вошли в знаменитый Круглый зал, где на стенде красовались книги орловцев, вышедшие в «Вешних водах».

Встретиться с коллегами из Орла пришли самые именитые писатели России — Сергей Михалков, Валентин Распутин, Пётр Проскурин, Михаил Алексеев, Игорь Ляпин, Валентин Сорокин, Валерий Ганичев, Владимир Гусев и другие. Леонид Юрьевич представил всю нашу делегацию и каждому дал слово. Надо было видеть, с каким интересом маститые писатели слушали коллег из Орла! Сергей Михалков даже два раза воскликнул: «Да ведь это настоящая поэзия!» Достоинно и красиво выступили Виктор Дронников, Василий Катанов, Ирина Семёнова, Геннадий Попов, Юрий Оноприенко, Владимир Громов, Леонид Моисеев. Какая радость за Орловскую землю сияла на лицах Егора Семёновича Строева, Ивана Яковлевича Мосякина, Анатолия Александровича Мерцалова и других высоких должностных лиц, приехавших поболеть за орловских писателей.

С этого момента рядовая, небольшая писательская организация стала превращаться в одну из самых известных и популярных в стране. Ганичев подружился с Моисеевым, случайно они оказались в отпуске с жёнами в Коктебеле

и родилась идея: «Почему бы не провести Пленум Союза писателей России впервые не в Москве, а в Орле?». Название напрашивается само — «Русская литература, истоки, традиции и современность».

Идея понравилась Егору Семёновичу Строеву, и в октябре 1994 года двести писателей со всех концов необъятной России обнимались на перроне орловского вокзала после непростых лет разлуки и изменений писательской жизни. Орёл возродил интерес к литературной жизни, Строев покориł писателей своим отношением к современным литераторам, даже учредил с Союзом писателей России Всероссийские литературные премии имени И. А. Бунина, А. А. Фета и Н. М. Карамзина. Орловцы Иван Рыжов и Василий Катанов стали первыми лауреатами премий прямо на съезде. Стенограмму всех мероприятий Ганичев поручил издать в «Вешних водах». Таким образом, Леонид Юрьевич Моисеев вывел на главную орбиту литературной жизни России небольшую писательскую организацию и Орловский край в целом. Впереди были сотни книг орловских писателей, участие на лучших книжных ярмарках мира. Ранний уход его 19 февраля 1995 года, всего через три месяца после триумфа Орла, стал большой трагедией.

ТАБАКОВ В ОРЛЕ

Утро задалось морозным и скрипучим. Перрон вокзала был пуст. Вдали показался проходящий поезд из Москвы. Я двинулся к перрону первого пути, где обычно останавливались вагоны СВ. «Неужели сейчас за проводником покажется сам Олег Табаков, живая легенда советского кино?» — промелькнула мысль. В дверях девятого вагона появился мужчина, лицо которого было знакомо каждому советскому зрителю. Простая куртка, зимняя фуражка ничем не выдавали такую важную персону. Коротко познакомились и скорее направились к такси от холода. «Совсем молодой директор, как и я в молодости», — проговорил Олег Павлович. У стойки администратора гостиницы «Россия» он аккуратно заполнил формуляры гостя, ласково улыбнулся смотревшей на него во все глаза служащей, и мы поднялись на лифте на третий этаж. Табакова ждал 302-й номер «люкс», где останавливались все знаменитости, прибывающие в Орёл. «Олег Павлович, Вам завтрак принесут сейчас или назначите время попозже?» — спросил я. «Давай позавтракаем сейчас, потом я часок вздремну, и к одиннадцати приходи за мной в театр на репетицию». И я понял, что приглашён позавтракать с ним за кампанию. Пока народный артист совершал туалет, я позвонил в буфет насчёт второй порции и в театр, чтобы ждали нас к репетиции. Завтрак был обычный, без изысков, хотя Олег Павлович отметил, что любит всё есть со сливочным маслом. Я расплатился за двоих и оставил гостя немного отдохнуть.

Жизнь областного драматического театра имени Ивана Сергеевича Тургенева весьма оживилась. Табаков в Орле впервые, герой фильма «Семнадцать мгновений весны», любимец всех детей и взрослых по мультфильму «Каникулы в Простоквашино», а также обладатель ярких ролей в самых известных кинофильмах мгновенно разбудил старинный Орёл. А решилось всё просто. Известный артист театра Советской Армии, ведущий воскресные музыкальные телепередачи «Артлото», а также концерты в знаменитом зале гостиницы «Россия», Фёдор Чеханков как-то посоветовал пригласить Олега Табакова на короткие гастроли в Орёл в спектакль «Провинциальные анекдоты» (по пьесам Александра Вампилова), где он играет одну из главных ролей у себя в Москве. А Фёдор Яковлевич Чеханков родом из Орла и всегда интересовался родным театром, в котором его мама была ведущей актрисой. Я позвонил по телефону (номер подсказал Фёдор), и Олег Павлович согласился.

Так вот, в день приезда народного артиста, все билеты были проданы, мой директорский резерв трещал по швам. Меня вдруг узнали и посетили лично известные директора заводов, руководители различных учреждений, причём все такие доброжелательные и приятные, что мне было в новинку. Конечно, движущей силой были их жёны. Правда, один чиновник средней руки пришёл в кабинет просить два билета за 15 минут до начала спектакля и обиделся, что я ему отказал. Пришлось на пальцах ему объяснить, что если на углу киоскёр продал все сосиски, то сколько ни проси, ничего не получишь. А билеты на Табакова были ещё дефицитнее. Однако позвонил в кассу и велел дать два билета без мест.

Без четверти одиннадцать я входил в гостиницу, где в вестибюле, спиной к посетителям, стоял Олег Павлович,

приятно удивив своей дисциплинированностью. Театр находился совсем рядом, и через несколько минут я представлял Табакову главного режиссёра, который сразу же повёл виновника торжества в гримёрку, и вскоре началась репетиция. Я сел в директорскую ложу. Когда на сцену вышел Народный артист в образе проснувшегося после пьянки постояльца гостиницы, мне показалось, что пахло перегаром прямо в лоджии. А когда он проковылял к краю сцены, теребя ширинку, помощник режиссёра на первом ряду вскочила, покраснев. И вообще все артисты играли замечательно, невольно показывая высокий уровень рядом со знаменитостью.

Три дня переполненный зал восторженных зрителей рукоплескал интересному спектаклю, причём шло по три спектакля в день. Некоторые зрители сожалели, что роль Табакова была, мягко говоря, не положительной, но его искренность, непосредственность, удивительное обаяние к концу спектакля вызвали любовь и восхищение. Некоторые влиятельные женщины прорывались в гримёрку с цветами после спектакля и удивлялись, что сталкивались с совершенно трезвым артистом, уже изящно одетым, а рядом лежала одежда пьяного героя, особенно выделялись стоптанные ботинки, всё это Олег Павлович заботливо вёз из Москвы.

На второй день Табаков пожаловался, что у него что-то с зубом. Главный режиссёр тут же позвонил приятелю, главному врачу областной больницы, и через пять минут к гостинице подкатила белая «Волга». К началу очередного представления артист был в форме. Не могу не отметить, что в первой половине дня я сопровождал Олега Павловича в прогулках по Орлу, ему понравился наш молочный рынок. Лишь одна женщина тихонько воскликнула, обращаясь к подруге: «Смотри! Похож на Табакова!», разглядела его всё-таки в скромной

куртке, фуражке и тёмных очках. С большой любовью москвич смотрел на банки разных маринадов и солений, позднее я узнал, какой он любитель поесть. На предложение посетить музеи Тургенева и Лескова Табаков сказал, что успеет к Лескову, а когда заведующей музеем Лескова он вручил афишу из Парижа к спектаклю «Леди Макбет Мценского уезда» на французском языке, я понял, что Олег Павлович готовился к встрече с музеем любимого писателя. Не дремали журналисты газет и телевидения, интервью, прямой эфир, всё крутилось вокруг известной личности. Интересно прошла встреча с труппой театра. Табаков рассказал, как снимался в фильмах, как его узнавали после выхода в свет 12-серийного художественного телефильма «Семнадцать мгновений весны». Как родная племянница Шелленберга прислала ему открытку к Рождеству Христову с благодарностью за напоминание о дяде Вилли. Как в Австрии, в магазине он попросил взвесить бананы поспелее, а продавщица всплеснула руками: «О, господин Шелленберг! Конечно!» Не обошли гостя с вопросом о зарплате, на что Олег Павлович сказал: «Я, по советским понятиям, человек богатый. Ставлю по несколько спектаклей в год за рубежом, что оплачивается в инвалютных рублях, снимаюсь в кино, ну, и, конечно же, театр». В общем, встреча прошла очень душевно.

Перед последним днём выступлений прозвонил главный врач областной больницы и пригласил Табакова после последнего спектакля в сауну отдохнуть, снять напряжение, на что тот согласился. При таком ритме жизни отдохнуть просто необходимо. Всё необходимое имелось в одном из корпусов лечебного заведения. Сауна и бассейн помогали реабилитироваться выздоравливающим больным, а красивый ужин доктор вполне мог обеспечить. Мы с главным режиссёром

были очень рады такой компании. Вот тут-то изображающий нетрезвого героя Народный артист мог позволить себе рюмочку крепкого напитка.

Утром, после завтрака, Олег Павлович вручил мне два червонца со словами: «Не отказывайся, я на свои завтраки, обеды, ужины у тебя заработал!», чему я был удивлён. Расстались мы у вагона друзьями, и я получил приглашение на любые спектакли в Москве с его участием.

ТУРГЕНЕВ КАК ЧАСТЬ ЖИЗНИ

На центральных улицах Орла нередко можно было заметить изящную фигурку немолодой женщины. Она неторопливо шла то в музей, то в библиотеку, то в административные здания и учебные заведения. Всегда одета со вкусом при любой погоде и в особенном головном уборе: будь то шляпа, берет или красивая шапочка. В шутку ее называли — наша Елизавета Вторая. Это Нина Максимовна Кирилловская — известный в прошлом музейный работник, обладательница многих наград и званий, занесенная в Книгу Почета города Орла.

Орёл — самый, что ни на есть для неё родной город. Семьи родителей в 1914 году были эвакуированы из Витебской губернии. Бабушка и дедушка, а также их родные, владели домами на 3-й и 5-й Курских улицах. С приходом советской власти всех расселили по квартирам. Так Железнодорожный район (раньше вторая часть города) стал родным для Ниночки Вышкиной, родившейся 16 ноября 1931 года. Мама Цилия Иосифовна Пеймер-Вышкина в 30-е годы заведовала старинной аптекой на Ленинской (Аптека Рота), папа Макс Данилович Вышкин был директором хлебного магазина, известного как «Александровская булочная».

Вполне понятно, что доченьке уделялось много внимания родителей и многочисленной родни. Нина рано стала проявлять лидерские качества. Ещё в детском садике любила декламировать стихи, петь песни, танцевать. Конечно же, повторяла все лозунги тех времен и небезызвестное: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

После детского сада — третья образцовая школа имени А. С. Пушкина. Хорошо помнила первых учителей Евгению Митрофановну и Клавдию Аверкиевну. Два класса были закончены успешно. Орёл все больше и больше нравился смышленной девочке. Особенно любила ходить в кинотеатр «Родина», гулять по набережной Оки и возле Покровского и Преображенского храмов, по Ленинскому мосту и по Ленинской, где работала мама.

И тут грянуло 22 июня 1941 года. Воскресенье. Нина шла по Ленинскому мосту с мамой, услышали: «Война! Война!» Подходят к зданию Покровского собора, а там по радио выступает Молотов.

Сначала девочка с тётей и дядей эвакуировались в Узбекистан, в Фергану, потом добрались другие родные. Там прожили до 1945 года.

Как же ощущались тогда братские отношения в СССР? Встретили орловцев как родных. Мама с родственниками устроились на работу, Нина в школу. Теперь уже лучшие качества советской школьницы проявились чётко. Во всех пионерских делах, как помощь раненым, выступления в больницах, во встречах и проводах на вокзале красноармейцев — везде в первом ряду. Председатель совета отряда, одна из лучших успевающих, все это без натуги и выпячивания, все от души!

В Орёл вернулась в 7б класс 1-й женской школы (уже было раздельное обучение). Вступила в комсомол, была замечена комсомольскими работниками Раисой Ковальчук и Иосифом Клиориним, ставшими впоследствии крупными руководителями. Школьница стала членом лекторской группы Железнодорожного райкома комсомола. Нина жадно тянулась к литературе. Алексей Толстой, Маяковский, Горький, Чехов, Салтыков-Щедрин и напиткивали способную старше-

классницу. А молодость стремительно старалась успеть всё охватить. Поток светлых кинофильмов, танцы в 7-й школе и городском саду, драмкружок, танцевальный кружок, учеба в музыкальной школе, изучение английского. Вокруг оказалось столько интересных и симпатичных ребят — и многое обращали внимание на яркую симпатичную девушку, которая за словом в карман не лезет.

Школа позади, Нина села в поезд уехала в Минск поступать на филологический факультет. Прекрасно отучилась, несмотря на рекомендацию в аспирантуру, вернулась в Орёл. Не куда-нибудь, а сразу в лекционное бюро Управления культуры, да с выездами во все районы области с лекциями по литературе.

Однажды Нина рассматривала афишу кино. Тут подходит симпатичный лейтенант и предлагает сходить в кино. В три дня стала Кирилловской Ниной Максимовной и укатила с мужем в Мурманскую область в поселок Титан, где служил благоверный. Суровая Мурманская область, рядом знаменитые Апатиты. Поступила в школу учителем русского языка и литературы. Ездила на электричке из Титана, далее шесть километров пешком, но всегда отлично подготовлена к урокам, модно и со вкусом одета к удовольствию детей, зависти офицерских жен, восхищению всех мурманчан.

Природа не знает остановок. И вскоре наступило лето, отпуск в Орле, а дальше пришлось остаться, чтобы на свет появилась доченька Анечка.

Что делать? Муж на Севере, Нина с дочкой в Орле, мать Нины не советует ехать с малышкой в такую даль. Положение спасла хрущевская демобилизация. Офицеров тысячами сокращали по всему СССР. Удалось уговорить мужа демобилизоваться в Орёл.

Подошло время выходить на работу. Взяли в краеведческий музей научным сотрудником, а образование филологическое. Ухватилась за любимых писателей, чтоб их литературное творчество связать с общественно-исторической жизнью. Горький, Салтыков-Щедрин, Маяковский, Есенин снова заполнили страницы докладов и выступлений. Теперь уже Н.М. Кирилловская входит в лекторскую группу обкома КПСС, становится лектором общества «Знание». В семье Кирилловских рождается сын Леонид.

Видя её активность, директор краеведческого музея Елизавета Николаевна Коренева предложила Нине Максимовне должность заместителя директора.

Новая должность ещё более окрылила молодого научного сотрудника. XX лет Великой Победы, 400-летие города Орла, 50-летие Великой Октябрьской революции и т.д. — успевай только организовывать встречи, выставки, презентации, выездные мероприятия.

Директор музея, предвидя уход на пенсию, заговорила о должности директора. Нина Максимовна оказалась готова к такому предложению и в 1969 году становится директором областного краеведческого музея.

Добавились хозяйственные заботы. И сразу захотелось сделать вход в музей отдельный, красивый, а то безликий общий вход, где несколько учреждений, да ещё по всей галерее торговых рядов шли вывески и входы в различные магазины, которые сильно упрощали значимость важного культурного заведения.

Дело не такое простое, учитывая историчность здания, архитектурные рамки и строительные проблемы. В торце на первом этаже располагался хлебный магазин, а музей тянулся по второму этажу. Нина Максимовна добилась перевода хлебного магазина в большой гастроном «Разград» — на-

против через улицу. Архитектор Топуридзе сделал красивую стеклянную витрину и вход с массивными дверями, строители создали просторный холл с лестницей на второй этаж. Конечно, помогли власти и, в первую очередь, Альберт Петрович Иванов, первый секретарь горкома партии, начальник областного управления культуры Мария Ивановна Жданова, директор завода приборов Иван Георгиевич Тимохин и др.

Четыре года пролетели довольно быстро в делах и хлопотах директора музея. Орёл широко отпраздновал 150-летие Ивана Сергеевича Тургенева в 1968 году. Сотни различных мероприятий: концертов, встреч с учёными, писателями. Орловский драматический театр имени И. С. Тургенева показал в Москве новую постановку «Дворянское гнездо». Наконец состоялось открытие роскошного памятника великому писателю на берегу Оки возле городского сада, где, по легенде, маленький Ваня любил гулять с сопровождающими его воспитателями.

А вот Спасское-Лутовиново не удалось подготовить в лучшем виде. На дворе был 1973 год. Тут власти вспомнили об инициативном директоре краеведческого музея.

Н. М. Кирилловская знала о непростом хозяйстве музея имени И. С. Тургенева и его филиалов, и едва дошли слухи об её перспективах работы в данном учреждении, уехала с лекциями в районы. Но с советской властью в прятки не играешь. Через несколько дней М. И. Жданова на парадном автомобиле областного Управления культуры доставила Нину Максимовну в музей И. С. Тургенева и представила опешившему коллективу. Коллектив замечательный, талантливый, но, прямо сказать, не совсем любил строительные и ремонтные работы, порой отвлекавшие от любимых научных трудов.

Результаты не заставили себя ждать. Успешно открыли полноценную экспозицию и отреставрировали музей Николая

Семеновича Лескова (филиал музея имени И. С. Тургенева) в 1974 году.

Однако руководство не переставало интересоваться Спасское-Лутовиново.

Нина Максимовна прикладывала все силы. Со строителями нашла общий язык, но приучила их к ответственности. Не гонялась за каждым выпившим, а сказала: «Пейте, да дело разумеете! Каждый день буду приходить к вам и спрашивать за проделанную работу». Удалось объединить усилия строителей, архитекторов, художников.

Подсказывали мама, папа, муж. Наняла специалиста из «Орёлстроя» и без его визы не подписывала ни одной процентовки. Сестра мужа, адвокат, проверяла правильность приказов. Отец мужа, начальник планоно-экономического отдела крупного завода, помогал в вопросах такого рода. Много и помогал А. П. Иванов, И. Г. Тимохин, М. И. Жданова, М. Л. Райс. Всё крутилось, всё вертелось.

Наконец одним утром в 1976 году позвонил А. П. Иванов: «Ты утром хорошо поела? Ключ от Спасского удержишь?»

Так открылась долгожданная усадьба Тургеневых с долгожданным центральным зданием. Открытие было торжественным и впечатляющим.

Вскоре Спасское посетил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов в сопровождении Фёдора Степановича Мешкова — первого секретаря Орловского обкома партии — и остался очень доволен ухоженной музейной усадьбой.

Народ потянулся в заповедный уголок Орловского края. «Интурист» не успевал направлять автобусы с туристами.

В 1983 году Н. М. Кирилловская с Б. В. Богдановым едут в Париж на открытие музея И. С. Тургенева в Буживале (при-

город на западе Парижа). Орловцы с успехом выступили перед многочисленными почитателями Тургенева, среди которых было много именитых эмигрантов. Запомнилось знакомство с внуками Виардо, Золя. Очень тепло отозвался о выступлениях Николай Васильевич Вырубов.

Орёл становился всё более музейным городом, причем литературно-музейным. В 1980 году после долгосрочного ремонта открылся дом-музей писателей-орловцев, а в 1985 — дом-музей Т.Н. Грановского. Хозяйство у Нины Максимовны становилось всё обширнее.

Общение с выдающимися личностями придавало силы. Константин Симонов, Дмитрий Лихачёв, Елена Благинина, Борис Белый, жена М.М. Пришвина Валерия Дмитриевна, дочь воспитанницы Н.С. Лескова Кира Дюнина и другие навсегда пополнили сокровищницу души Н.М. Кирилловской.

Все эти годы рядом работали прекрасные специалисты-литературоведы и музейные асы Г.Б. Курляндская, Л.Н. Афонин, Б.В. Богданов, Е.В. Проц, В.В. Сафонова, Л.А. Балыкова, Н.Т. Павлова, Е.М. Ефимова, Е.В. Тюхова и многие др.

Однажды пришёл в музей Владимир Антонович Копаев — директор вечерней школы, ветеран Великой Отечественной войны. Он с коллегами предложил принять участие в создании народного музея Орловского бронетанкового училища. Нина Максимовна стала правой рукой и ещё двадцать лет руководила этим музеем после ухода Копаева.

Наступил 1987 год, второй год пошёл пенсионного возраста, Нина Максимовна Кирилловская приняла решение дать дорогу молодым. Оставила себе работу в ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры), куда её сразу пригласил Виктор Анатольевич Ливцов, оставалась членом ряда городских и областных комиссий и обществ.

КОМАНДИР УЧИТЕЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ

«Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать»

Уинстон Черчилль

Первого июля 1925 года в посёлке Верховье (Орловская область) у железнодорожника Николая Гавриловича Алферьева и его супруги Варвары Ивановны родился второй сын Борис.

Молодая советская страна помаленьку становилась на ноги.

В городах бурлила разносторонняя жизнь, расцветившаяся новой экономической политикой, с одной стороны, и всё более усиливающимся влиянием партии большевиков, с другой стороны.

Однако сельская жизнь ещё текла во многом по накатанному пути отцов и дедов, не ведая о предстоящей коллективизации, с ежедневной радостью удачно прожитого дня, от хорошей погоды и предстоящего урожая.

Что и говорить, братья Алферьевы Тихон и Борис познали всю прелесть здорового деревенского детства, проводя время в помощи родителям, непродолжительных ребячьих играх на свежем воздухе, походах с матерью в приходскую церковь.

Известно высказывание Джорджа Герберта, английского поэта и священника: «Один отец значит больше, чем сто

учителей». Оно весьма точно подходило к их отцу Николаю Гавриловичу. В доме соблюдался строгий распорядок — завтракали, обедали и ужинали в одно и то же время.

Даже во время игры в футбол, которым страстно увлекались братья, их друзья по команде прекращали игру, зная, что ребятам нельзя опаздывать к столу.

Скорее всего, домашняя строгая дисциплина вовсе не мешала детству юных Алферьевых, а, наоборот, приучала к обязательности, порядку и самостоятельности.

Мало того, что Борис хорошо учился, играл в футбол, был разносторонним спортсменом, так он ещё научился играть на балалайке, мандолине и стал осваивать игру на трубе, благо, в Верховье действовал в то время превосходный духовой оркестр. Однако светлой полосе жизни в семье Алферьевых, как и во всей жизни СССР пришлось уступить место чёрной. Началась Великая Отечественная война.

Старший брат Тихон ушел на фронт. Отец выполнял свой долг железнодорожника военного времени. А Борис после окончания Верховской средней школы с мамой Варварой Ивановной в 1942 был эвакуирован в деревню Демидово Варнавенского района Горьковской области.

Крепкому спортивному пареньку было нетрудно освоить все виды сельскохозяйственных работ: пахать землю, сеять зерно, работать на току весь световой день. Добавились новые виды работ, связанные с лесозаготовками, сплавом леса по реке и т. д.

Молодость брала своё и, ни уставала за день молодёжь, вечерние посиделки и игры были обязательным продолжением трудового дня. Борис частенько играл на балалайке Горьковскую «мотаню», а Варвара Ивановна старалась, хоть иногда, прийти и полюбоваться на молодёжь.

Уже в январе 1943 года Б.Н. Алферьев был призван в ряды Советской Армии. Под Москвой с новым другом Николаем Головиным он нёс обычную солдатскую службу военного времени. Друзья, имея среднее образование, будучи дисциплинированными солдатами, не могли долго оставаться незамеченными. В июле 1944 года их направили в Могилёвское пехотное училище. Если в невероятно сложных условиях под Москвой семнадцатилетний Борис Алферьев готовил автоматчиков-лыжников, то в военном училище, затем на службе в Саратове всецело отдавался спорту.

Коньки, лыжи, гимнастика, бег, футбол — всё было интересно. Интерес интересом, а участвовать в различных соревнованиях, получать заслуженные грамоты, медали, благодарности можно было только после упорных тренировок.

Послевоенный Саратов имел добрую музыкально-театральную славу, и Борис увлёкся опереттой, посещая практически все спектакли, особенно с участием актрисы Немирович-Смирновой.

Любовь к театру, игра на музыкальных инструментах привели молодого офицера Алферьева к решению подать рапорт на службу в военный оркестр и учиться на профессионального музыканта, но судьба распорядилась иначе.

В 1948 году страна стремительно залечивала военные раны и проникалась мирной жизнью. Тысячи и тысячи молодых солдат и офицеров увольнялись в запас, поступали в учебные заведения, шли на заводы и на сельхоз-предприятия.

Борис Алферьев решает поступать на исторический факультет Орловского учительского института. Здесь оказались востребованными все его навыки и умения, как в спорте, так и в музыке.

Он хорошо играл в институтской волейбольной команде, состоял в духовом оркестре, играл на трубе, «баловался» шахматами, по выходным уезжал в родное Верховье.

Примечательно, что в то же время в учительском институте учились будущие руководители народного образования Орловщины Н. Н. Шутеев (будущий заведующий облоно (областной отдел народного образования)), Н. И. Старостин (будущий заместитель заведующего отделом науки научных учебных заведений обкома КПСС, З. А. Бонкс (будущий директор Орловского культпросветучилища) и другие.

Сегодняшним студентам, празднующим по красивым улицам Орла, нарядно одетым и имеющим возможность попить пива и съесть мороженное в любом кафе, невозможно представить жизнь своих сверстников 40-х годов XX столетия. Помимо учёбы и спорта, Борис Алферьев принимал участие в разборке послевоенных руин, которыми изобилывал разрушенный Орёл, разбирал рукописи Облархива, переехавшего в здание Преображенского храма, по ночам вместе с сокурсниками выпускал институтскую стенгазету.

В одежде студентов того времени изысков не было, например, френтовики и уволенные в запас солдаты и офицеры предпочитали носить такие элементы военной формы, как гимнастёрки и сапоги. К ним относился и Борис Николаевич.

Послевоенная школа на Орловщине, как и по всему Советскому Союзу, остро нуждалась в специалистах, поэтому из ста десяти выпускников 1950 года Орловского учительского института сто пять уехали работать в сельские школы. Алферьев попал в родное Верховье, в железнодорожную школу № 36.

Что происходит в сельской школе, когда приходит двадцатилетний стройный подтянутый юноша с офицерской вы-

правкой, блестяще знающий свой предмет, умеющий играть в футбол, покорять гимнастические снаряды, играть на музыкальных инструментах и, ко всему прочему, холостой?

А то, что начиная с пятиклассников, где он вёл уроки истории, а также учеников всех последующих классов в обеих школах посёлка, их родителей, заканчивая коллегами и просто односельчанами, всех интересовал каждый шаг нового учителя, и «шаги», надо сказать, были твёрдые и уверенные.

Положительную роль, сыграло ещё то, что семья железнодорожника Николая Гавриловича и Варвары Ивановны Алферьевых всегда была на хорошем счету.

С первых уроков Борис Николаевич нашёл контакт с учениками. Вспоминает выпускница 1956 года, заслуженный учитель России, Галина Федутенко:

«Каждый урок стал для нас открытием. Борис Николаевич раздвигал завесу времени и уводил в глубь веков. Оживали картины прошлого: совершал подвиги Геракл, сражались гладиаторы, выходили на турнир рыцари, бунтовали крестьяне, происходили революции, войны, философствовали титаны мысли, совершали открытия учёные, создавались шедевры живописи и музыки. Мы не только познавали ход исторических событий, учитель учил анализировать причины и следствия их. От класса к классу, развивал умения и навыки работы с учебником, историческими документами и первоисточниками, что очень пригодилось нам, двум его ученицам в вузе, на историко-филологическом факультете.

Помню, что учитель всегда рекомендовал не ограничиваться учебником, давал список художественных произведений, посвящённых историческим событиям. И мы старались найти и прочитать эти книги.

История стала любимым предметом. В старших классах мы по достоинству оценили эрудицию Бориса Николаевича. Уважение вызывало то, что глубокие знания в разных областях сочетались с прекрасными человеческими качествами: порядочностью, интеллигентностью, обязательностью, остроумием. К детям он относился внимательно, никогда никого не унизил, не оскорбил. Всегда был спокоен, справедлив, доброжелателен, вместе с тем требователен. Мы видели всегда границу между учителем и школьником. Отличаясь трудолюбием, сообразительностью, умением распределять время на уроке, он учил нас быть ответственными, организованными, целеустремлёнными.

Наше общение с Борисом Николаевичем продолжалось и после занятий. Он очень активно участвовал в большой внешкольной работе, которая проводилась в школе (время трудное, послевоенное, внешкольных учреждений в районном центре не было). Он вёл исторический кружок, оказывал помощь в подготовке вечеров. Мы посещали струнный кружок, который организовал Борис Николаевич. Он был музыкально одарённым человеком, играл на гитаре, балалайке, мандолине, трубе. Ансамбль наш выступал на вечерах не только в школе, но и в районном Доме культуры».

Уважение и любовь учеников школы, а также всего педагогического коллектива позволили Б.Н. Алферьеву вступить за судьбу Владимира Цуканова, исключённого из 1-й школы, взять в свой девятый класс, заставить поверить в свои силы и стать порядочным человеком, дослужиться до должности начальника разведки дивизии.

Если молодой учитель вызывал большой интерес у своих учеников и их родителей, то ещё больший интерес он вызывал у женской половины посёлка. Многие красавицы вдрут ста-

ли ходить за молоком к матери Бориса Николаевича, другие старались заговорить или потанцевать с бравым кавалером, но в первое время никому не было отдано предпочтение.

И вот в 1952 году в школе появляется новая пионервожатая. Женя недавно закончила среднюю школу, поступила заочно в педагогический институт и, желая помочь матери с младшей сестрёнкой, пошла работать

Красотой природа её не обделила, а огромные синие глаза и роскошная коса заставляли биться учащённо многие юношеские сердца.

Однако строгий характер девушки держал всех на далёкой дистанции. Конечно, долго не замечать друг друга таким ярким личностям было невозможно.

Показав друг другу свою независимость и достоинство, наши герои стали встречаться, естественно, по инициативе Бориса Николаевича.

Счастливые влюблённые продолжали учёбу, один в Москве, другая в Орле, писали друг другу письма во время сессий, знакомились с родителями. Неспешка и обстоятельность в отношениях укрепили желание обоих соединить судьбу, и спустя год красивая весёлая свадьба поставила точку во всей Верховской истории.

Вскоре семейство Алферьевых пополнилось первенцем — сыном Виктором, а Борис Николаевич последовательно был назначен заведующим учебно-консультационным пунктом Люблинской очно-заочной школы (учебным заведением Московской железной дороги), затем заведующим Верховским роно (районный отдел народного образования), инспектором облоно, директором 5-й школы, заведующим Железнодорожным роно — таков послужной список Б. Н. Алферьева в 60-е годы в Орле.

На руководстве самым крупным роно города и области раскрывается его талант организатора.

Вместе с заведующим гороно (городской отдел народного образования) Н. И. Старостиным он летит самолётом в Свердловскую область в город Первоуральск изучать работу учебных комбинатов. И вскоре такой комбинат появляется в 37-й школе, а затем и в других школах города. Будучи в гостях у брата в Волгограде, Борис Николаевич заинтересовался тем, как создан Почётный караул у Вечного огня школьниками города. Тут же он организует пост № 1 у Вечного огня в Сквере танкистов в нашем городе.

Когда Н. И. Старостина пригласили на работу в обком партии, он без сомнения предложил кандидатуру Б. Н. Алферьева на пост заведующим гороно.

Так под началом нового руководителя появилась целая дивизия директоров школ, завучей, учителей, воспитателей и технических работников. Первое, что поразило педагогический коллектив города, это его доброжелательность и желание помочь любому не только в выполнении своих обязанностей, но и в выполнении того, что он сам приказал.

Борис Николаевич никогда не обращал внимания ни на родственные связи, ни на старую дружбу, а спрашивал одинаково строго со всех, включая собственную жену Евгению Ивановну, которая в то время была уже директором средней школы № 2.

Нельзя не отметить особое внимание заведующего гороно к директорам, завучам школ города и заведующими детскими садами.

Несмотря на постоянное недостаточное финансирование учреждений образования, Б. Н. Алферьев умудрялся выпросить материальную помощь у директоров заводов, строитель-

ных и торговых организаций, всегда добивался понимания и поддержки своего куратора в горисполкоме Н. М. Цикоревой. В результате делали в школах качественный ремонт, открывались новые спортивные и выставочные залы, появлялись масштабные пристройки со спортивными залами, спальнями гостиничного типа, душевыми комнатами, кухнями, например, Знаменская школа-интернат.

Не случайно это было замечено заместителем Министра просвещения РСФСР Л. К. Балясной и секретарём ЦК КПСС И. В. Капитоновым при посещении города Орла.

Строились школы, детские сады, ярким эпизодом стала сдача 45-й школы на Прокуровке (в Железнодорожном районе города Орла) с великолепными залами, плавательным бассейном, спортивными площадками.

Это сейчас каждый директор школы или заведующий детским садом решает кадровые вопросы, а тогда только горно назначало и увольняло всех работников образования. 25–30 человек ежедневно принимал заведующий только по вопросу трудоустройства.

Борис Николаевич находил время принять молодого специалиста; не дать в обиду учителя, вступившего в конфликт, перевести его в организацию, где нормальная обстановка; посетить квартиру учителя, нуждающегося в получении жилья или расширении жилплощади.

Так учителя 29-й школы С. А. Дудину вместе со старенькой мамой и сыном он просто спас, добившись выделения внеочередной благоустроенной квартиры.

70–80 годы XX века были необыкновенно творческими для работников народного образования. Проводились ежегодно смотры самодеятельного творчества учительских коллективов (стихи, песни, танцы, инсценировки и целые

театральные постановки в исполнении педагогов), что значительно поднимало культурный уровень учителей и делало разнообразным нелёгкий педагогический труд. В городском дворце пионеров и школьников имени Юрия Гагарина проводились семейные вечера для директоров и завучей. Весёлые капустники, театрализованные представления, розыгрыши превращали строгих начальников в дружескую и обаятельную компанию весёлых единомышленников. И всюду активно участвовал Борис Николаевич Алферьев.

Было бы очень односторонне показывать его образ только со служебной, общественной точки зрения.

Все коллеги, а особенно друзья и близкие Бориса Николаевича уважали и ценили его как примерного семьянина.

Нежное и рыцарское отношение к жене Евгении Ивановне сохранялось у него до конца жизни. Будучи в поездках и командировках, не было дня, чтобы он не отправил своей любимой Женечке тёплого письма. По большому счету неизвестно, был бы Б.Н. Алферьев тем, кем стал, не окажись рядом такой верной и любящей спутницы жизни.

Что касается детей, (дочь Ольга родилась уже в Орле в 60-е годы), то, говоря их словами, они не представляли себе более прекрасного и образцового отца. Остаётся только удивляться, как умудрялся вечно занятый заведующий горно прививать своим детям любовь к спорту, театру, литературе, музыке, искусству. Что очень важно — он никогда не повышал на них голоса, воспитывал примером и убеждением. Сын Виктор стал подполковником войск связи, а дочь Ольга продолжила педагогическую линию, став завучем одной из школ, кандидатом психологических наук, заслуженным работником образования России.

Последние годы Борис Николаевич много внимания уделял своим внукам, их у него четверо.

Оля, Женя, Галя и Лена просто души не чаяли в своём любимом дедушке, и каждая считала себя его единственной любимицей. Младшая Лена частенько посвящала дедушке стихи. Борис Николаевич в шутку называл себя «девчачьим» дедом. Рассказывал им сказки, играл в прятки, приучал к спорту, играл им на мандолине, учил их читать задолго до поступления в школу.

Должность заведующего горно он добровольно оставил, как только минуло шестьдесят, продолжая трудовую деятельность в Орловском государственном университете не один год.

Своё 80-летие Борис Николаевич встречал в кругу друзей и близких, радуясь, что стал дважды прадедушкой. Правнук Кирилл и правнучка Катя были для него как высокие государственные награды, которых, кстати, он мог бы иметь гораздо больше, если бы не его скромность.

Юбилей ещё раз показал, что он всегда являлся эпицентром дружеского застолья, веселья, смеха и просто общенья. Таким он остался в памяти всех, кто знал его.

Этот рассказ о Борисе Николаевиче Алферьеве может служить образцом для молодёжи, особенно избравшей себе путь высокого и трудного призвания УЧИТЕЛЯ.

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

«Где-то есть город тихий как сон...»

стихи Роберта Рождественского

Факс «зашуршал» ночью, и можно было бы утром узнать, что за сообщение пришло, но раз уж я услышал его позывные, то решил сделать это, не откладывая. «Акимат города Экибастуза Павлодарской области Республики Казахстан приглашает президента издательского дома «Вешние воды» на юбилейные торжества, посвященные 50-летию города». Слово «президент» вызвало улыбку. Вместо привычного «директор издательства» меня называли «генеральный», «глава», «председатель»... А теперь вот — «президент». Что только не придумают отправители! Но главное я понял: мечта сбылась!

То, что в 2007 году городу Экибастузу исполняется 50 лет, я помнил всегда и мечтал хоть одним глазком взглянуть на город детства в день юбилея. Впрочем, что там юбилея! Мне часто снилось, как я каким-то образом попадаю в знакомые до боли улицы, дома, школу, Дворец культуры горняков... Брожу, узнавая и не узнавая детали, запечатлённые в памяти, и новые, созданные сонным воображением. Особенно часто снилось удивительно красивое место, где располагался пионерский лагерь «Орлёнок», в котором я отдыхал каждое лето с первого по восьмой класс, да ещё по две смены. Называлось оно Жасыбай. Так продолжалось с далёкого теперь 1965 года,

когда наша семья переехала из Экибастуза Павлодарской области Казахской ССР в старинный русский город Орёл. Страна СССР была единой, паспорта были едины, деньги были едины.

Кто бы пригласил от акимата (администрации города) на юбилей человека, уехавшего четырнадцатилетним мальчишкой в другой город, да ещё в другую страну, если бы не Станислав Павлович Куржей, в советское время Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Казахстана, генеральный директор производственного объединения «Экибастузуголь», почётный гражданин города Экибастуза? Да тот самый Станислав Павлович, живший в соседнем доме по 2-му Северному проезду и бывший главным инженером второго разреза, с которым я изредка поддерживал связь с 1990 года. На моё пожелание побывать на юбилее он ответил по телефону: «Без проблем!»

Аэропорт «Домодедово» приветливо встретил вечерними огнями. Я на минуту представил, как посмотрел бы восьмиклассник 1965 года на обычный аэровокзал 2007-го... Полная фантастика! Эскалаторы, лифты, буфеты, магазины «Дьюти-Фри», люди в яркой летней одежде, красиво одетые девушки — такими мы их не видели даже в фантастических фильмах, прохаживающиеся, разговаривающие по мобильным телефонам, изобилие товаров, неизвестное тогдашнему советскому обывателю... Нет, сорок два года — это даже не «двадцать лет спустя». Эдмона Дантеса (главный герой романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо») никто не узнавал после четырнадцатилетнего отсутствия, а кто узнает меня, почти пенсионера? Ещё интереснее, узнаю ли я кого-нибудь из далёкого детства?

После получения приглашения в голове постоянно крутились картины из экибастузской жизни...

Золотая осень 65-го... Восьмой класс, первая школа. Наконец-то школьные вечера 8–11-х классов теперь доступны для нас. Старший брат Кольки Дракина, товарища по пионерлагерю, Василий, солист школьного ансамбля, поёт новую модную песню «Воскресенье». У нас с соседом и одноклассником Юркой Омаровым глаза разбежались — девчонки наши за лето похорошели, а теперь мы уже были причислены к старшекласникам, где девятиклассницы, десятиклассницы, наконец — одиннадцатиклассницы. Просто инопланетянки! Лида Михеева из 10 «а», Надя Сиденко из 11 «б», Наташа Гордеева из 11 «а»... Кого приглашать? И вообще, с чего начать, если ни разу не танцевали? Обещали подойти друзья по пионерскому лагерю Саня Титанаков, Стёпа Убираев, Сашка Сыздыков. Только-только жизнь начала набирать обороты, и тут родителям приспичило переезжать в какой-то город Орёл...

Объявили мой рейс. Билеты я заказал заранее: туда «Москва–Павлодар», оттуда «Астана–Москва». Прямых рейсов в Экибастуз не было, хотя в советское время аэропорт в известном шахтёрском городе работал. Вылет состоялся глубокой ночью, в тишине, среди дремавших пассажиров память воспроизводила картины прошлых лет ещё яснее.

Сохранился ли карьер, в котором плескались в жаркое лето до поездки на озеро Жасыбай в пионерский лагерь? На месте ли школа номер один, которая была совершенно новой и в здание которой мы перешли уже в четвёртом классе? Третий этаж казался небоскрёбом, ибо в городе до появления пятиэтажек практически не было зданий выше двух этажей. Кто-то в соседнем классе выбросил табурет из окна, и он разлетелся на части, которые могли сойти нам за игрушечные автоматы. Мы с Лёнкой Нечаевым повторили эксперимент и попались завучу, за что влетело от родителей и пришлось

приносить табуретки из дома. Как там Дворец культуры горняков? Любимейшее здание, где в детстве смотрели кино, концерты, смотрели художественной самодеятельности, спектакли Павлодарского театра драмы и кукольного театра; где по воскресеньям незабываемая методист Лера Александровна знакомила нас с шедеврами изобразительного искусства, рассказывала о великих художниках, где в библиотеке долгими зимними вечерами я зачитывался «Волшебником Изумрудного города» А. Волкова, фантастикой И. Ефремова, А. Беляева, научными статьями журналах «Наука и жизнь», «Техника — молодёжи», «Знание — сила»? Как там музыкальная школа, где я провёл целых шесть лет за баяном под началом прекрасного учителя Николая Андреевича Коха? Только его терпение и настойчивость помогли окончить школу, ведь так не хотелось пикировать на баяне в 7-м классе, когда спорт, книги, интересные девчонки отодвигали баян далеко на задний план.

Как там мои друзья: сосед по дому и по парте Юрка Омаров, его сёстры Галя и Лиля, братья Сергей и Искак? А соседские ребята — Колька Соловьёв, Сашка Гладких, Лёнька Рычковский, Валера Решетняк, самый взрослый Женя Куржей (сын Станислава Павловича), малыши Женька Шишлов, Володька Колодуб, Женька Левин? Наши дома и улицы — Иртышская, Лихачёва, 2-й Северный проезд... Вспомнились наши бесконечные детские игры в штандр, бабки, классики, круг вышибала, футбол, волейбол, «бочку с дерьмом», лазание по дворам ночью, как мы называли — «шухарить» и т. д. Казахский язык мы слышали в основном в разговорах казахов, и нам он казался благозвучным и приятным. На магазинах и учреждениях вывески были на двух языках, но первым был казахский. Кетаптар (книжный), Асхана (столовая), Арак-Шарап (вино водка) и другие названия сохранились в памяти.

Сидящий рядом мужчина всхрипнул так, что показалось, будто задрезжал весь самолёт. Светать начало довольно быстро, ведь мы летели на восток от Москвы. Вскоре показалось солнце, полёт подошёл к концу. За иллюминаторами показались Иртыш и многоэтажки Павлодара. Я подумал: «А ведь мы летим над совершенно новым государством Казахстан, в котором я ещё ни разу не был».

Павлодар встретил весьма неказистым аэропортом. В небольших помещениях проходил паспортный контроль. Из окна было видно, как в грузовик укладывали в несколько этажей багаж пассажиров. Наконец на выходе меня окликнул Женя Куржей, вернее уже шестидесятилетний стройный мужчина с седым ежиком — Евгений Станиславович Куржей. Его весёлые глаза и движения сразу напомнили того Женьку, которым мы восхищались, восхищались его модной одеждой, его «Волгой» цвета морской волны — в городе тогда таких машин было только две. Сели в добротную «Хонду» и покатали в Экибастуз. По дороге я с волнением начал перелистывать страницы, закрытые для меня на сорок два года...

Надо сказать, что с момента появления Жени реальность для меня стала ощущаться как сон. Я вроде бы всё видел и чувствовал как обычно, но в сознании ярко возникла история прошлых лет, и синхронно происходило сравнение того, что я вижу сейчас, и того, что на этом месте было в детстве. Проплывающая за окном степь возникала в памяти без каких-либо изменений, зато прямая трасса неплохого асфальта высвечивала в сознании хорошо укатанную степную дорогу, порой не уступающую шоссе. Наконец показались невысокие зелёные ровные и длинные холмы, в которых я узнал отвалы отходов от разработки угольных карьеров, только прежде они были чёрно-коричневого цвета и за сорок лет покрылись рас-

тительностью. На горизонте слева появились едва различимые очертания зданий и строений, сладко защемило сердце: вот он, мой долгожданный Экибастуз! «Хонда» повернула с трассы Павлодар–Акмола. Вдали показалось озеро, которое, как мы думали с Юркой Омаровым, «открыли» в далёком 1960 году, бродя за городом в поисках «приключений». Недалеко поблёскивал водой канал Иртыш–Караганда, бывший в детстве только мечтой.

Память подсказывала, что вот сейчас увижу что-то знакомое, а действительность оказывалась другой, всё переставляла и меняла... Ничего не осталось на месте бывшего аэродрома, куда мы бегали любоваться самолётами. Железнодорожный узел сохранился, только рядом с «нашим» вокзалом появилось новое, более крупное здание. Новшеством стал каменный парк у вокзала, глыбы которого напоминали горы Жасыбая и Баян-Аула, а вот привокзальный посёлок из небольших двухэтажек полностью сохранился, правда, здания выкрашены в ярко-жёлтый цвет, а крыши — в тёмно-вишнёвый, но здания те же. Впереди показалась незнакомая широкая улица с внушительными многоэтажками, а мы свернули на улицу горняков, упирающуюся во Дворец культуры (краем глаза заметил какие-то непривычные розовые оттенки на фасаде здания, может, оно уже другого предназначения?), повернули влево возле бывшего гастронома «Горняк», затем нырнули в узенький переулок позади тогдашней школы номер пять и остановились у входа в небольшую гостиницу.

Женя с первых минут был очень любезен, особых эмоций не проявлял, да и помнить меня, может, и не помнил, — на момент моего убытия он окончил школу. В данный момент выполнял поручение отца. Тем не менее я успел за дорогу расспросить о многом. Директор нашей школы Богдан Богдано-

вич живёт давно в Германии, учителей моих и одноклассников Женя почти не помнил, из соседей остались только родители Кольки Соловьёва в нашем посёлке. Школы музыкальной нет, в конце 80-х в ней размещался горком комсомола. Подъезжая к вокзалу, увидел корпус бывших мастерских ЦЭМ-5, где работал отец, и я мальчишкой начинал работать на токарном станке. Женя сказал, что там уже нет мастерских. Аэродром переместился в южную часть города и стал современным аэропортом с бетонной взлётной полосой на зависть Павлодару, но в лихие девяностые регулярные полеты «Экибастуз–Москва», «Экибастуз–Алма-Ата» и другие прекратились.

Здание ведомственной гостиницы «Белочка» разреза «Восточный» стояло на месте двухэтажного общежития в двух десятках метров от нашего дома, где мы жили до 1958 года и где прошли мои первые осознанные детсадовские годы. Из окна шикарного номера я увидел крышу дома моего раннего детства, утопающего в зелени деревьев, и понял, что полусон полуявь становятся всё интереснее и я отлично ориентируюсь в районе старого Экибастуза.

Неужели это не сон и я действительно в Экибастузе?!

Короткий отдых, приглашение на завтрак приветливой официанткой столовой Анастасией унесли дорожную усталость. Чувствовалась заботливая рука Станислава Павловича, знающего все мелочи приёма гостей любого уровня. И точно: не успел я позавтракать, как работник гостиницы сообщил, не скрывая огромного уважения к пришедшему, что «подошёл сам Куржей».

Если Женю я узнал сразу, то в стройном, невысокого роста, симпатичном мужчине с аккуратной сединой никак нельзя было признать восьмидесятилетнего пенсионера. В лучшем случае Станислав Павлович выглядел как мужчина «за шесть-

десять». Его голубые глаза излучали доброту и приветливость. С первых минут нашего общения я понял, что предо мною выдающаяся личность. Мелькнула мысль: ведь он на пульсе жизни Экибастуза все эти пятьдесят лет, прошёл путь от начальника участка разреза до генерального директора производственного объединения, стал просто живой легендой. Невольно возникли сравнения: как Шолохов в Вёшенской, как Илизаров в Кургане, С. П. Куржей олицетворял шахтёрскую славу всей Советской страны. Станислав Павлович кратко ознакомил с праздничными мероприятиями, сообщил, что будет предоставлено место почётного гостя, в моём распоряжении будет гид в лице главного технолога разреза «Богатырь», он познакомит с достопримечательностями города, разрезами, совершим поездки по местам моего детства, включая Жасыбай. Я был восхищён такой насыщенной программой, а пока решил не терять времени и пройтись по городу, попытаться дозвониться до кого-нибудь из друзей далёкого детства. Станислав Павлович торопился на совещание в акимат, а личную нашу встречу запланировал на последний, четвёртый, день у себя дома.

Попрощавшись с гостеприимным Куржеем, я вышел прогуляться по старому центру города. Теперь стало ясно, что центр давно уже не здесь, а там, где я видел из окон «Хонды» — современные крупные здания, возвышающиеся поодаль от улицы Горняков. За углом гостиницы, всего в десятке метров, начиналась узенькая улочка, заставившая сильнее биться сердце. Здесь сохранились все домики (почему-то их называли финскими), где прошло моё дошкольное детство. Фантастика! Я с закрытыми глазами помню каждый метр вокруг этих нескольких домов. Я всё узнал, несмотря на небольшие косметические изменения зданий и постарев-

шие деревья. И самым первым стоит НАШ ДОМ! Возле каютки пожилой мужчина хлопотал по хозяйству. «Здравствуйте, я здесь жил в детстве, тут ещё жила женщина, помню её отчество — Яковлевна», — обратился я к собеседнику. «Это моя тётя. А вашу маму звали Полина Пахомовна, а отца Иван Иванович? У них был маленький мальчик, ходил в детсад», — ответил он. «Я и есть тот маленький мальчик», — подтвердил я. «А Вас как зовут?». «Виталий», — с возросшим интересом ответил мой собеседник. И я вспомнил это имя! Виталий казался тогда взрослым мужчиной, и наши детские забавы никак не пересекались с его семнадцатилетней жизнью. Но что-то память оставила, кажется, он помогал нам весной пароходики по лужам пускать, и в общежитие на месте «Белочки» к солдатам ходил в гости, ещё подарил нам раскладные стаканчики. А память неистово восстанавливала соответствие расположения комнат тогда и сейчас. К нам присоединилась жена Виталия, которую я никогда не знал, но по теплоте их отношений понял, что все новые постройки и уют в доме результат её трудов — жены и хозяйки.

Я как во сне походил по комнатам детства, по огороду и видел, что хозяевам это было приятно. Они быстро переоделись, сфотографировались со мной на память и стали предлагать ужин. Пришлось вежливо отказаться, так как я ничего не успел бы посмотреть дальше. Расспросив о семье Лученцов, с которыми мы дружили до самого отъезда, о других соседях, я понял, что с Виталием Ивановичем Мозжевым просто повезло, больше никого не осталось на нашей улочке, которая так и называется — Узкий проезд. Только несколько старых тополей приветливо шелестели листвой, давая знать, что помнят малыша Сашку Лысенко, бегавшего с ватагой ребят по дворам и улицам, раскачивавшихся на качелях и гор-

ланивших военные песни «Шёл отряд по берегу», «Варяг», «Солнце скрылось за горою», которые привёз отец из армии (на два года службы он уходил из этого дома).

Выйдя на улицу Новосёлов, я увидел, что на углу нет дежурного магазинчика, в который мать приводила меня купить конфет или печенье. Кстати, после расчётов с гостиницей и буфетом мне понравился курс казахской валюты — тенге. Дальше путь следовал к Дворцу культуры горняков, на стройку которого мы бегали уличными мальчишками, и где мой дед Пахом Максимович успел поработать сторожем. Я слышал тогда непонятное слово «зэки», говорили, что они строили это самое красивое здание в Экибастузе. Теперь, когда открыты многие страницы советского прошлого, можно предположить, что среди строителей был Александр Исаевич Солженицын.

Дворец стоял на месте, но был какого-то невыносимого тёмно-лилового цвета, что делало это великолепное здание каким-то муляжным и несерьёзным. Оказывается, его занял ночной ресторан, и в зрительном зале с прекрасной сценой теперь стоят столики посетителей, есть большая танцевальная площадка на месте сцены — чего почти нет в современных ресторанах. Да... Повезло ресторану... Круглая лестница, площадка, где стояла на Новый год главная ёлка города, лепка внутри помещений — всё до боли знакомо, только покрашено невыносимыми цветами — тёмно-синим, зелёным, розовым, красным... Библиотеки, увы, уже не было, хотя я привёз именно для неё книги в подарок. Очевидно, уже много других красивых зданий построено в городе, и мой любимый Дворец потерял своё былое величие.

Деревья вокруг Дворца были старые, значит, те самые, которые я видел в детстве, особенно серебристые маслины (как мы их звали в детстве и безжалостно обрывали созрев-

шие плоды осенью), а памятник Ленину теперь стоит совсем другой, огромный и грубый. Воспоминания так неожиданно обступили стеной, что я не мог не удивиться — как всё это дремало в душе: оркестр баянистов на сцене Дворца культуры горняков, секция бокса под руководством Юры Шадрина, его друзья-боксёры Ваня Ширихай, Володя Малков, Толик Алтунин, казавшиеся мне сказочными богатырями, ничуть не меньше, чем знаменитые мушкетёры из книги А. Дюма. И, конечно же, еженедельные походы в кино по воскресеньям с первого класса и вплоть до отъезда из города.

Всё равно всё это смахивает на сон... За территорией Дворца через улицу Новосёлов был центральный парк, теперь, очевидно совсем заброшенный, ибо ни деревянного магазинчика на углу, ни гигантских качелей, никаких детских сооружений видно не было, лишь опустевшие площадки, кусты и деревья, да кое-где сохранившийся ажурный бетонный заборчик, не узнать который было невозможно. Грустное путешествие в парк закончилось. А вот и бывший детский сад, который я любил за уют, добрейшую воспитательницу Нину Максимовну и огромный ковёр в парадном зале, на котором мы играли, проводили утренники и новогодние ёлки. Увы, я увидел остатки здания без крыши, проёмы окон, узнаваемую надпись лепниной «Детский сад» и сзади кран, который всё предыдущие дни совершал свою разрушительную миссию.

На противоположной стороне парка я опять испытал чувство горечи утраты — там было здание горисполкома, горкома партии и трест «Иртышуглестрой», а теперь это были двухэтажные руины с заколоченными окнами, и вряд ли кто подумает, что здесь когда-то находились все органы власти города и к этому зданию люди шли с трепетом. Наконец дошёл до места, где стояла детская музыкальная школа имени

Глинки, и увидел за высоким забором незнакомые ухоженные здания. Было ясно, что здесь ничего не осталось. Я решил, что на первый день впечатлений хватит. Конечно, этот старый центр города застроят и благоустроят, о чём говорит довольно чистая, вероятно, подготовленная под будущие строения территория. Итак, в следующие дни мне предстоит увидеть дома и улицы современного Экибастуза

Новый день встретил июньским солнцем и радостным предвкушением поездки по городу и на разрезы. Ровно в 10 часов, как предупредил Станислав Павлович, тёмно-синяя «Нива» подъехала к входу гостиницы, и я познакомился со своим гидом — главным технологом разреза «Богатырь» Михаилом Васильевичем Спиридоновым, оказавшимся приятным собеседником и весьма квалифицированным специалистом.

Выехали на центральную улицу Ленина, широкую, зелёную, с приличными многоэтажными зданиями. Я сразу вспомнил, что это бывшее пустынное поле от вокзального посёлка до южной части города, где маленьким квадратиком стояла лишь городская больница из нескольких небольших зданий. На этом поле мы гоняли на велосипедах, жгли пионерские костры по окончании учебного года, а в осенние дни по нему катились тысячи шаров-колючек — «перекати-поле». Здесь-то и вырос новый многоэтажный Экибастуз, а наш «соцгород» превратился в уютный окраинный уголок. Вместо старой больницы стояла великолепная поликлиника, а когда-то новый широкоэкранный кинотеатр «Юность» превратился в здание дискотеки и развлекательного центра.

Выехали за город. Я увидел огромный комплекс ГРЭС-1 с 300-метровой трубой, возле которого маленькой свечкой торчала наша, тогда казавшаяся гигантской, труба ТЭЦ. А ведь в 60-е годы это был маяк на многие километры в степи. Элек-

трянцию возглавлял опальный премьер-министр СССР Георгий Максимилианович Маленков.

Промелькнули южные отвалы, мимо которых мы уезжали в пионерский лагерь на озеро Жасыбай, и показались разрезы. Для тех, кто не видел это чудо света, трудно найти подходящее словосочетание, чтобы описать всё это великолепие союза природы и человеческого разума, направленного на создание энергии и тепла, без чего цивилизации бы не существовало.

Как можно описать состояние, когда со смотровых площадок разреза «Богатырь» видишь три гигантских каньона, внутри которых сотни стотонных самосвалов, многоэтажных роторных экскаваторов, многовагонных железнодорожных составов, электровозов, чётко и слаженно выбирающих тысячи тонн первоклассного угля, вывозящих породу на отвалы, тысячи энергонесущих столбов, километры и километры электропроводов, железнодорожных путей... Причём, кажется, что какая-то сверхъестественная сила управляет этим могучим производством, где трудятся тысячи и тысячи шахтёров, нет пугающей тесноты и ежеминутной опасности, как в угледобывающих шахтах. Природа щедро предоставила многометровые угольные пласты прямо у поверхности земли — копай и увози на здоровье. Незабываемая картина: крутятся стрелы экскаваторов, змейками извиваются составы поездов, ползают жёлтые букашки многотонных самосвалов... Подумалось: вот она — настоящая музыка жизни.

Ещё раз порадовался, что есть такие специалисты, как Михаил Васильевич, умеющие так квалифицированно, даже, не побоюсь этого слова вдохновенно рассказать о всех нюансах и тонкостях этой, казалось бы, прозаической профессии. Говорят, Станислав Павлович назвал разрезы «угольной симфонией». И это справедливо. Столько миллионов тонн прекрасного

угля как «Богатырь» не добывает ни один разрез в мире. Ясно было, что дела здесь идут успешно. Ухоженная территория, деревья, цветы радуют глаз, приветливые лица сотрудников... И это в то время, когда на многих предприятиях упадок производства, сокращения, невыплата заработной платы...

Директор разреза Серик Жуматаевич Макаров показался эдаким богатырем по положению и манере поведения, под стать названию крупнейшего в мире угольного разреза. Поведал с юмором о визите к австралийским коллегам, с нескрываемым высокомерием встретившим посланцев из малоизвестного Казахстана, а когда те вникли в масштабы и цифры объемов производства экибастузцев, то стали похожи на провинившихся детей. Со словами благодарности за экскурсию я вручил «шахтёрскому генералу» книги своего издательства.

Вдруг в разгар нашей беседы в кабинет зашёл солидный седой мужчина, и ему сказали, что я не был сорок два года в городе, назвали мою фамилию, имя, отчество. «Сашка Лысенко, что ли? Я хорошо знал его. Заводила, спортсмен, любитель пошухарить по огородам. Мы мальчишки всегда его помнили, мечтали попасть в его компанию» — стал вспоминать он. Я открыл рот от удивления, не скрою, приятного. «А тебя как зовут?» — с удивлением спросил я. «Стас Жилковский. Жил на 2-м Северном проезде через пару домов от дома Валерки Решетняка, но учился на два класса ниже, с братом Юрки Омарова, поэтому можете не вспомнить. Мы с друзьями часто наблюдали за Вашими пробежками, тренировками, стараясь быть незаметными» — с улыбкой ответил Стас. Конечно, два года разницы в 13–14 лет очень ощутимы, и я с интересом стал расспрашивать о друзьях и одноклассниках. Почти всех знал Станислав Леонидович, теперь заместитель технического директора по охране труда разреза «Богатырь».

От него я узнал, что одноклассники Лёнька Нечаев, Толик Мартынов, Витька Бабкин, Витька Бакулин в годы после школы имели проблемы с законом и алкоголем. Мой лучший друг детства Юрка Омаров стал зваться Ибрагимом в советский период работал в профсоюзе «Экибастузуголь», затем как-то исчез из поля зрения. Запомнились его удивительные математические способности и великолепная память. Он моментально мог сказать, где и когда произошло то или иное событие мирового масштаба. Саня Титанаков — весёлый мой товарищ последнего лета шестьдесят пятого года жив, здоров и трудится в их системе. Саша Сыздыков, одарённый спортсмен, где-то в Баян-Ауле. Стёпа Убираев и Фариз Джамбул уже в мире ином... Радостные и печальные мысли окутали меня, и только гостеприимное приглашение генерального директора к обеденному столу прервало беседу. Надо отметить, что посещение разрезов было очень интересным как экскурсия, но не щемило в груди от обычной новой информации. А вот обратно в город мы поехали по улицам старого Экибастуза...

Волнительно было видеть, что северная часть в основном сохранилась за четыре десятилетия. И дома, и улицы были узнаваемы. Здание бывшего интерната, «дом Маленкова», сохранившиеся кое-где бараки, двухэтажки 50-х, двухквартирные домики и — всё отдавало тёплой волной памяти. Здание родной школы уже не было одиноким среди поля, его плотно окружили жилые пятиэтажки, скорее всего, 70-х годов постройки. Июнь. Занятий уже нет, но идут экзамены. По вестибюлю сновали дети и учителя. Зато в просторном ранее вестибюле теперь отгорожена комната для школьного музея, где заведующая Людмила Николаевна показала коллекцию старых фотографий, на которых я узнал многих своих учителей, директора школы, но нашего класса при беглом

осмотре не нашёл — то старше, то младше... Я заметил, что моё путешествие «в детство» очень интересно и моему гиду Михаилу Васильевичу. Наверное, со стороны это выглядит впечатляюще: натуральная картина встречи людей через десятилетия и моя реакция на огромные изменения. Я прошёл по просторным коридорам всех трёх этажей школы, полюбовался постаревшими подрезанными тополями, которые мы сажали пятиклассниками, и распрощался с заведующей музеем и школьным библиотекарем, тоже Людмилой Николаевной. Пообещал подарить книги, альбомы, открытки, которые привёз из Орла. Чуть позже я это выполнил. Стало понятно, что через сорок лет искать знакомых учителей мало смысла...

Из школы поехали к 8-му Северному проезду, где жила одноклассница Таня Колюх. По пути увидел, что уже нет маленького кинотеатра, где мы повторно смотрели фильмы, которые понравились и ранее демонстрировались в ДК и «Юности». Я увидел, что улицы переименованы, но цепкая детская память всё-таки нашла 8-й Северный, который теперь переименован в проезд М. Шарманова. В доме № 64 никто не отозвался, рядом стоит дом № 66, в котором жил с дедушкой и бабушкой друг Юрка Соколов, проучившийся в нашем пятом классе всего год. После его отъезда приехала сестра Галя, в которую я влюбился с первого взгляда, тогда, к сожалению, безответно. Зато для меня открылся мир женской красоты с довольно высокой планкой. Через пару лет она вместе с дедом и бабушкой уехала из города. Я позвонил в калитку, вышел пожилой мужчина, оказавшийся младшим братом Тани Колюх. Он пояснил, что их семья купила дом у Соколовых, и сообщил печальную весть, что Таня умерла несколько лет назад. Ещё одна ниточка оборвалась в детство, и жёсткое дыхание времени пронзило всё тело.

Потрясённый, я сел в машину, молча показал рукой путь до «магазина на Бугорке», куда ходил весь посёлок за продуктами, но увидел только новое здание с пустыми окнами и замком на дверях. Подъезжая к «нашим домам», где я жил с 1958 по 1965 год, я улыбнулся, увидев на улице Шахтёрской действующий до сих пор продуктовый магазинчик, где мной когда-то были куплены килограммы ирисок и пряников. Машина свернула на 2-й Северный проезд, который остался в прежнем названии, и как 42 года назад, неасфальтированным. Промелькнули дома, где жили Лёнька Рычковский, Женя Куржей, Саша Гладких, Валера Решетняк. У дома Соловьёвых копошилась какая-то женщина. Я вышел из машины и сразу узнал Валю Соловьёву — старшую сестру моего друга Кольки. Удивление и радость встречи засияли в глазах Вали, она стала приглашать в дом, и я с замиранием спросил о тёте Ане и дяде Васе, её родителях. «Живы, живы! Сейчас увидишь», — засмеялась Валя. И точно! Двое симпатичных стариков сидели на диване, улыбались и радовались встрече. Василий Фёдорович сразу вспомнил отца и то, как они работали над рационализаторскими предложениями и получали премии. Сфотографировались на память, Валя успела скинуть рабочую одежду, переодеться, а тётя Аня пошла со мной в мой родной дом, на углу по улице Иртышской, 63/1 и 2-му Северному проезду, где я рос до 14 лет, и где мои друзья-соседи на веранде в течение семи лет отмечали мой день рождения и День шахтёра. По пути она поведала, что давно не живут здесь Рычковские, Гладких, Куржей, Омаровы, Левины, Загурские, в нашей квартире недавно сменились очередные хозяева, но очень старательные — всё обновляют и перестраивают. А улица Иртышская теперь носит имя Пшимбаева.

С волнением я преодолевал эти десятки метров. Прошло ровно 50 лет с тех пор, как мы переехали сюда из Узкого проезда, но, конечно дом я узнал, хотя он был обложен свежим кирпичом. Сохранились фрагменты веранды, служившей мне летней комнатой и осенним складом арбузов. Отец покупал их в ближайшем совхозе немисливо дешёво, кажется, 5 копеек за килограмм. Молодая хозяйка показала наши комнаты, кухню, ванную, по которым я часто ходил в своих снах все эти годы. Огород и деревья были совсем другие, и лишь клён недалеко от калитки был нашим уцелевшим деревом. Сколько детских игр и впечатлений связано с этим домом, двором! Зимой наметало огромные сугробы, и я выстраивал сказочные замки и пещеры, а все соседские мальчишки восторгались их красотой.

Тепло попрощавшись с Валею и тётёю Аней и вспомнив, что цветы в их огороде всегда напоминали чудесный ковер, что видно и сейчас, я поехал в гостиницу и весь остаток вечера перебаривал увиденное. Позвонил своей учительнице начальных классов Раисе Адамовне Рыслиной, телефон которой мне дала заведующая школьным музеем. Раисе Адамовне очень понравился мой голос по телефону, мы с ней вспомнили некоторых учеников нашего класса. Очевидно, глубокий пенсионный возраст и обычная женская стеснительность не позволили ей предложить встречу, а я и не настаивал, радуясь, что вообще услышал её голос.

Тут я себя поймал на мысли, что впервые я автоматически не обращаю внимания на сорокалетних экибастузцев, не говоря о молодёжи. Ведь все, с кем я могу о чём-то поговорить, в возрасте ближе к шестидесяти и старше. Это открытие поразило меня. Это значит я тоже уже почти старик, а по юношеским понятиям — динозавр, динозавр, забредший в город детства. Прямо скажем, не очень весёлое открытие.

Позже я позвонил сестре Тани Колюх, и Нина рассказала, что никого из одноклассников я практически не найду, многие просто давно уехали: Ира Скачкова, Вера Бакуменко, Ира Зозуляк... Я удивился: увиденные дома и улицы, встречи с Соловьёвыми переплелись с памятью детства, выстроились в какую-то новую вторую серию Экибастуза 2007 года. Снова пришло ощущение, что я смотрю очередной сон.

На следующее утро меня уже ждал Анатолий Антонович Медведев, чиновник из коммунального хозяйства, которому, видно, поручили показать мне современный город. Я с большим удовольствием посмотрел на всё построенное после 1965 года, зашёл в русский храм, посмотрел на масштабный комплекс мечети (в советское время религиозных сооружений в Экибастузе не было). Воочию убедился, что могут сосуществовать и приносить пользу людям различные вероисповедания, о чём многократно слышал на Всемирных русских народных соборах в Москве. С радостью отметил про себя, что все степные просторы вокруг и внутри огромной буквы «С», состоящей из домов и улиц в 1965 году, застроены. Для меня это был новый Экибастуз, который память не знала. Но как хорошо, что сохранили в целом весь город!

К началу юбилейного собрания мы заехали за С.П. Куржем, и здесь я увидел, как уважали и ценили этого удивительно-го человека — почётного экибастузца. Все от мала до велика знали Станислава Павловича в лицо, многие спешили с ним поздороваться, важные персоны старались сфотографироваться рядом. Станислав Павлович был весел, отличный костюм на нём сидел, как на манекене, глаза горели радостью общения, на груди сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Мне досталось хорошее место в четвёртом ряду, причём я видел, что Станислав Павлович, окружённый большими чи-

нами, водил глазами по залу, выискивая меня и, только когда я ему помахал рукой, успокоился. Открыл торжественное собрание аким (в России — губернатор) Павлодарской области, далее зазвучали то русский, то казахский языки. Я подумал, что ведь можно, как и в далекое теперь советское время, жить дружно и весело во имя созидания. Не могу не отметить, что хозяйской нотки у казахов стало больше, чем раньше, и в руководстве всех отраслей это проявилось отчётливо. Но ведь и ситуация изменилась круто. Казахи находились в составе СССР, а теперь они хозяева в своём государстве, в дружбе с Россией, относятся к ней с уважением и совместно решают все задачи. Не так всё просто это далось в те бурные годы, но результат на сегодня есть, и прекратился отток русского населения из города, как это было в тяжёлые девяностые. Очень интересно было видеть на торжественном собрании документальные кадры тех лет, когда жил в Экибастузе, слышать со сцены имена людей, с которыми сталкивались родители по жизни. Но, к сожалению, новых встреч, кроме встречи с Сашей Титанакowym, не было, хотя позднее я узнал, что были знакомые. Но кто же, находясь в зале, заполненном людьми, узнает друг друга через 42 года?

Вспомнилось, как утром проезжали мимо знаменитого «Дома Маленкова», который непонятно во что перестраивается, и жалко стало, что не сохранили дом, не создали мемориальную квартиру, куда, уверен, с удовольствием приезжали бы туристы, собрали бы экспонаты, добытые у живых родственников в Москве, и т. д. Всё-таки в истории немного примеров, когда бы премьер-министр могущественнейшего послевоенного СССР, ютился в небольшой экибастузской квартире и при этом много сделал хорошего для горожан, используя огромный опыт и связи.

Благодаря Куржею оказался и на вечернем приеме, где услышал выступления известных экибастузцев прошлых лет, о некоторых из них я слышал рассказы от родителей. Редкий случай, когда собрались многие руководители города прошедших пятидесяти лет. Подчеркну ещё раз: как мне повезло! Получив на приёме хорошие книги по истории города и памятную медаль, я ещё раз отметил, как хорошо подготовились к юбилею города земляки и как велик авторитет Станислава Павловича.

Наконец настал день поездки в Жасыбай, куда все эти годы меня приводили сладкие сны детства. В 8 часов 30 минут симпатичная «Хонда» стояла у ворот гостиницы, а возле неё знакомый уже Михаил Васильевич с новым водителем. Тот отрекомендовался: «Павел», мне он сразу показался чем-то похожим на известного артиста из фильмов «Шельменко-денщик», «Крепостная актриса» и др. Оказывается директор «Богатыря» отпустил своего шофера и свою машину в наше захватывающее путешествие. Выехав за пределы города, миновав все отвалы, мы оказались в бескрайней степи, до горизонта прорезанной посредине серой лентой неплохого шоссе. Я вспомнил старую дорогу в степи за ТЭЦ, петляющую по каким-то замысловатым извилинам... Теперь другое дело — жми на педали и просто удерживай баранку.

Уже через тридцать минут показались синие очертания гор. Как мы, мальчишками радовались, увидев это чудо в степи. Через час мы уже подъезжали к ним, только не с правой стороны, а с левой, где находился Баян-Аул со своим озером. Попросив приостановиться, я сорвал кустик степной травы усыпанный мелкими бело-серебристыми цветами, напомнившими, как мы привозили эти кустики домой. Да, это та самая степь моего детства, с теми же травами и запахами. Вдали

проплыли дома посёлка Майкаина. Попутчики рассказали, что посёлок снова возрождается после лихих девяностых. Гряда гор Жасыбая издали напоминала лежащую женщину. Раньше весь транспорт заезжал к озеру со стороны «её ступней», следуя мимо причудливых гор в форме головы, огромной скалы, напоминающей булку хлеба, пионерского лагеря «Майкаин-золото», почти невидимого с дороги, и до самого нашего пионерлагеря «Орлёнок». А теперь путь заезда лежал со стороны «головы», ранее мне не известный. Я с интересом рассматривал скалы по бокам извилистого шоссе, и вскоре рядом с подножием самой известной горы Агбед мне показали мемориальный комплекс с бюстом Жасыбая. Поднявшись по ступеням к памятнику, я увидел вдали родное одноимённое озеро и порадовался, как украсился этот ранее глухой уголок агбедовской гряды. Родные горы, запах сосны, сочно пробивающийся в раскрытые окна автомобиля, груды камней, похожие на стопки гигантских толстых блинов или оладий, буйное разнотравье, цветы, пение птиц и стрекот кузнечиков вмиг оживили все детские картины. Ещё издали я узнал очертания озера и места, где был наш пионерский лагерь «Орлёнок». Глаз сразу уловил несколько новых двухэтажных зданий, как на знакомой территории так и на территории, куда всегда выезжал любимый детский сад. Я успел два года подряд, до школы туда съездить. Шахтёры построили для детей подшефного детсада летнюю дачу. Сердце забило сильнее, когда подъехали к воротам детского оздоровительного лагеря «Карлыгаш» — так теперь зовётся наш бывший пионерлагерь «Орлёнок», что в переводе с казахского означает «Ласточка». В живописнейших горах, напоминающих Волшебную страну, описанную Олегом Волковым в любимой детской книге... Никогда не забыть походы, костры, рыбалки, кинофильмы

вечером, когда на стареньком проекторе сменяли несколько бобин с киноплёнкой, а мы в перерывах бесились, потом возвращались, замёрзшие от ночного холода, в палату и было счастье, если у кого-то находили сворованный из столовой кусочек хлеба...

У ворот встретил охранник, сказал, что нельзя заезжать на автомобиле, затем созвонился с начальником и пропустил нас. Я шёл как во сне. Память услужливо подсказывала — здесь было место проведения сборов и пионерских линеек. Каждый отряд заботливо украшал свое место с названием отряда, выложенным цветами, шишками, плодами шиповника, заячьей капустой и т. д. Теперь здесь стояло какое-то здание, ну вот, показалась столовая, наша любимая столовая, вокруг которой мы крутились в ожидании еды, напевая знаменитую песню «Наши бедные желудки были вечно голодны. И считали мы минутки до обеденной поры». Сейчас это было здание дискотеки. Ага! Вот сохранилось несколько корпусов, которые я сразу узнал. Один корпус на один отряд: с одного конца корпуса — девочки, с другого — мальчики. На открытой веранде в дождливые дни могли играть, разучивать песни, читать и т. д. Павел и Михаил Васильевич с интересом следовали за мной, слушая мои сравнения, воспоминания, и удивлялись, как это я помнил всё до мельчайших деталей.

Наконец подошли к озеру. Боже мой! Тот же песок, те же камыши в правом уголке озера, в ушах даже будто ожили крики ребят, вожатых и воспитателей, хотя кроме нас троих никого там не было. Закатав штаны, я по колено брёл по берегу озера и высматривал в воде камешки, из которых я в детстве выбирал горный хрусталь. Гранёных камней я не нашёл, но кругловатые — белый и чёрный — были хорошим напоминанием занятий тех лет. Весь берег хорошо просматривал-

ся до новых зданий дома отдыха (теперь санаторий разреза «Богатырь»). Но перегородка в центре песчаной косы, обозначающая теперь территорию разреза «Восточный» — сразу за пионерлагерем, смотрелась совершенно нелепо и нарушала прекрасную идиллию. Ещё я не увидел катера «Пионер», который был единственным солидным судном на озере и катал всех детей, хотя принадлежал майкаинскому лагерю. Тем не менее душа пела от радости, ведь сколько раз снился этот берег озера детства, в каких только вариантах! И больше всего преобладало желание поплавать в кристально чистой воде до «гусиной» кожи и броситься на горячий, чистейший кварцевый песок золотистого цвета... В отличном настроении мы вернулись в машину и поехали в санаторий, по пути остановились у небольшой скалы, где когда-то белой масляной краской я писал свои инициалы, Юрки Омарова и Сашки Титанакова. Конечно, за столько лет ничего не сохранилось.

Директор санатория, симпатичный казах, ждал комиссию по приёму объекта в новом сезоне, тем не менее меня любезно принял, с удивлением узнал, что первыми отдыхающими дома отдыха в 1956 году были мои родители, и для них двоих работала столовая, дежурила моторная лодка и предлагались «мероприятия». Поднявшись на гору за санаторием, на бывший дикий пляж, я увидел комплекс зданий и величественный корпус самого президента Казахстана. Да... Таких гостей Жасыбай раньше не знал... Пообедав в столовой санатория (опять позаботился Куржей), мы двинулись в сторону Баян-Аула. Я благодарно окинул взглядом родные очертания страны детства и невольно подумал, когда ещё придётся увидеть эти места, да и придётся ли? Ещё через сорок лет это будет весьма проблематично... Вспомнилась лагерная песня со словами: «Гори, костёр, подольше, гори не догорай, а завтра лагерю скажем:

Прощай! Прощай! Прощай!» Теперь стало ясно, что я в детстве отдыхал в невероятно красивом и живописном месте, не уступающем знаменитым курортам Европы, Азии, Америки. Побывав во многих странах этих континентов, я абсолютно убедился в этом. Однако в те далёкие годы такой оценки дать было некому, ибо знатоков заграничных красот попросту не было.

На берегу Баян-Аульского озера стояла база отдыха Павлодарского университета. Я уже знал от директора санатория «Богатырь», что здесь директором служит Саша Сыздыков, с которым мы были в первом отряде «Орлёнка» летом 65-го года. И точно, только мы заехали на территорию, сразу за нами подъехали синие «Жигули», из которых вышел солидный мужчина с короткими седеющими волосами на голове, но с лицом и глазами Сани Сыздыкова, которые нельзя было не узнать. Радостно обнявшись после сорокалетней разлуки, я увидел озабоченность на его лице. Оказывается, он принял нас за комиссию, которая вот-вот должна приехать по вопросу приёмки объекта на летний сезон. И первые гости уже побывали и сделали нелепейшие замечания — перенести выгребную яму на 100 метров, заменить кое-какие блоки и т. д. И это за два дня до заезда отдыхающих. Было бы понятно, если бы эти замечания были к новому сезону будущего года. Кто же ставит вопросы ребром, которые требуют капитальных вложений и длительных сроков выполнения? И мне было искренне жаль видеть такую озабоченность на лице «мужчины под 60», ветерана советского, теперь уже казахского спорта, вложившего столько сил и энергии за много лет в создание и жизнедеятельность этой замечательной базы отдыха. Из его слов я понял, что члены комиссии — молодые специалисты из столицы Астаны, которые ещё не знают, как достаются строительные объекты, их содержание и благоустройство,

а большие полномочия, виртуальная власть над людьми кружат голову и опьяняют. Посоветовал ему чаще обращаться за помощью к всемогущему ректору университета. Обменявшись адресами, я распрощался с другом детства, и мы двинулись в обратный путь.

Ещё раз порадовался я лёгкости и скоротечности дороги «Волшебной страны детства», так я и буду продолжать называть Жасыбай, хотя стараюсь ездить в «Волшебную страну моей жизни» — Крым. Обратная дорога в Экибастуз оказалась короткой. По пути ещё раз проехали посёлок Майкаин, затем остановились у родника с очень вкусной водой неподалеку от реликтовой рощи, сохранившейся, по преданию, аж с ледникового периода. В голове проносились картины детства в Жасыбае и только что увиденное. Так полюбилось это место, что десятки раз во сне я выходил пешком за город и довольно быстро добирался до озера и лагеря. Ещё и ещё раз удивляла мысль, что сорок лет так быстро пролетели, но и как здорово пройти по тропинке детства через сорок лет... Жасыбай 60-х годов остался только в памяти тех пионеров, вожатых, воспитателей, родителей и отдыхающих, которые там побывали в то время, а современники уже никогда не будут знать тех впечатлений, как бы о них не рассказывали очевидцы. Подъезжая к старенькой трубе «нашей» ТЭЦ, я попросил свернуть к старому кладбищу, где были похоронены мои дедушка и бабушка по материнской линии, но списков могил не оказалось, и мы втроём безрезультатно побродили по району умерших экибастузцев 70-х годов. Вернувшись в гостиницу, я наскоро поужинал и под грузом ярких впечатлений быстро уснул.

В последний день я встречался со Станиславом Павловичем у него дома. В узкой улочке рядом со зданием бывшей

музыкальной школы стоит целёхонек домик пятидесятих годов, половину которого занимает Куржей. Добротная четырёхкомнатная квартира, ухоженный участок, который смело можно назвать небольшим садом, с любовью выращенные деревья, цветы, две серебристые ёлочки, посаженные в честь двух правнуков, — словом, всё указывало на высокоорганизованного культурного хозяина. После смерти любимой супруги, с которой больше полвека прожили душа в душу, Станислав Павлович своё жильё ни с кем не делит, лишь допуская домработницу Наташу прибраться в доме и приготовить еду, что она делает прекрасно. Я с любопытством рассмотрел все значки, регалии, эстампы, кубки, другие сувениры. Рядом с сувенирами уже висела тарелка с гербом Орла, на тумбочке стоял огромный карандаш с надписью «Орёл». Приятно, что так быстро мои подарки нашли своё место в чудесном квартире-музее. Вкусно отобедав, мы уединились в комнате отдыха для беседы. Здесь я почувствовал такую спокойную уверенную мудрую государственную личность в своём собеседнике, что ещё раз убедился, что не место красит человека. Слушая историю жизни знаменитого шахтёра, я зажёгся его уникальной биографией и понял его желание написать книгу о своей жизни. В небольшом рассказе Куржея о своём детстве и юности прозвучало столько необычного материала и в то же время традиционно богатого приключениями всех родов от комических до трагических, в которые ввергли наш народ все революции, войны, коллективизации, репрессии и т. д. Судя по горящим глазам Станислава Павловича, его живому языку, твёрдой памяти, можно быть уверенным, что он постарается справиться с этой нелёгкой задачей. Хотя, как писатель и издатель, знаю, что это очень и очень непросто. Порой даже тысячи исписанных страниц остаются пустой

грудой, из которых состоят километровые отвалы вокруг Экибастуза. Однако здесь интереснейшая фактура, и при хорошем литературном редакторе может получиться интересная книга, особенно для молодёжи, которая всё меньше знает истинную правду о жизни своих отцов, особенно дедов. Стало понятным его желание встретиться со мной, пригласить меня на праздник города. И я бы взялся в этом помочь, но расстояние между Орлом и Экибастузом и моя занятость сводят на нет такой творческий союз. Я рассказал всю техническую сторону решения вопроса и как найти хорошего редактора, скорее всего в Павлодаре. Пообещал поучаствовать в окончательной вёрстке и даже в издании будущей книги.

Воодушевленный встречей с интереснейшим человеком я возвратился в гостиницу. Наконец-то я мог продолжить поиск старых знакомых и друзей по телефону из номера. По телефону Галины Омаровой ответил неожиданно сам Юра, простите, Ибрагим Сатыбалдыевич, а мне никто не мог сказать, где мой самый близкий друг. Оказывается, он затворником живёт в Галиной квартире, не совсем здоров, перенёс кучу трагедий, включая потерю жены и сына, жил какое-то время в Алма-Ате. Однако мы очень хорошо поговорили, вспомнили наши многолетние походы, приключения, школу, Жасыбай, учителей, соседей... Юра постепенно оттаял и признался, что после моего отъезда такого друга у него больше не было. Я ему признался в том же. Что нам помешало держать связь все эти годы? Теперь уже не объяснить. Очень хотел бы встретиться, но в данных обстоятельствах не получается. Насчёт одноклассников грустная картина подтвердилась. Позвонил Василию Иванчикову — однокласснику Гали, узнал о судьбе Нади Сиденко, Наташи Гордеевой, Люды Гордиевской, старшеклассницах, работавших в последнее лето поварами

в «Орлёнке» и давно покинувших Экибастуз. Только звонок Станислава Жилового меня обрадовал, и мы провели последние часы в нашем Дворце культуры, погуляв по дорожкам шестидесятых, попив кофе в ресторане, где мы, когда-то сидели в зрительном зале. Стас удивился, что я помню всё до мелочей из жизни дворца и все детали его интерьеров.

В половине четвертого ночи подъехали Михаил Васильевич с Пашей, я позвонил Станиславу Павловичу, как он наказывал, что всё в порядке (мне было жалко будить замечательного человека!), и мы двинулись в Астану. Пронеслись до боли знакомые здания «соцгорода» и железнодорожного посёлка, и мы выехали на шоссейную трассу, где в этот пред рассветный час было совершенно пусто. Паша рассказывал, как возил звёзд эстрады в Экибастуз, как спорил по вопросу курения с самим Ахматовым, ставшим впоследствии премьер-министром Казахстана, то-сё — и дорога незаметно привела к утренней Астане.

Я подивился великолепию зданий в некогда обычном городе. Невольно подумалось, а что если Назарбаев, как Петр Первый, на степных болотах строит невиданной красоты город, и столица Казахстана, как когда-то Петербург, поразит весь мир?

Аэропорт ничем не уступал зарубежным, красивое новое здание. Звонкий голос объявил регистрацию на казахском, английском и русском языках. Пришло время прощаться с моими замечательными спутниками. Меня ждал новенький «Боинг».

Прощай, Казахстан! Прощай, страна детства — Экибастуз! Когда теперь доведётся увидеться?

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Теперь уже далёкий 1975 год. В старинном русском городе Ярославле выставка НТТМ-75 (Научно-техническое творчество молодежи). Я — секретарь комитета комсомола железнодорожного техникума вместе с членом комитета, учащимся 4 курса отделения связи, автором оригинального осциллографа, везу данный экспонат на выставку.

Конец сентября, золотая осень, разгар бабьего лета, командировка, полная свобода, поезд, гостиница и т. д. Что ещё надо двум молодым мужчинам, которым ещё «только за двадцать»?

Ярославль встретил ласковым теплом и жёлто-оранжево-бордовым цветом осенних деревьев. Я горел желанием как можно больше узнать о старинном русском городе, пользуясь случаем, а Александр, так звали моего изобретателя, мечтал выпить вина и полежать в гостинице. Первый день выдался свободным за исключением того, что надо было поставить экспонат в выставочный зал. Пообещав Сане, что в ужин он может воплотить все свои мечты, я потащил его на экскурсию по городу.

Оказывается, Ярославль в два раза больше Орла. Так же, как и наш город, стоит на стрелке двух рек — Волги и Которосли. У нас обелиск в честь 400-летия Орла, здесь же целый монастырь со стенами, башнями и храмами, практически — кремль. Да и возраст города почти тысяча лет.

Так целый день и провели мы в походах, экскурсиях и знакомствах.

Вечером, как я и обещал, пошли ужинать в ресторан, где Александр смог выпить своего любимого винца, а я, после пары рюмок коньяка, ещё немного и потанцевал. Сильно разгуляться в ресторанах советского времени не удавалось, так как после 23 часов всех вежливо выпроваживали, а кто не поддавался на вежливость, милиция увозила в отделение.

Саня уже был в форме «дойти бы до кровати», а мне хотелось полюбоваться ночным Ярославлем. Я довел до номера Александра и спустился к выходу из гостиницы. Как раз подъехало такси и, после выхода пассажиров, я предложил таксисту проехать по ночному Ярославлю. Водитель был в возрасте, видать с опытом, да и таксисты в то время были асами вождения, элитой среди водителей.

Очень понравился ночной город: неоновые вывески, старинные дома. Правда, храмы в те времена выглядели неважно, несмотря на красоту архитектуры. Хотя в Ярославле ещё чувствовалось, что город входит в «Золотое кольцо», но до сегодняшнего великолепия было очень далеко. Что поделать, было время «торжествующего атеизма».

После часовой езды, таксист предложил: «Хотите интересный объект покажу, хоть и вижу, что Вы уже устали?»

Я, естественно, согласился. И в самом центре города недалеко от знаменитого первого провинциального театра в России имени Д.Г. Волкова мы въехали в арку многоэтажного дома. Такси остановилось. Перед глазами в свете фар на лавочке сидел Александр Сергеевич Пушкин, задумчиво смотрящий на звездное ночное небо. По бокам лавочки стояли два золотых клёна.

Я тихонько выскользнул из автомобиля и встал, завоороженный великолепным зрелищем. Такого умиротворения я никогда ещё не испытывал.

— Рассказывайте! — шёпотом попросил я таксиста.

— Я мало знаю. Да и памятник этот мало кто знает, сюда экскурсии не водят. Никто не знает и автора скульптуры. Кто говорит, что Пушкина изваял талантливый печник, который жил в этом доме и был почитателем великого поэта, кто приписывает авторство знаменитому скульптору. Жильцы обижают памятник и никому его не отдают.

Я был просто счастлив закончить день таким интересным событием.

Конкурс завершился присуждением нашему осциллографу второго места и награждением. Мы отлично справились с заданием, но история с памятником не выходила у меня из головы.

Много лет я встречался с ярославцами: писателями, артистами, музыкантами, музейщиками. И далеко не все знали о существовании этого монумента.

Сегодня, во время всемогущего интернета, я убедился, что памятник жив, дом снесли, а Пушкина перенесли во двор школы № 43, и дети пишут сочинения и читают стихи возле любимого поэта. Однако в число оригинальных достопримечательностей памятник пока не вошёл.

ЛЮБИТЬ СВОЙ ГОРОД

(к 455-летию Орла)

Хотите из 2021 года в 1965-й? Пожалуйста!

6 октября 1965 года вечерний, незнакомый город Орёл встретил приветливыми, разноцветными неоновыми вывесками и фонарями. С интересом читал надписи: «Вокзал станции Орёл», «гастроном Экспресс», «кинотеатр Родина», «гостиница Орёл», «Универмаг». С моста вдаль: «Почтамт», «Слава КПСС», снова по улице: «Нептун», «Галантерея», «Храните деньги в сберегательной кассе», «кинотеатр Октябрь»... Наконец «Автовокзал». Сразу видно, что этот город гораздо крупнее нашего Экибастуза, да и неоновых вывесок у нас ещё не появилось.

Наутро я по привычке отправился на пробежку. Поразило то, что от подъезда тянулся вдаль яблоневый сад, на ветвях спокойно висели оставшиеся от сбора яблоки. В нашем городе яблоки тогда не выращивали, а росшие у кого-то в огородах дички (так мы называли маленькие яблочки) мальчишки воровали до последнего плода.

Поступил в положенный мне 8-й класс 24-й школы. Рядом оказался спортклуб «Трудовые резервы» — записался в секцию бокса, покинув аналогичную в Казахстане. Понравился тренер Пахомов Иван Иванович. Зимой здесь есть, где разгуляться. Запомнилась поездка в Думчино на целый день. Там, где я жил прежде, вокруг была сплошная степь, ветры часто сметали снег до земли, какие уж тут лыжи! Каток на стадионе

«Динамо» был самым популярным у орловцев, хотя катки заливали и на стадионах «Трудовые резервы», имени Ленина и в других местах.

Весна и лето 1966 года были очень насыщенными. Я всё больше познавал город, и он мне всё больше нравился. Катался на автобусах по разным маршрутам, полюбил трамвай как новый вид транспорта, особенно нравилось кататься на лодке. 40 копеек стоил час проката, рубль позволял два часа кататься и ещё съесть мороженное.

А город готовился к грандиозному празднику — 400-летию со дня основания. Ещё в конце мая мы с одноклассником ели окрошку у его бабушки в домике на берегу, где сливаются Ока и Орлик, а в июле этот домик снесли и стали возводить юбилейный обелиск.

Подошли выпускные экзамены за 8-й класс, затем родители вручили мне путёвку в спортивный лагерь «Смена». Оказалось, это настоящий палаточный городок, собравший в основном спортивных ребят. Расположен в лесочке за городом в стороне, где находится деревня Гать. Питаться мы ходили в любую погоду в ресторан «Цон», что нам очень нравилось. С нами жили и тренировались известные в стране спортсмены Валентина Тихомирова, Ираида Кривопускина, группа велосипедисток и другие.

Не успел вернуться из «Смены», как меня уже ждала путевка в пионерский лагерь «Строитель». Этот лагерь напомнил мне «Орлёнок» на озере Жасыбай в Казахстане, где я проводил летние каникулы с 1-го по 7-й класс. Вокруг зелёный лес, небольшой пруд, бассейн для самых маленьких, очень красивая кедровая роща. Детей было, как и там, 16 отрядов. Необычно для этих мест под Орлом звучал восточный язык. Оказывается, половина детей приехала из далёкого Ташкента,

там недавно произошло землетрясение, и Россия мгновенно откликнулась на беду братского народа.

После лагеря все, кто жил на Наугорском шоссе, узнали, что их переводят в новую, 36-ю школу возле тоже новой городской больницы имени Н. А. Семашко. Опять новые друзья, новые одноклассники. Оказалось, наш девятый класс был единственным старшим классом во всей школе, хотя следом шли по несколько восьмых, седьмых и так далее классов. Приятно было ощутить себя хозяевами в школе, ибо все серьёзные вопросы повседневной жизни решались в первую очередь с нами.

За зданиями больницы и школы город заканчивался, в окна класса виднелись бесконечные яблоневые сады и голые овраги, по которым мы носились на лыжах зимой. Классным руководителем нам назначили Юлию Всеволодовну Крутикову, молодую учительницу истории.

А город в сентябре начал широко праздновать своё 400-летие. У слияния Оки и Орлика уже стоял красивый обелиск, на стадионе имени Ленина состоялся грандиозный праздник с участием знаменитых артистов, ветеранов Великой Отечественной войны, гимнастов, акробатов, парашютистов.

В нашей школе тоже состоялся праздничный вечер старшеклассников, где одноклассники проявили все свои таланты в искусстве. Я стал привыкать к замысловатым фигурам орловских улиц, так отличавшихся от строго параллельных и перпендикулярных в Экибастузе. Запомнились поездки всем классом в Ясную Поляну и Спасское-Лутовиново. Когда на летних каникулах после девятого класса я поехал к родственникам в далёкую Сибирь, то уже рассказывал об Орле, как об обжитом городе, в котором есть масса достоинств и достопримечательностей.

После окончания школы решил поступать на физико-математический факультет в Орловский государственный пединститут, так как дневные отделения были только в двух вузах — педагогическом и машиностроительном (он был тогда в ранге филиала московского института). Нравилась математика, и совсем не думалось стать учителем. Постепенно вытягивался в учёбу. После второго курса была работа вожатым в лагере «Строитель», где ещё несколько лет назад отдыхал в первом отряде. Затем на третьем и четвёртом курсах — практика в школе в восьмом и десятом классах. Мне стала нравиться профессия учителя, хотелось работать с учениками, видя как они овладевают математическими знаниями и смело решают, казавшиеся ещё вчера не разрешимыми задачи. Кроме того, есть о чём поговорить с учениками, если сам обладаешь кругозором и умением вовлечь в разговор и познавательную деятельность юных собеседников.

Кроме педагогической практики запомнились сельхозработы в Новодеревеньковском и Должанском районах. Не скажу, что мы туда рвались, но впоследствии этот опыт оказался полезным.

В городе появились новые заводы: сталепрокатный, УВМ, «Научприбор» и другие. Строились девяти-, двенадцати- и шестнадцатизэтажные дома, открылся кинотеатр «Современник», на улицы вышли впервые троллейбусы, Оку украсили речные трамваи, из песчаного карьера в Ботанике родилось озеро «Светлая жизнь». Был открыт величественный памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу, принял первых посетителей музей Николая Семёновича Лескова...

Я всё больше проникался красотой города, особенно его стариной, бродя часами по старинным улочкам, любуясь деревянной резьбой, узорчатой лепкой каменных строений. Сту-

денческие годы закончились довольно быстро. Я чувствовал, как занятия, сессии, вечера и вечеринки с песнями, танцами, где мне пришлось несколько лет быть баянистом, плавание в бассейне, частые поездки в Москву и небольшой опыт учителя математики совершенно преобразили того старшеклассника, о котором я писал вначале. Добрым словом хочется вспомнить таких замечательных педагогов, как ректор Георгий Михайлович Михалёв, Дмитрий Григорьевич Курбан, Ахмет Латифович Бадоев, Раиса Гавриловна Проскурина, Галина Алексеевна Александровна, Леонид Яковлевич Цехновичер, Владимир Владимирович Ветров, Святослав Михайлович Горшенин, Георгий Сергеевич Львов и другие.

По распределению, которое было обязательным для всех выпускников советских вузов, я прибыл в Глазуновский район и был принят на работу в отдел народного образования. Побывав за два месяца в школах района (где пешком, где на попутке), убедился в том, что труд сельского учителя — поистине героический труд.

И тут пришла повестка в армию. Набралось двести призывников с высшим образованием (обладателям дипломов полагалось тогда служить год, а не два, как остальным). К нашему удивлению, всех привезли в Домодедово, посадили в самолёт и доставили на остров Сахалин. Вот здесь я уже скучал по Орлу как по родному городу. Однажды в карауле, в метель, увидел на воротах вырезанную ножом надпись «Орёл» и так стало приятно и тепло на душе. Погладив ласково надпись, я решил строить жизнь после службы только в родном городе.

Так и вышло. По возвращению на меня посыпались десятки предложений — в «Артек» воспитателем, во дворцы пионеров, в Замбию учителем математики после курсов английского языка (сегодня бы столько предложений молодё-

жи!)... Но я зашёл во 2-ю школу, где проходил педпрактику, и директор предложила мне вести математику в двух девярых и двух десятых классах. Теперь уже на деле я убедился, что хороший учитель — это призвание, огромный авторитет и необыкновенное удовлетворение от положительных результатов. Так или иначе, но судьба привела меня на комсомольскую работу в Орловский техникум железнодорожного транспорта, наверное, как молодого, подающего надежды активного педагога. Круг общения значительно расширился. В зональной комсомольской школе в Курске Орёл представляли несколько человек. В Воронеже, Белгороде, Курске мы всеми силами прославляли свой край учёбой, самодеятельностью, знанием достопримечательностей своей области. Здесь я убедился, как важно знать свою малую Родину.

А Орёл на глазах прирастал новыми учебными заведениями. Появились филиал Московского института культуры, Высшее командное училище связи, школа милиции, дневное отделение института торговли. Особенно радовались девушки Орла: женихов стало — хоть отбавляй.

Драматический театр имени И. С. Тургенева переехал в новое здание на площади Ленина. Да и сама площадь Ленина появилась как из сказки. Вместо участка бульвара, ведущего от почтамта к Городскому саду, и трамвайных линий образовался красивый ансамбль центрального места города для самых ярких праздников и торжеств...

Ещё работая в школе, женился, а, возглавляя комсомольцев в техникуме, стал отцом дочери. Прилетевшая с Сахалина мать жены уговорила переехать на далёкий остров, чтобы помочь растить внучку. Терять было нечего, квартирой ещё не обзавелись, только Орёл было жаль покидать, хотя убедил себя в том, что это временно. И тут я наслаждался работой

учителя, неожиданно широко. Кроме математики, директор школы уговорила меня вести уроки пения, узрев в моих документах, что я окончил музыкальную школу, а из школы бывший учитель пения уволился. Эта неожиданность меня не сильно испугала. А почему бы не попробовать?! Так в итоге я сделал потрясающий вывод о том, что урок пения по эмоциональному и воспитательному значению выше и значимее чем урок математики. Когда вся школа стоит на линейке и под твой баян поёт Гимн Советского Союза, невольно выступают слёзы радости, гордости и восхищения.

А ещё возглавлял школьный лагерь труда и отдыха «Белые скалы». Меня опять заметили и пригласили, сначала на комсомольскую, затем на партийную работу. В городах Сахалина, в Хабаровске и Владивостоке я всегда рассказывал, что жил и работал в Орле, рассказывал о том, какой замечательный край — Орловщина.

И время прощания с Дальним Востоком пришло. В 1981 году решил вернуться в Орёл, где овдовел отец, а маленькому сынишке не совсем подходил суровый климат Сахалина.

И вот я снова в родном городе. Предложили работу директором областного драматического театра имени И. С. Тургенева. Более оригинального предложения я не мог представить, однако дал согласие и взялся за работу. Спектакли «Грабёж» Н. С. Лескова, «Дни Турбиных» М. А. Булгакова, «Стакан воды» Э. Скриба, «Школа злословия» Р. Шеридана, «Провинциальные анекдоты» А. В. Вампилова и другие украшали репертуар театра не хуже столичных театров. Гастроли в городах Кировоград, Нальчик, Харьков, Тернополь, Винница, Чернигов, Москва проходили с аншлагами. Здесь я имел честь открывать гастроли приветственным словом

от земли Орловской и прославлять наш край, а артисты театра подтверждали мои слова великолепной игрой.

Каких только красот я не насмотрелся в этих местах, однако всё больше убеждался, что наш Орёл не уступает никому. Не зря высокую оценку Орлу и его Тургеневскому театру дали Элина Быстрицкая и Олег Табаков, сыгравшие в спектаклях «Стакан воды» и «Провинциальные анекдоты» на нашей сцене.

К 1990 году мой бывший главный режиссёр Леонид Юрьевич Моисеев возглавил Орловскую писательскую организацию (он был драматургом, членом Союза писателей СССР и заслуженным деятелем искусств РСФСР). А я трудился в институте проблем информатики АН СССР, заканчивая аспирантуру. Обстановка того времени была горячая, будущее страны потеряло очерченные десятилетиями чёткие контуры. В то же время открылись небывалые ранее возможности самим создавать новое.

Ответственный секретарь орловских писателей предложил создать литературную газету с романтическим названием: «Вешние воды». Я участвовать в этом деле отказался, мало веря, что в Орле газета окупит все затраты и материально крепко поддержит писателей.

Однако Моисеев был неуправляем, и газета вышла в свет в марте 1990 года. На личном энтузиазме нашёл спонсоров, хотя бухгалтерией и хозяйственной работой никогда не занимался. После трёх-четырёх выпусков деньги кончились, и дело приостановилось. Важно, что в это время приостановили выпуск книг все издательства, вдруг не стало денег на новые издания, в типографиях исчезла бумага, резкий переход с плановой жизни на хозрасчёт сделал жизненно важными спрос, рентабельность, прибыль...

Орловские писатели вместе с известным прозаиком Иваном Рыжовым пришли ко мне со смелым предложением создать издательство. В Орле областное издательство закрылось ещё в 1964 году. Единственное, что могли предложить, — кабинет в писательской организации и десятки рукописей профессиональных авторов, то есть всех орловских писателей.

Учитывая, что обстановка в науке оказалась не лучше, чем у писателей, а тут хоть есть партнёр, которого я знаю, да и половина писателей мне давно знакома (вплоть до совместных выступлений), я дал согласие на создание малого предприятия «Издательство Вешние воды». На что надеялся? Только на понимание руководителей предприятий и организаций важности и роли литературы, на авторитет и уважение орловских писателей, короче говоря, на то, что найду какие-то средства на возобновление выпуска газеты, а дальше будем издавать и продавать книги. Итак, 27 сентября 1990 года малое предприятие «Издательство Вешние воды» было зарегистрировано Заводским райисполкомом.

Газета стала выходить регулярно два раза в месяц, подписалось на 1991 год более тысячи читателей. Среди подписчиков были Олег Табаков, певец Михаил Муромов, заместитель министра автомобильных дорог Геннадий Иванович Донцов, первый заместитель министра ЖКХ РСФСР Альберт Петрович Иванов и другие.

Осенью 1990 года состоялся последний съезд Союза писателей РСФСР, на который мы с Моисеевым привезли 500 экземпляров газеты «Вешние воды», посвящённой 120-летию Ивана Бунина. Оставили всю пачку в фойе на лавочке и положили рядом монетку 20 копеек. В первом же перерыве газета исчезла, а на месте пачки лежала куча серебристых монет. Думаю, что это было одним из самых ярких «выступлений» на съезде.

О газете, а главное, об Орле с литературной точки зрения узнали многие. Новое руководство Союза писателей РСФСР создало Издательский Совет при СП, куда вошёл и директор издательства из Орла. Последующие три года были нелёгкими как в стране так и в Орле. Вместо стабильно работающих крупных предприятий появились тысячи начинающих предпринимателей, которые мало интересовались литературным процессом и приобретением книг.

Наступил 1993 год, орловцы избрали главой областной администрации вернувшегося из Москвы Егора Семёновича Строева. Писателей стали замечать, раскатистый бас Моисеева частенько раздавался в стенах местной власти, а с Леонидом Юрьевичем здесь были, как правило, я и несколько самых авторитетных писателей. К первым небольшим книжечкам, изданным на средства спонсоров, стали добавляться более солидные, изданные на бюджетные средства.

Летом 1994 года в Москве состоялся съезд Союза писателей России, где председателем Правления был избран Валерий Николаевич Ганичев, работавший ранее главным редактором издательства «Молодая гвардия» и газеты «Комсомольская правда», популярного журнала «Роман-газета». Нас с Моисеевым поразили его энергия, уверенность в разговоре с именитыми писателями, а главное, доброта во взгляде. Каким-то образом Орёл с литературной газетой «Вешние воды» и пятнадцатью свежеезданными книгами попали в поле зрения Ганичева.

Буквально через месяц в Союзе писателей на Комсомольском проспекте в Москве состоялась первая «Литературная горница» с участием орловской писательской организации. Выступили Виктор Дронников, Ирина Семёнова, Юрий Оноприенко, Василий Катанов и др. В ту пору, когда издательства России буквально остановились, новые орловские книги

порадовали почётных гостей горницы. А это были Сергей Михалков, Михаил Алексеев, Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Бондарев, Валентин Сорокин, Игорь Ляпин, Сергей Лыкошин, Валерий Рогов.

Когда Ирина Семёнова читала стихи, Михалков не удержался и громко произнёс: «Да это же настоящие стихи!» Присутствовавшие с нами Егор Семёнович Строев, Анатолий Александрович Мерцалов, Иван Яковлевич Мосякин только заулыбались. За Орёл было не стыдно. Орловское телевидение получило на передачу массу положительных откликов.

В конце лета Л. Ю. Моисеев всегда уезжал в Крым, в писательский пансионат Коктебеля. На этот раз он с супругой встретил там В. Н. Ганичева, также отдохавшего с супругой. Ставшие товарищескими отношения всё больше перерастали в дружбу. А результатом стала идея провести пленум Союза писателей России именно в Орле, где налицо яркая писательская жизнь, выходит литературная газета, издаются книги, а ещё есть внимание, поддержка и уважение со стороны властей во главе с Е. С. Строевым, который поможет с самым щекотливым вопросом: «Где найти финансы?» И Егор Семёнович дал «добро».

Орёл, конечно, видел на своём веку немало выдающихся личностей, в том числе великих артистов, писателей. Когда на перрон вокзала вышли двести писателей самых известных не только в России, но и в читающем мире, орловцы не поверили своим глазам. А писатели, уже окунувшиеся в океан жажды наживы, где нет места настоящей, духовной литературе, потерявшие достойные гонорары за статьи в периодике, за изданные многотысячными тиражами книги, переставшие ездить в творческие командировки и теряющие общение с коллегами, с радостью стали жать руки и обниматься.

Несколько дней Орёл гудел как улей от общения с волшебниками русского слова. Для пленарных заседаний им был дан большой зал областной администрации. Строев не только с интересом присутствовал на выступлениях, но даже не ушёл на звонок Президента страны, ответив опшарашенному помощнику: «Я беседую с русскими писателями! Позже перезвоню»

Надо ли говорить, как пела душа от радости и гордости за Орёл?! Мне доверили издать стенограмму пленума, а также изготовить дипломы лауреатов Всероссийских литературных премий имени И. А. Бунина, Н. М. Карамзина, А. А. Фета, учреждённых Администрацией Орловской области и Союзом писателей России на прошедшем литературном форуме. Так для всей России Орёл стал ярким примером поддержки литературного процесса в отдельном регионе, а Пленум стали называть возрождающим и объединительным.

Печальная весть как молния ударила орловцев: скоропостижно скончался Леонид Юрьевич Моисеев. Сколько не свершившихся дел и надежд этого талантливого человека кануло в лету! На его место писатели выбрали Геннадия Андреевича Попова, уволившегося ради работы с писателями с должности главного инженера известного завода. Нелегко было без Моисеева продолжать дело, но поняли с новым секретарём, что сохранить достигнутые позиции орловских писателей просто необходимо.

В феврале 1997 года в Москве проходили Дни культуры Орловской области. В Манеже среди других экспонатов стоял большой стенд «Книги орловских издательств», где основную площадь занимали новинки «Вешних вод». Появился первый полноформатный альбом знаменитого художника Андрея Ильича Курнакова, в Союзе писателей состоялась презентация внушительного подарочного тома стихов известного в СССР

орловского поэта Дмитрия Блынского. Орёл не сходил с уст москвичей и гостей столицы.

С лёгкой руки Валерия Ганичева Орёл стали именовать «третьей литературной столицей», обращаясь к великим предшественникам XIX–XX веков и с учётом того, что литературная жизнь и сейчас не остановилась. После знаменитого пленума в Орле ежегодно стали вручать три литературные премии, слава Е. С. Строева укрепилась прочно среди писателей России, книги «Вешних вод» стали выставляться на книжных выставках-ярмарках, на встречах и выездных пленумах и секретариатах Союза писателей России. Не забудутся поездки в Краснодар, Якутию, Санкт-Петербург, Курск, Белгород, Калугу, Смоленск, в Константиново и Рязань, Бурятию. Везде мы с Г. А. Поповым дарили книги и делились опытом работы.

С первых лет работы издательство стало сотрудничать с профессиональными художниками, а не только с типографскими мастерами кисти, благо у нас с Л. Ю. Моисеевым был опыт в театральной деятельности. Дружба писателей и художников становилась творческим сотрудничеством. Книги Василия Катанова оформлял Владимир Неделин, Виктора Дронникова — Юрий Черкасов и Николай Силаев, Ивана Рыжова — Николай Силаев, Ирины Семёновой — Ольга Дущечкина, Ивана Александрова — Александр Кузнецов и Валерий Михеев, Геннадия Попова — Анатолий Костяников. Валентины Корневой — Татьяна Блинова, Владимира Ермакова — Николай Силаев и Татьяна Блинова, Вадима Ерёмкина — Любовь Жмакина и другие.

Ярче стали проводиться литературные праздники, посвящённые Афанасию Фету, Елене Благиной, Александру Сергеевичу Пушкину и т. д. Нередко приезжали в Орёл Владимир

Костров, Пётр Проскурин, Егор Исаев, Игорь Ляпин, Лариса Баранова-Гонченко, Анатолий Парпара. Дружба с музеями вылилась, к примеру, в выпуск «Краеведческих записок» областного краеведческого музея на протяжении двадцати лет, а дружба с композитором Евгением Дербенко помогла появиться на свет нотному сборнику произведений автора «Сладки мне родные звуки».

В конце девяностых — начале двухтысячных всё активнее начали выходить книги по краеведению. Годами собираемые материалы, уникальные фотографии наконец увидели свет. Среди них «Однажды в Орле», «Сабуровская крепость» Василия Катанова, «Орёл изначальный» Владимира Неделина, «Кривцовский мемориал» Сергея Фёдорова. «Сергей Есенин и Зинаида Райх» Антонины Гольцовой, «Орловские губернаторы» (подготовили сотрудники Госархива области), «Неутомимый труженик: К 100-летию Орловского трамвая» Александра Лысенко, «Жизнь Ростопчина» Алексея Кондратенко, «Из прошлого» Бориса Антипова, фотоальбом «Орёл. XX век в лицах» Владимира Коробкова и Леонида Тучнина, «Почётные граждане города Орла» Антонины Гольцовой, Валерия Ерёмкина, Александра Лысенко (1-е и 2-е издания) и другие.

С первых дней создания издательства с нами поддерживал связь председатель Орловского землячества в Москве Альберт Петрович Иванов, в советские времена работавший первым заместителем министра ЖКХ РСФСР. В Москву он был назначен из Орла, где на высших должностях более двадцати лет делал большие дела на благо города и области. Рукописи своих первых книг: «Исповедь непокорных», «Путь России в XXI век», «Судьба Российского Отечества. Взгляд на историю из XXI века», — он отдал не в московские издательства,

а именно в «Вешние воды». А в землячество стали вступать многие солидные работники и творческие личности, ранее работавшие в Орле. Мало того, что Иванов помогал издательству, издавая книги за свой счёт, так он с Ганичевым ещё учредил ежегодную литературную премию «Вешние воды» за достойное продолжение творческих традиций Орловского края.

После крупного совещания ведущих библиотечек России, состоявшегося в Орле в начале двухтысячных, наши книги заметили и сотрудники Российской Библиотечной Ассоциации (РБА), пригласили на книжную выставку-ярмарку в Санкт-Петербург вместе с областной публичной библиотекой имени И. А. Бунина. Так под маркой нашей библиотеки и издательства «Вешние воды» орловские книги стали частью экспозиции РБА и осенью 2002 года поехали на самую известную в мире выставку-ярмарку во Франкфурт-на-Майне.

На следующий год Германия принимала российскую делегацию в ранге Почётного гостя. Мне удалось занять видное место на стенде РБА, да ещё выставить книги издательства «Орлик» моего орловского коллеги Александра Воробьёва. Кроме того, несколько книг «Вешних вод» выставило на презентабельном стенде Агентство печати и массовых коммуникаций России, а на стеллаже «Группа 17-ти» красовались книги Ивана Рыжова, Юрия Оноприенко, Алексея Шорохова. Очень было радостно за Орёл, ведь многие посетители ярмарок услышали о нём впервые. Это подтвердил известный славист из Франции Рене Герра, хорошо знающий Орёл и даже имеющий большую коллекцию открыток Орла царских времён.

В 2004 году Россию пригласила Парижская выставка-ярмарка. От нашей страны участвовали всего 24 издательства,

23 из них были из Москвы и Петербурга, и только один Орёл представлял российские регионы. Европейское радио RF рассказало об этом, дало в эфир интервью со мной, взятое журналистом-эмигрантом Виталием Амурским.

2005 год Париж объявил «Годом России». Здесь состоялись незабываемые встречи с внуком орловского губернатора рубежа XIX и XX веков А.Н. Трубникова Юрием Александровичем Трубниковым и родственницей губернского предводителя дворянства тех времён Марией Алексеевной Стахович. Подарить в Париже орловские книги потомкам русских эмигрантов, когда-то возглавлявших Орловскую губернию, — о таком можно было даже не мечтать ещё каких-то пару десятилетий назад.

Важно отметить, что Россия до 2014 была желанной и привлекательной на всех книжных форумах. Мир знакомился с книжной культурой страны после многолетнего железного занавеса. Ярмарок было огромное количество, но я старался попасть на основные, где Россия была в статусе Почётного гостя, да и времени и средств для участия во всех форумах не было. Удалось показать орловские книги в Женеве, Пекине, Гаване, Дели, Мадриде, Ашхабаде, Турине, Нью-Йорке, Лондоне.

После моего возвращения в Орёл издательство получало сотни писем о сотрудничестве, предложений от типографий разных стран издаться у них и, конечно же, от авторов рукописей как известных, так и начинающих. Однако, пойдя мы им всем навстречу, началась бы обыкновенная коммерческая жизнь, а издательство создавалось в основном для талантливых орловцев. Книги «Орёл изначальный» Владимира Неделина; «Портреты современников», «Этюды», «Диорамы» Игоря Круглого — исследования творчества знаменитого

художника Андрея Курнакова; фотоальбом «Орёл вчера и сегодня» Александра Лысенко, Олега Попова, Виталия Сидорова; поэтично-художественный альбом Геннадия Попова и Анатолия Костяникова «На тысячу вёрст кругом Россия» и др. подняли «Вешние воды» на новый уровень высококачественных, иллюстрированных изданий. К слову писателя добавились альбомы художников и фотомастеров.

К своему 455-летию Орёл подошёл значительно обновлённым, ещё шире расправил крылья на культурном пространстве России. Много отремонтировано дорог, зданий, заново облицованы набережные, произведён капитальный ремонт театров, музеев, удалось выпустить подарочные альбомы, открытки, книги. Конечно же, российские грамоты, дипломы, медали, значки и статуэтки не раз вручались как авторам, так и издательству, хотя финансовые возможности и поддержка таяли, книжные магазины редели, но это происходило по всей стране, а не только в Орле. И что, разве прихворнувшую Родину можно меньше любить?

Хочется верить, что настанет день, когда 5 августа весь Орёл выйдет в праздничных нарядах отмечать День города, где заработали сотни промышленных предприятий, а люди стали получать достойные деньги, где в многочисленных книжных магазинах толпятся читатели в очереди за новинками и автографами известных орловских писателей.

За следующие 55 лет Орёл станет ещё лучше.

НЕ СУЖДЕНО

Начало двухтысячных, Швейцария, Женева, 21-й Международный салон книги и прессы. Россия являлась почётным гостем этого грандиозного книжного форума. Среди ведущих 25-ти издательств страны был и небольшой стенд издательства «Вешние воды» из Орла. Майское утро задалось солнечным, свежая зелень трав, кустов и деревьев радовала тончайшим ароматом, недалеко от гостиницы звучали завораживающие переливы шарманки, создавая особый ритм и настроение пешеходам. В огромном выставочном павильоне на российском стенде расположилась одна тысяча книг. Книги из Орла вызвали немалый интерес ещё и потому, что все издательства были в основном из Москвы и Петербурга, а тут малоизвестный город из русской провинции. Приятно было наблюдать, как посетители листают альбом народного художника СССР Андрея Ильича Курнакова, фотоальбом «Орёл вчера и сегодня», документальную книгу «100 лет орловскому трамваю», книгу рассказов Ивана Рыжова, иллюстрированную талантливым художником Николаем Силаевым. С интересом остановилась нарядная женщина с сопровождающим элегантным мужчиной, кто-то шепнул: «жена мэра».

Неожиданно я заметил симпатичную пожилую даму в сопровождении женщины средних лет. Она остановилась перед орловскими книгами, и глаза её буквально впились в слово «Орёл». Гамма эмоций пробежала на её лице от удивления, восхищения до блеснувших слёз. На незнакомом языке, как ока-

залось, на французском, женщина пыталась что-то мне сказать. Тут вступила сопровождавшая её женщина на довольно понятном русском языке: «Моя мама уточняет, Вы действительно из города Орла?» Я, конечно, ответил утвердительно. И тут дочь поведала удивительную историю обаятельной француженки.

Весна 1945 года, девушка недавно вернулась в Париж из небольшой деревушки на Юге Франции, где прожила у родственников все годы немецкой оккупации. Оказалось, что её любимый профессор Сорбонны сотрудничает с министерством иностранных дел Франции в качестве знатока немецкого языка и нуждается в хорошем ассистенте. Увидев бывшую студентку-отличницу, он сразу предложил ей работать в своём отделе. Девушка с радостью согласилась, ибо идти в колледж и преподавать немецкий язык после немецкого нашествия ей вовсе не хотелось. Но специальность полученная, и она с головой окунулась в документы, где требовалось отличное знание языка неудавшегося «властелина мира». Первое послевоенное лето пролетело в трудах и небольших общениях с молодыми сотрудниками, а также с теми однокурсниками и сокурсниками, кто помнил её заводилой всех интересных встреч и вечеринок.

Наступила осень, и тут ей вдруг сообщают, что профессор рекомендует участвовать в Международном военном трибунале в Нюрнберге (на юге Германии) в качестве переводчика с немецкого языка. Для молодого специалиста это была большая честь и ответственность. Родной дядя девушки был замучен фашистами в концлагере, так что нотки сочувствия подсудимым у неё отсутствовали напрочь. Город встретил огромными разрушениями, уцелел только Дворец правосудия, в котором и проходил крупнейший в мировой истории судебный процесс. Делегации четырёх стран, охрану и обви-

няемых, разместили в уцелевших домах и пригороде. В зале заседаний рядом оказалась делегация из Советского Союза, и девушка обратила внимание на сидящего вблизи молодого симпатичного мужчину в форме капитана. Ей нравилась его осанка, то как он делает записи в блокноте, все его движения, а когда он предложил опереться на его руку, сходя со ступеньки, девушка даже покраснела. Дело на процессе было общее, страны были союзниками, наши переводчики очень молоды, и то, что они начали общаться, вместе гулять, обедать и проводить свободное время, казалось естественным. Правда, капитан иногда ловил на себе пронзительные взгляды некоторых мужчин в строгих костюмах тёмного цвета, но списывал это на мужскую зависть.

Что только не обсуждали наши переводчики, начиная от истории своих стран до лучших произведений, которые им удалось прочитать. Сказались юность и жажда познавать и познавать мир, каким он виделся, особенно после самой ужасной войны. И с каждым разом девушка влюблялась в капитана всё сильнее и сильнее. В беседах и встречах не было никакой политики, капитан никогда не затрагивал тему социализма, а собеседнице и в голову не приходило что-то спрашивать о его политических взглядах. Сказывалось переполненность военно-политических тем за долгие годы войны. Им были интересны они сами.

Золото осени ещё держалось, и пара не замечала ни руин, ни строжайшей обстановки, и после заседаний не могла насмотреться друг на друга.

Они не вызывали какого-либо диссонанса среди окружающих, напротив, в атмосфере духа общей победы над всемирным злом молодая пара являлась символом воплотившейся мечты для тех, кому предстоит найти родственные души,

и для тех кто не дожил до Победы. Зима пролетала незаметно, капитану удалось впервые увидеть, как европейцы любят праздновать Рождество Христово, и побывать с любимой девушкой у её родителей. А весна поразила обилием красок и непривычным теплом, позволяющим даже купаться в реке. Офицер стал наводить справки как возможно жениться до окончания судебного процесса и увезти свою любовь на Родину, в Орёл. Ему дали ясно понять, что им с девушкой дали возможность побыть вместе на время службы в Нюрнберге, но личные вопросы можно будет решать по возвращении в свою страну и в своих компетентных органах. Для молодых это явилось строгой реальностью, и предстояло пройти долгий путь, чтобы остаться вместе.

Наступил сентябрь 1946 года, процесс подходил к концу, влюблённые старались с надеждой и оптимизмом построить планы, как будут действовать после отъезда из Германии. Для связи остаётся только почта и телефон. Однако молодость и вера в справедливость давали надежду. Вернувшись в свои дома, девушка и капитан закидали письмами почту и даже пытались звонить, но в ответ получали дежурную фразу «Адресат выбыл». Капитан почти сразу понял, что обстановка послевоенная, законы и негласные правила советской жизни, вряд ли дадут им встретиться, а девушка ещё долго писала во все инстанции, надеясь отыскать своего любимого.

Так закончился рассказ пожилой дамы в переводе сопровождавшей её женщины, и на глазах у героини этого рассказа блеснули слезы и горькая улыбка. Я взгляделся в черты лица сопровождающей, и меня осенило открытие, что это дочь пожилой дамы и нашего орловского капитана, плод их настоящей и красивой любви. И дочь мечтала всю жизнь встретить отца, и даже выучила трудный русский язык.

ОБ АВТОРЕ

ЛЫСЕНКО Александр Иванович родился в 1951 г. в селе Назарово Красноярского края. С 1965 г. живёт в Орле. Окончил в 1972 г. Орловский государственный педагогический институт, в 1991 г. – аспирантуру ВНИИТЭ в Москве. Работал учителем, директором областного драматического театра имени И. С. Тургенева, научным сотрудником ИПИАИ СССР. Один из основателей издательства «Вешние воды»

и его директор со дня создания, член Союза писателей России и Академии Российской литературы, лауреат литературных премий. Автор книг «Неутомимый труженик» (к 100-летию орловского трамвая), «Почётные граждане города Орла», «Болхов. Колокольное имя твое», «Москва–Харьков. Симфония российских дорог», «Гимн строителю», «Орёл», «Золотой запас России», «Достопримечательности Орловского края», «Книги Орловских писателей на рубеже столетий», «Пульс Юности». Соавтор книг «Популярная эргономика», «Орловская губерния. Страницы фотолетописи», автор идеи и автор текста первого и второго изданий «Орёл вчера и сегодня». Названные книги вместе с книгами орловских писателей и художников были представлены на книжных выставках в Москве, Санкт-Петербурге, Германии, Франции, Китае, Швейцарии, Индии, Испании, Италии, США, Англии и в других странах. В 2023 году имя Лысенко Александра Ивановича было внесено в Книгу Почёта города Орла.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Курьёзы стихии.....	9
Маршал и тромбонист.....	14
Без вины виноватый.....	20
Не зная сути.....	22
Скарлетт и русский Профессор.....	23
Она нечаянно нагрянет... ..	30
Поэту разрешается... ..	42
Ну и русские!	45
«Саик»	47
Последняя книга.....	50

ЗА КУЛИСАМИ

Это не кабачок «Тринадцать стульев»!	55
Откуда берутся драматурги.....	63
Невиданный спектакль.....	75
Гладко было на бумаге.....	78
Беда, коль сапоги начнёт тачать пирожник.....	79
Любовь прошла мимо	84
Почти по Гоголю.....	87

ОДНАЖДЫ В ШКОЛЕ

«Не спеши!»	93
Привет, учитель!.....	96
Кирпичики.....	105
Экспромт.....	108
Победитель	114
«Извините нас...»	118
Испугал.....	123

ОЧЕРКИ

Ради Тургенева.....	127
О том, чего не знает Василий Катанов.....	130
Комета Силаева	138
На главную орбиту	140
Табак в Орле.....	145
Тургенев как часть жизни	150
Командир учительской дивизии	157
Билет в детство	168
Встреча с Пушкиным	197
Любить свой город.....	200
Не суждено	217
Об авторе.....	221

Литературно-художественное издание

12+

Александр Иванович Лысенко

Я ХОЧУ ВАМ РАССКАЗАТЬ...

(Рассказы и очерки)

Главный редактор: С. А. Ветчинников
Редактор: А. И. Кондратенко, доктор филологических наук
Технический редактор: А. С. Ухин
Консультант: А. Н. Аристова
Корректор: И. А. Лысенко

Подписано в печать 09.04.2026 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 14 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 135

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru